Российская академия наук Уральское отделение Коми научный центр Институт языка, литературы и истории

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ

Выпуск 1

Сыктывкар, 2006

УДК 947.07/084.6 (470.13)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ. – Сыктывкар, 2006. – Вып. 1. – 124 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

В сборник статей вошли материалы, посвященные различным сторонам повседневной истории крестьян и горожан Коми: торговле в Коми в первой половине XIX в., быту духовенства Коми края в XIX в., общественной жизни Усть-Сысольска в XIX – начале XX в., тому, как питались коми крестьяне в 1920-е гг. Подробно рассказано о жизни обитателей столицы автономии в 1920-х гг., а также о коми учительстве в 1920—1930-е гг. Публикуются материалы воспоминания сыктывкарки К.А.Поповой о ее детстве и др.

Редакционная коллегия

А.Ф.Сметанин (председатель), И.Л.Жеребцов (зам. председателя), О.В.Золотарев, А.Д.Напалков, В.А.Семенов, М.В.Таскаев (отв. секретарь), А.Н.Турубанов

Ответственный редактор и составитель выпуска доктор исторических наук И.Л.Жеребцов

Рецензенты

кандидат исторических наук, доцент П.П.Котов доктор исторических наук, профессор В.И.Чупров

ISBN 5-89606-282-6

- © И.Л.Жеребцов, составитель, 2006
- © Авторский коллектив, 2006
- © ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

История повседневности - обширная и многогранная проблема, привлекающая в последние годы все большее внимание исследователей различных специальностей. Весьма важным представляется изучение самых разных аспектов данной проблемы, поскольку даже кажущиеся «мелкими», «незначительными» на первый взгляд детали жизни представителей того или иного социального слоя, национальности, вероисповедания на самом деле могут сыграть (и, без сомнения, играют) чрезвычайно важную роль при попытках адекватной реконструкции досуга, быта, трудовой деятельности человека во всех ее проявлениях и со всеми подробностями в ту или иную историческую эпоху. Увлечение глобализацией научных исследований нередко приводило к тому, что за раскрытием основных направлений исторического развития общества, важнейших факторов этого развития на общегосударственном или региональном уровне забывалась обыденная жизнь человека. А ведь данный сюжет чрезвычайно интересен и сам по себе (при рассмотрении его в контексте «истории повседневности»), и немаловажен для углубления знаний, например, в различных срезах социально-экономической истории. Бесспорным представляется и то, что история повседневности, история образа жизни немаловажна для понимания проблемы преемственности поколений, сохранения и возрождения традиций - возможно, в несколько модернизированном виде. Не случаен огромный интерес читателей к книгам серии «Живая история: Повседневная жизнь человечества», выпускаемой издательством «Молодая гвардия». Очень хороший пример научного изучения истории повседневности – успешно защищенная в Петрозаводске в 2004 г. кандидатская диссертация Ю.И.Поповой «Повседневная жизнь крестьянства Олонецкой губернии в XIX веке». подготовленная под руководством д.и.н. М.И.Шумилова. В Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук аспирантом О.Н.Титковым под руководством д.и.н. И.Л.Жеребцова выполняется диссертационное исследование, посвященное повседневной жизни Коми края второй половины XIX – начала XX R

Настоящим сборником Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН открывает серию изданий, посвященных повседневной жизни населения Коми края в различные исторические эпохи. Трудовая деятельность селянина и горожанина, их семейный и общественный быт и досуг, отношение к просвещению, к религии — эти и другие аспекты предполагается

освещать на страницах сборников. Наряду со статьями и заметками будут публиковаться также подборки документов и материалов, характеризующие различные стороны повседневной жизни местного населения. Планируется включать в сборники неизданные работы или фрагменты больших работ ушедших из жизни ученых, посвященных этой проблематике.

Не сомневаюсь, что не только ученые, но и довольно широкие круги читателей с большим интересом прочитают воспоминания и статьи о том, например, как удовлетворялись потребности населения в повседневных и праздничных продуктах питания и «промышленных» товарах (одежда, обувь, домашняя утварь, украшения, оружие и орудия труда и т.д.), как протекала многообразная общественная жизнь горожан, связанная с городским и сословно-профессиональным управлением, культурно-просветительской и религиозно-церковной деятельностью, городским благоустройством, благотворительностью и т.д., как решался вопрос обеспеченности духовенства, в первую очередь сельского, жильем, на какие средства это жилье было выстроено, какого качества оно, какова была в Коми крае чиновничья служба, как питались коми крестьяне в 1920-е гг., какой они держали скот, когда искусство кино заняло прочное положение в жизни жителей столицы Коми, о каких сторонах местной жизни писали газеты несколько десятилетий назад... Об этом и о многом другом расскажут публикации, помещенные на страницах первых двух выпусков сборника «Повседневная жизнь Коми края», подготовленных под руководством д.и.н. И.Л.Жеребцова – инициатора их создания и ответственного редактора.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству ученых различных специальностей, краеведов, всех, кому есть что поведать о былом. Настоящее, увы, очень быстро становится прошлым. То, что представлялось незыблемым, исчезает или рушится; то, что, казалось, будет помниться вечно, начинает забываться. Путаются детали, даты, а потом и оценки событий – и вот уже порой то, что выглядело белым, в результате чьих-то усилий становится то ли серым, то ли вовсе черным; и с течением лет иногда уже не вспомнить, где кончается наша реальность и начинаются их фантазии. Сохранить для потомков нашу коллективную память о том, как на самом деле жили мы и наши предки – святая обязанность каждого.

А.Ф.Сметанин, председатель редколлегии, к.и.н., доцент, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Выт. 1 2006

М.А. Мацук

Торговля как реалия повседневной жизни населения кжной части Коми края в первой половине XIX столетия

При рассмотрении истории населения любой территории всегда встает вопрос о том, как удовлетворялись потребности этого населения в повседневных и праздничных продуктах питания и «промышленных» товарах (одежда, обувь, домашняя утварь, украшения, оружие и орудия труда и т.д.). Не является исключением и история Коми края первой половины XIX в.

В это время край (нами рассматривается ситуация в Яренском и Усть-Сысольском уездах) представлял собой в основном сельскую местность. Два крошечных уездных города также более походили на большие села, чем на города. Все это предопределяло снабжение населения, в основном, произведенными в их хозяйствах продуктами питания и простой одеждой. Однако развивающаяся торговля и растущие потребности населения стимулировали потребление покупных товаров.

Где и что могли купить жители Яренского и Усть-Сысольского уездов в указанное время – это мы покажем в нашей статье.

***

В изучаемое время жители края могли купить необходимые товары на ярмарках, торжках (базарах), в лавках и казенных магазинах и их отделениях.

В городе Усть-Сысольске в начале XIX в. проводились две ярмарки: Васильевская (с 1 по 10 января) и Георгиевская (с 26 ноября по 1 декабря). На последнюю, по свидетельству чиновников усть-сысольской администрации, «приезжают купцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Лальска и торгуют мануфактурными товарами, чаем, сахаром и другими, а больше у здешних купцов и крестьян стараются покупать мягкую рухлядь: медвежьи и волчьи кожи, разных родов лисиц, бобров, росомах, выдр, соболей, куниц, норок, горностаев, белок и прочих случающихся в торгу зверей и привозную с реки Печоры соленую бочками семгу, сигов, щук и язей и кедровые орехи.

И все оное покупают по сходственной же неравной же цене, а частию меняют потребные для жителей города товары.

Крестьяне из уезда привозят к торгу разные свои избытки и промыслы: вышеизъясненных зверей, диких гусей, уток, лебедей, журавлей, тетеревей, рябков, свежую рыбу, говяжье мясо, хлеб, рожь, ячмень, овес и конопли и льняное семя, хмель, сало коровье, кожи сыромятные и бараньи деланные, кои скупают того города жительствующие для своего расходу (выделено нами -M.M.)».

В 1850-х гг. и иногородние купцы привозили на продажу товар в большом количестве. Так, в 1857 г. ими было привезено товара на 17500 руб., в 1858 г. – на 19550 руб. Однако продавали они на незначительную сумму. Большую часть товаров вынуждены были увозить обратно. Так, в 1857 г. из привезенного на 17500 руб. товара было продано на 3600 руб., увезено обратно – на 13900 руб. В 1858 г. из объема 19550 руб. продано на 4850 руб., увезено обратно – на 14700 руб. Основной причиной малой продажи промышленных товаров на Георгиевской ярмарке было то, что в лавках, функционировавших в городе, в любое время можно было найти этот товар.

В конце XVIII в. в Яренске действовала ежегодная Афанасьевская ярмарка, проходившая с 18 по 24 января. На нее приезжали купцы из Вологды, Устюга, Сольвычегодска. Торг производился мануфактурой – шелковыми и бумажными тканями, воском, свечами, сукнами и другими товарами. Приезжие скупали сукна крестьянской работы, овчины, холст, меха, щетину и изделия крестьянских промыслов. В XIX в. ассортимент товаров, продаваемых на ярмарке, почти не изменился. В 30-х гг. XIX в. тут продавались сукна, шелковые и бумажные изделия, чай, сахар, восковые свечи, бумага, кожи, конская сбруя, разные железные изделия, пряники, мыло, табак, столовая посуда, беличьи и заячьи меха, холст, масло коровье, шерсть, сало и разные съестные припасы. Афанасьевская ярмарка, в отличие от большинства ярмарок Коми края, не была значительным центром для мобилизации продуктов охоты и рыболовства. Она была передаточным пунктом для проникновения в край фабричных и «колониальных» товаров, а также для мобилизации крестьянских продуктов всей округи. В 1830-х гг. Афанасьевская ярмарка являлась самой крупной в крае по стоимостному объему привозных товаров. Так, в начале 1830-х гг. на эту ярмарку привезено товара на 39500 руб., в 1836 г. – на 56283 руб., из них привезено: сукон на 11000 руб., шелковых материй – на 5000, шалей и платков – на 3000, коленкору, кисеи и пр. – на 3500, бумажных материй – на 1500, москательных товаров – на 10100. кожевенных – на 3700. прочих товаров – на 18485 руб.

Существовала в Яренске еще одна ярмарка – Ивановская (с 15 по 22 июня). Возникла она в первой половине XIX в. Ассортимент привозимых на эту ярмарку товаров был значительно уже. Так, в 1850 г. основными предметами торговли были шерстяные изделия, бумажные изделия и кожи.

В 1850 г. было привезено на Ивановскую ярмарку в Яренске товаров на 8500 руб. серебром, продано – на 3100 руб.

Самая крупная по размерам оборотов ярмарка Коми края действовала на Удоре в селе Важгорт. Она располагалась на удобном торговом пути, связывающем Печорский край с Пинегой, крупным торговым центром Поморья, куда на Никольскую ярмарку стекалась значительная часть продуктов оленеводства и пушнины Печорского края. Именно это способствовало формированию Важгортской ярмарки как наиболее значительной не только в уезде, но и во всей губернии, куда во все возрастающем количестве начинают поступать продукты животноводства и рыбных промыслов из Припечорских волостей. Важгортская ярмарка способствовала быстрому вводу в торговый оборот продукции обширного Печорского края, Удоры и других районов Коми края. В «Экономических примечаниях к генеральному межеванию» (конец XVIII в.) указывалось, что на Важгортскую ярмарку «съезжаются купцы из разных городов с разными мелочными крестьянскими товарами и из разных волостей крестьяне и самоеды с оленями и печорской семгой для продажи купцам». На эту ярмарку приезжали устюжские, архангельские, сольвычегодские, красноборские, мезенские купцы и крестьяне. Ярмарка проходила с 6 по 18 января. Цель ярмарки заключалась в мобилизации продуктов крестьянского хозяйства и рыбных промыслов северной части Коми края. Так, в 1844 г., обычном году для этой ярмарки, привоз рыбы, продуктов животноводства, охоты и крестьянских промыслов составил 58.6% от общего привоза, а доля местных товаров среди проданных на ярмарке составила 82,6%. Такое явление было типично для Важгортской Крещенской ярмарки. Ассортимент товаров, привозимых на эту ярмарку, был широк. Иногородние купцы везли хлеб, который закупался местными жителями, кожевенный товар, железные изделия, медную посуду, красный и мелочный товар; шелковые, шерстяные, бумажные ткани и изделия из них, сукна разных сортов, льняные и пеньковые изделия, табак, фарфоровую и стеклянную посуду, фрукты и бакалейные товары, олово, свинец, сахар, кофе, чай. Крестьяне продавали холст, сукна, кожи сырые, сало, масло, пушнину, соленую рыбу: семгу, сигов, лоховину, хариусов, нельму, осетрину, белую рыбицу, пелядь, птиц разного рода, оленью шерсть, пригоняли на продажу лошадей.

В Небдинском селении Усть-Сысольского уезда Афанасьевская ярмарка была открыта, видимо, в 20-х гг. XIX в. Первоначально проходила с 18 по 24 января, но из-за большого наплыва народа срок ее увеличили, установив в конце 1830-х гг. время с 10 по 24 января, а в 1841 г. – с 18 января по 3 февраля. Позже срок был увеличен еще на два дня и Афанасьевская Небдинская ярмарка стала проходить с 18 января по 5 февраля. Небдинская Афанасьевская ярмарка «учреждена правительством с целью увеличить местные средства к скорейшему сбыту пушных товаров и разного рода

избытков сельской промышленности». Эта ярмарка имела значение и для русского населения Севера, и для ненцев (самоедов), и для коми. На Небдинскую Афанасьевскую ярмарку приезжали купцы из Ишима, Чердыни, Вятки, Усть-Сысольска, вишерские крестьяне, ижемцы. В крупных размерах на Небдинской ярмарке торговали рыбой. Печорская семга направлялась оттуда к обеим столицам. Рыбой торговали ижемцы и самоеды. В конце ярмарки, по словам М.Михайлова, «всю рыбу скупают вятские, чердынские и устьсысольские купцы, мещане и зажиточные крестьяне. Устьсысольские купцы, закупая рыбу, сало, кожу, шерсть, холст, сами между тем торгуя красным товаром: платками, лентами, кушаками, сукнами, нанкою, китайкою, ситцами и другими, в особенности для крестьян необходимыми товарами». Продавался на Афанасьевской ярмарке и хлеб. До середины 40-х гг. XIX столетия Небдинская Афанасьевская ярмарка служила одним из пунктов поставки хлеба в Печорский край.

Бассейн средней Вычегды и Выми обслуживался в первой половине XIX в. двумя ярмарками - Устьвымской и Оквадской. В XVIII в. они представляли собой небольшие сельские торжки, которые были рассчитаны на работных людей Сереговского усолья и крестьян окрестных деревень, которые закупали здесь продукты питания и одежду. Но в XIX в. эти торжки ждала пора расцвета, что особенно относится к Устьвымской Герасимовской ярмарке. Начиналась она в день памяти святого Герасима Великопермского, когда в Усть-Вымь стекались толпы богомольцев со всего Коми края – 24 января, продолжалась по 6 февраля. В конце 1830-х гг. срок ее был уменьшен на два дня, в 1840-х гг. он был опять изменен. Начиналась ярмарка 28 января и заканчивалась 7 февраля. И, наконец, к началу 1860-х гг. установился 17-дневный срок с 22 января по 7 февраля. На ярмарке шла как продажа мануфактурных и колониальных товаров и хлеба собиравшимся крестьянам, так и закупка продуктов крестьянских хозяйств: масла, кож, сала и др. Иногда продажа преобладала над закупкой, как, например, в 1844 г., когда крестьянские товары среди привезенных составили 24,8%, а среди проданных - 34,9%. Иногда же закупка преобладала над продажей купеческого товара. Это зависело от урожая и вообще от того, был ли данный год благоприятным для крестьянского хозяйства или нет.

Район верхней Печоры обслуживал в изучаемое время торжок в Троицко-Печорском погосте. Открылся он, видимо, в начале XIX в. и проходил с 25 по 29 марта. С 1842 г. торжок стал проводиться с 6 по 15 декабря. Целью его была мобилизация продукции охоты и рыболовства и снабжения малочисленного местного населения хлебом и другими необходимыми товарами. Объем привоза и продажи на торжке был невелик. В 1834 г. было привезено товара на 5000 руб. серебром и продано на 4000 руб.; в

1843 г. привезено на 4000 руб., продано на 2500 руб. серебром. С 50-х гг. XIX в. торжок прекратил свое существование.

Лавочная торговля в начале XIX столетия была сосредоточена в городах края. В Яренске в это время имелось 15 лавок, в Усть-Сысольске — 11. Ассортимент товаров в лавках был широк. Как отмечалось в «Экономическом примечании к генеральному межеванию», в устьсысольских лавках «продаются привозные товары немецкие и московских фабрик разных цветов сукно, пуговицы, гарус, китайка разных сортов и доброт, тафты, ленты, фанзы, платки шелковые и бумажные колоты, коломенские стамеды, кумачи, чулки нитяные и шерстяные, колпаки бумажные, бумагу пряденую архангельского полотна, башмаки женские и мужские сапоги, посуда оловянная, медная, глиняная и деревянная и некоторые минеральные вещи, сахар, китайский чай и прочие разные мелкие для купечества, мещанства и уездных жителей товары также и съестные продукты». В это же время не было специализации лавочной торговли и в любой лавке можно купить почти любой из перечисленных выше товаров.

В 20-х гг. XIX в. лавки открываются не только в городах, но и в сельской местности. Так, в 1827 г. выдано 16 свидетельств купцам и торгующим крестьянам на право торговли в городе Усть-Сысольске и уезде, и все они получили билеты, позволяющие торговать из лавок. В это время были устроены лавки в Небдине (торгующий крестьянин М.А.Латкин), в Усть-Куломе (Г.И.Кипрушев), Троицко-Печорске (П.К.Пыстин). В 1838 г. было взято 18 свидетельств и билетов на лавки. Из них семь свидетельств и билетов были взяты торгующими крестьянами. Лавки открылись в Визинге (П. Митюшев), Объячеве, Ношуле, Выльгорте. Продолжали действовать они в Небдине, Усть-Куломе, Троицко-Печорске.

В 1840-х гг. происходит быстрый рост числа лавок в Усть-Сысольском уезде. В 1845 г. выдано 39 разрешений на лавочную торговлю. В 1850 г. выдано 48 свидетельств и билетов на лавки. В 1851 г. зарегистрирована 41 лавка в городе Усть-Сысольске и уезде. Резкое увеличение количества лавок связано с тем, что торгующие крестьяне 4-го рода обязаны были брать билеты на лавки и особенно потому, что в 1839 г. правительство разрешило торговать табаком. Из 39 лавок, зарегистрированных в 1845 г., 12 были табачными, шесть из них принадлежали крестьянам. В том же году крестьянам, торгующим по 4 роду, принадлежало 18 лавок. В 1850 г. из 48 лавок 13 были табачными, из них восемь принадлежали крестьянам. У крестьян, торгующих по 4 роду, было в этом году 23 лавки.

Сеть лавочной торговли в изучаемое время была и в Яренском уезде. По сведениям губернского статистического комитета, в 1855 г. там была 101 лавка. Лавочная торговля развивалась прежде всего в городах. В Усть-Сысольске в 1849 г. была 21 лавка, из них восемь лавок были во владении купцов, шесть — у мещан, остальные лавки были крестьянские. Налицо

заметный прогресс в развитии лавочной торговли в городе. По сравнению с концом XVIII в. количество лавок выросло в два раза.

Развивалась лавочная торговля и в Яренске. В 1839 г. там насчитывалось 25 лавок. В том числе: с красным товаром – восемь, хлебных – семь, москательных – пять, пряничных – пять. То есть наряду с количественным ростом происходили и качественные изменения, заключавшиеся в некоторой специализации торговли.

Наглядным примером такой специализации выступали табачные лавочки, рассеянные по всему Коми краю. Однако подавляющее большинство лавок были еще «широкого профиля», где покупатель мог найти нужный ему товар. Типичной среди них является лавка яренского крестьянина Ивана Лемзакова, торгующего по свидетельству 3-го рода. В его лавке (50-е гг. XIX в.) продавались табак, мед, корица, изюм, крендели, сальные свечи, гужи кожаные, ситцевые и льняные ткани и изделия из нее и другой товар.

Торговля в лавках проходила в течение светового дня. Летом с 7 часов утра до 9 часов вечера, зимой – с 8 часов утра до 6 часов вечера. Помещения лавок были или в собственности торговцев, или взятые в аренду в городских думах. В 50-х гг. за аренду помещения лавки на год платили от 18 руб. 50 коп. до 27 руб. серебром.

Наряду с сетью частных лавок в Коми крае действовала система казенных магазинов — соляных, винных, в которых также проходила торговля. В конце XVIII в. в Усть-Сысольске был один соляной магазин, два винных подвала и один казенный питейный дом; в Яренске — соляной и винный магазины. В первой половине XIX в. происходит расширение сети казенных магазинов в основном за счет винных, находящихся на откупе. В Яренске в 1839 г. было пять питейных домов. В 1855 г. в Яренском уезде — 15 питейных домов и 11 питейных «выставок».

В Усть-Сысольском уезде винная торговля велась в городском и уездном питейных домах, штофной лавочке, городском винном магазине, на «выставках». Оптовая торговля вином производилась из городского ведерного и дистанционных подвалов: Устькуломского, Койгородского, Ношульского, Визингского. Каждый дистанционный подвал обслуживал определенную округу. Вино оптом продавалось и частным лицам.

Наряду с винными казенными магазинами в Коми крае, как и по всей России, существовали казенные соляные магазины. Известно, что соль входила в число монопольных товаров казны. В южной части Коми края существовали соляные магазины в городах, откуда соль поступала в уездные соляные лавки для продажи населению. В Печорском крае были уездные стойки: Пустозерская, Ижемская и Устьцилемская.

Наряду с системой лавок и магазинов в крае в изучаемое время в городах по воскресным дням проходили торжки. На них крестьяне близле-

жащих селений привозили продукты питания и свои изделия. В 1840-х гг. в Усть-Сысольске торговые дни бывали почти каждое воскресенье. Денежный оборот этих торжков был очень маленьким, не превышал 20 руб. серебром.

В газете «Вологодские губернские ведомости» с 1840-х гг. регулярно появлялись росписи цен на важнейшие продукты питания в городах губернии, в том числе в Яренске и Усть-Сысольске. Эти росписи позволяют, наряду с привлечением других документов, детализировать вопрос о потреблении покупных продуктов питания.

В северных волостях края при доминировании мясной и рыбной пищи все большую роль начали играть привозные продукты растительного происхождения. Чердынские купцы везли на Печору ржаную муку, крупчатку (мелкомолотую, пшеничную), разные крупы, горох, солод. Некоторые хлебные злаки, правда, крестьяне научились выращивать на месте. На Ижме, например, выводили ячмень, а на Удоре, кроме него, также и рожь. Большое распространение, особенно у ижемцев, получили чай и сахар.

Главными же продуктами питания на севере продолжали оставаться мясо и рыба, которая была только местного улова. Сведений о привозе на продажу рыбы в северные волости у нас нет. Из мясопродуктов на первое место вышла оленина, по-прежнему важную роль играла дичь, главным образом гуси, утки и куропатки, которые даже не шли в продажу, а полностью потреблялись на месте.

В начале XIX в. происходит дальнейшее расширение ассортимента продуктов питания. К коми начинает проникать картофель, который наряду с хлебом постепенно занял ведущее место в рационе крестьянства южных волостей. В те годы появляются в хозяйствах новые огородные культуры: брюква, морковь, горох, лук, чеснок. Они не только заготовлялись крестьянами для себя, но также поступали и на рынок, в частности, на базаре г. Яренска в середине XIX в. постоянно продавались редька, картофель, морковь и капуста.

Более разнообразные продукты стали завозить в Коми край и торговцы. Больше стало различных круп. В 1839 г. в Яренском уезде появилось пшено, в Усть-Сысольске – гречка. В это же время налаживается в городах Яренск и Усть-Сысольк продажа печеного хлеба и булочных изделий. Продавались хлеб ржаной, пшеничный и крупитчатый, ситный хлеб из «первача» и крупчатки, калачи, крендели из крупчатки, сайки из муки разных сортов. Не приходится сомневаться, что хлебобулочные изделия, выпекавшиеся в городах, попадали в какой-то мере на стол крестьянина, в особенности калачи, сушки и баранки, а также пряники.

Документы упоминают там же продажу растительного (льняного и конопляного) масла. Вероятно, оно было известно и раньше, но в продаже, видимо, не появлялось. Мясные и молочные продукты остались те же, что и

раньше, только в связи с тем, что в городах Яренск и Усть-Сысольск торговать стали небольшими кусками мяса, то в ценниках появились более дробные упоминания частей туши: голова коровья, почки, рубец и т.п.

Местная рыба на продажу шла редко и в основном покупалась чиновниками в уездных городах. В XIX в. из Архангельска в большом количестве стала поступать соленая морская рыба. Так, в 1846 г. в Яренский и Усть-Сысольский уезды было завезено 5175 пудов соленой сайды, 1480 пудов сухой сайды, 195 пудов соленой трески, 71 пудов сухой трески и 65 бочек сельди, причем в Яренск больше, в Усть-Сысольск значительно меньше, очевидно, в последнем уезде лучше ловилась местная рыба.

Оживленные торговые связи Коми края с соседними территориями, все большее втягивание его в орбиту всероссийского рынка способствовали широкому распространению таких продуктов, которые можно назвать «десертными». Это прежде всего сахар. Исследователям еще предстоит вычислить норму потреблявшегося в начале XIX в. сахара на душу населения, но то, что продавался он в лавках и на ярмарках в значительном количестве, — это факт. Вторым по объему продажи был мед (белый и красный), а затем патока. Появились в продаже конфеты. По-прежнему успешно торговали изюмом, орехами (фундук и кедровые). На ярмарки привозили даже какие-то фрукты, скорее всего яблоки. В это же время появляются в продаже пряности: перец, корица, гвоздика, лавровый лист.

Заметно увеличилось потребление вина. Появились разные сорта: пенное, полугарное, ерофей и т.п. Распространилось курение табака. Продавали его как в «общих» лавках, так и специализированных табачных. Курили обычно трубки.

Таким образом, в первой половине XIX в. весьма значительно возрастает роль торговли продуктами питания в жизни населения Коми края. И «элита», и рядовые граждане втягиваются в процесс приобретения массовых и деликатесных продуктов на ярмарках, торжках и в лавках. Покупные же промышленные товары все больше вытесняют из сферы народного потребления самодельные, домашнего изготовления одежду, обувь, домашнюю утварь.

Все это неоспоримо свидетельствует об освоении достижений цивилизации значительной массой населения края в данное время.

Повседневная жизнь Коми края

<u>Выг. 1</u>

М.Б. Рогачев

Общественная жизнь в Усть-Сысольске (XIX - начало XX века)

Статус города Усть-Сысольск получил в 1780 г. в связи с преобразованием его в центр новообразованного Усть-Сысольского уезда. Усть-Сысольск был типичным маленьким городом Российской империи. Население города выросло с 1753 чел. в 1795 г. до 5260 жителей в 1910 г. [1]. Его отличительной чертой был национальный состав жителей – более 90% среди устьсысольцев составляли коми. Усть-Сысольск был единственным городом Коми края.

В Усть-Сысольске жили люди разных сословий. По переписи 1897 г., среди наличного населения духовенство составляло 3,8%, дворянство потомственное и личное, чиновники не из дворян - 6,9%, почетные граждане – 0,2%, купцы – 1,2%, мещане – 70,1%, крестьяне – 16,3%, прочие – 1,5% [2]. Но сословная принадлежность не в полной мере отражает социально-профессиональный состав городского общества. Подавляющее большинство мещанских и крестьянских семей жило сельскохозяйственным трудом, имея в собственности или арендуя у города земельные наделы. Промышленных предприятий, за исключением нескольких полукустарных производств, в Усть-Сысольске не было, соответственно отсутствовали и промышленные рабочие. Около 5% горожан из мещан и крестьян были «заняты в разных ремеслах». Невелика была и группа горожан, занятых в торговле (купцы, торгующие по свидетельствам, приказчики и т.д.), - около 3%. Относительно многочисленной (около 10%) была группа служащих государственных и земских учреждений (чиновники, полиция, учителя, врачи), что отражает статус Усть-Сысольска как административного и образовательного центра самого большого по территории уезда Вологодской губернии. К этой группе относилось почти все немногочисленное городское дворянство и разночинная интеллигенция, а также представители мещанского и духовного сословий (дети священноцерковнослужителей).

Сословные и социально-профессиональные группы городского населения очевидно различались по социальному статусу, уровню доходов, образу жизни. Различным было и их участие в общественной жизни. Эта

сфера жизни в маленьких городах, «медвежьих углах», таких как Усть-Сысольск, вообще мало изучена. Между тем, без общественной деятельности, как самодеятельной, так и законодательно определенной, невозможно представить во всей полноте жизнь как маленьких российских городов, так и российского общества в целом.

Общественная жизнь горожан была достаточно многообразной. Она касалась городского и сословно-профессионального управления, культурно-просветительской и религиозно-церковной деятельности, городского благоустройства, благотворительности и т.д.

Жители Усть-Сысольска составляли городское сообщество («общество градское»). Как члены такового они были обязаны уплачивать налоги и сборы в городскую казну, участвовать в благоустройстве городской территории, исполнять распоряжения городских властей.

«Общество градское» могло собираться на собрания для решения касающихся всех горожан вопросов жизни Усть-Сысольска. К числу таковых, например, относился сбор средств на общегородские нужды. Созывать такие собрания могли органы городского самоуправления, которые избирались на избирательных собраниях.

С 1785 г. горожане, согласно «Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи», раз в три года выбирали городского голову, двух гласных (по одному от купечества и мещан) Городской думы, двух бургомистров и четырех ратманов Городового магистрата и ежегодно – городского старосту и судей Словесного суда. Однако для подавляющего большинства устьсысольцев участие в выборах было недоступно. Присутствовать на избирательных собраниях и, соответственно, избирать и быть избранными, могли только мужчины старше 25 лет, имеющие капитал, «с которого проценты» выше 50 руб. По причине высокого имущественного ценза общее число выборщиков редко превышало 100 чел.

Однако и представители небольшой группы зажиточных горожан не очень охотно участвовали в выборах. Например, в выборах городского головы и гласных Городской думы 1813 г. приняли участие всего 76 чел., а в ежегодных выборах участвовало еще меньше избирателей: в 1821 г., например, 41, а в 1833 г. – только 25 чел. [3].

Представители зажиточной верхушки неохотно занимали выборные должности, поскольку они были общественными и хлопотными, а, главное, давали мало реальной власти. Известны случаи, когда выбранные в Городовой магистрат просили переизбрать их на том основании, что они уже отбыли «ратманскую повинность». Исключение составляла должность Городского головы, считавшаяся почетной и укреплявшая общественный авторитет избранного. По традиции Городским головой избирали глав наиболее богатых купеческих семей. К примеру, в 1811–1816 и 1823–1826 гг. этот пост занимали представители самой известной купеческой

фамилии Усть-Сысольска Степан Григорьевич и Алексей Иванович Сухановы [4].

Значительно большие возможности для проявления своей общественной активности горожане получили в результате реформ 1860—1870-х гг. Одним из важнейших преобразований эпохи Великих реформ было введение местного самоуправления на уровне губерний и уездов. Жители уезда, в том числе и горожане, имеющие право голоса, каждые три года избирали земских гласных, составлявших уездное земское собрание. В Усть-Сысольском и Яренском уездах первые земские выборы прошли в конце 1866 — начале 1867 гг., а открылись уездные земские собрания осенью 1869 г.

Из-за высокого имущественного ценза в выборах по городской курии Усть-Сысольска могли участвовать очень немногие: в первых выборах – всего 24, а во вторых (1873 г.) – 33 чел. В последующие годы с ростом численности населения число выборщиков возросло – в 1882 г., например, в выборах могли участвовать уже 54 устьсысольца, что составляло немногим более 1% городского населения [5]. Всего избирались 14 гласных, в том числе двое от городской курии. Но горожан в Усть-Сысольском уездном земском собрании всегда было больше, поскольку из пяти гласных, избираемых по первой курии (землевладельцев), большинство, а иногда и все, относились к городскому дворянству и купечеству. Как правило, уездную земскую управу также возглавлял одни из представителей городского купечества.

Кардинальным образом было реорганизовано городское самоуправление. Органы городского самоуправления, в основном сохраняя прежние наименования, стали всесословными и получили больше прав и реальных возможностей для эффективного управления городом. Снижение имущественного ценза значительно увеличило число горожан, обладающих правом избирать и быть избранными. Например, в первых выборах по новому «Городовому положению», проведенных в 1873 г., могли принимать участие 499 городских обывателей, что составляло около 30% взрослого населения [6].

Однако большинство устьсысольцев совершенно равнодушно отнеслось к предоставленной им возможности реального участия в городском самоуправлении. В первых выборах приняли участие 35%, во вторых – 16% имевших право голоса. Причем активности не проявила и «городская верхушка». Выборы по первому и второму разрядам, куда входили наиболее зажиточные горожане, неоднократно переносились из-за неявки избирателей. Однако было бы неверным считать, что только устьсысольцы проявили подобное равнодушие к участию в выборах. Подобная ситуация была в подавляющем большинстве российских городов – редко где в выборах участвовало больше 20% избирателей (обычно являлись 10-15%) [7].

Контрреформы 1890-х гг. значительно повысили имущественный ценз,

что привело к сокращению численности избирателей. В Усть-Сысольске в первых выборах по новому Положению, проведенных в конце 1893 — начале 1894 гг., могли участвовать только 125 чел. В дальнейшем число избирателей оставалось столь же небольшим, хотя, в связи с ростом численности населения, и несколько увеличилось. Во вторых выборах, проведенных в 1898 г., имело право участвовать 123, в третьих (1901 г.) — 164, а в четвертых (1905 г.) — 190 горожан. Число избирателей только к 1914 г. превысило 200 чел., но их удельный вес в городском населении остался неизменным — не более 5% взрослого населения [8].

Однако сокращение числа избирателей повысило их активность. Ведь от выборов в основном были «отсечены» граждане, которые и так не принимали участия в избирательных собраниях. В результате в первых и вторых выборах принимали участие соответственно 44 и 44,7%, в третьих -34,1%, в четвертых -38,4%, в пятых -43,3% избирателей.

Все выборы проходили в определенные дни и часы в здании Городской думы, куда и должны были прибыть все избиратели. В конце XIX в., когда избирателей перестали делить на разряды и, соответственно, проводить одно, а не три собрания, избирательные кампании зачастую проходили очень напряженно. Этому способствовало повышение престижности общественных должностей, породившее появление соперничающих группировок, стремившихся заручиться поддержкой «нейтральных избирателей». Нередко приходилось проводить выборы в несколько этапов, поскольку сразу не удавалось выбрать нужное число гласных. Бывало, что выборы отменялись губернскими властями по жалобам «доброжелателей», усмотревших нарушения выборной процедуры.

В 1880 г. городским головой впервые избран мещанин Е.А.Суханов. В конце XIX – начале XX в. мещан среди первых лиц городского самоуправления было больше, чем купцов. Но этот факт не является показателем демократизации городского самоуправления. Все мещане, занимавшие пост городского головы, являлись людьми небедными и по достатку не уступали городскому купечеству, среди которого не было крупных предпринимателей.

В Усть-Сысольской городской думе всегда преобладали мещане. Преимущественно мещанский состав органов городского самоуправления характерен для всех малых северных городов, поскольку численность купечества и дворянства в них была небольшой.

Отметим и такую особенность – небольшое число видных устьсысольских семей постоянно делегировало своих представителей в Городскую думу и на другие выборные должности. В основном из их числа образовывались группы влиятельных, в силу происхождения, личного авторитета и материального достатка, горожан, регулярно избиравшихся в думу и оказывавших большое влияние на ее работу. К примеру, мещане Г.Е.Жижев и

В.А.Тентюков с 1891 г. семь раз подряд избирались гласными. Шесть сроков подряд, с 1894 по 1918 г., был гласным влиятельный купец В.П.Комлин, а его брат И.П.Комлин, тоже крупный торговец, избирался в думу четыре раза, дважды был городским головой. Их отец тоже был гласным думы 1894—1897 гг. Мещанин А.Е.Суханов избирался в гласные пять раз, дважды состоял в должности городского головы (его отец в свое время был и гласным, и городским головой). По четыре раза избирались в гласные 4, по три – 9 чел. [9].

Отметим также, что горожане, помимо органов городского самоуправления и земства, регулярно собирались на собрания по выбору своих представителей в различные учреждения: уездное по воинской повинности Присутствие, уездный училищный совет, городской общественный банк, словесный суд, мирских судей, и т.д.

Если участие горожан в городском и земском самоуправлении регламентировалось законом, то в религиозно-церковной деятельности оно в основном опиралось на веру и традицию. Православные горожане, а таковые составляли практически все постоянное население, были объединены в приход — церковный округ, имеющий храм с причтом. Усть-Сысольский Троицкий приход всегда был больше города, поскольку включал и пригородные деревни. В 1886 и 1894 гг. из его состава выделились Озелский Вознесенский и Слободской Никольский приходы, и с этого времени в городском приходе остались только деревни Кочпон и Чит [10].

Центром прихода являлись построенные в XVIII – начале XIX в. Покровский и Троицкий храмы, составлявшие городской Троицкий собор. Однако особенность состава городской территории – наличие относительно небольшого центра и нескольких «пригородов» (пригородных местечек), часть из которых находилась на значительном расстоянии от центральных кварталов, а также включение в приход сельских поселений приводили к строительству в них приписных церквей и часовен, являвшихся «заместителями» городского собора. В 1850 г. в Троицком приходе, кроме соборных, был один приписной храм и семь часовен, а в 1914 г. – шесть приписных церквей и одна часовня (еще один храм – на подворье Ульяновского Троице-Стефановского монастыря – не относился к городскому приходу) [11].

Православные приходы были самоуправляющимися общностями. Но в XVIII—XIX вв. государство постепенно ограничивало приходское самоуправление. Если в XVIII в. приходских священников избирали прихожане, а правящие архиереи только утверждали предложенные кандидатуры, то с начала XIX в. назначение священников и определение штатов духовенства стало исключительной компетенцией епархиальной власти. С 1874 г. Троицкому городскому приходу было положено иметь протоиерея, двух священников, диакона и трех псаломщиков. С 1912 г. штат прихода составляли

протоиерей, три священника, диакон и четыре псаломщика. Кроме того, с конца XIX в. было разрешено иметь сверхштатного священника, в обязанности которого входило преподавание Закона Божьего в учебных заведениях [12].

Важной функцией приходского сообщества являлось избрание раз в три года церковных старост и их помощников. Однако в XIX в. выборность этой общественной должности ограничивалась тем, что кандидатуру старосты утверждал правящий архиерей. Староста из полномочного представителя прихода постепенно превратился в помощника, доверенного лица приходского духовенства. Общественная должность церковного старосты была весьма хлопотной, но и почетной. Как правило, ее занимали представители купечества. Среди церковных старост постоянно встречаются представители всех известных городских купеческих семей — Сухановых, Новоселовых, Латкиных, Комлиных, Оплесниных и других.

С ростом числа приписных церквей происходит усложнение структуры приходского сообщества. Каждый приписной храм имел своего старосту, избираемого жителями того местечка, где находилась церковь. Эти старосты отвечали за организацию работ по содержанию в порядке своего приписного храма и формально не подчинялись соборному старосте. И в то же время они, как и жители местечек, были прихожанами соборной церкви и участвовали в жизни всего прихода. Так внутри прихода вокруг приписных храмов и часовен складывались своеобразные минигруппы прихожан. Исключение составляла Богородицкая тюремная церковь (освящена в 1904 г.). Она была выстроена на средства общественного Усть-Сысольского уездного тюремного комитета, который по существу являлся «коллективным старостой» храма.

Во второй половине XIX в. для расширения участия прихожан в хозяйственной и благотворительной деятельности было разрешено создавать приходские попечительства. В Коми крае они начали создаваться в 1871–1873 гг. Однако прихожане заинтересованности в попечительствах не выказали. В начале XX в. попечительства были образованы в 73% приходов Коми края. Но при Усть-Сысольском Троицком соборе оно так и не было создано.

Приход сообща решал вопросы содержания клира и благоустройства приходских храмов. Условия договора о содержания клира вырабатывались приходским советом и священниками. В конце XVIII – первой половине XIX в. городской причт «довольствовался сенными покосами, данными от общества», а в качестве компенсации за отсутствие пашенной земли собирал установленную ругу зерновым хлебом. С середины XIX в. государство начинает выделять средства на содержание причтов, частично освобождая приходы от этой обязанности. Но городское духовенство штатных окладов не имело. На его содержание шел «кружечный доход» (денежные сборы с прихожан), в иные годы дополняемый «сборами зерновым

хлебом». Кружечный сбор производился во всех храмах, в том числе и приписных. Кроме того, священники пользовались небольшой пашней (1 десятина) и сенокосами в 20 десятин, являвшимися собственностью церкви.

Пожертвования «на храм» (денежные и материальные) делались индивидуально. А строительство и ремонт храмов и часовен осуществлялись приходом. Для сбора и распоряжения средствами на строительство, руководства работами, заготовкой материалов и найма работников создавалась специальная комиссия, в которую обязательно входил и священник.

Такая комиссия, например, была создана в 1853 г. указом епископа Вологодского Евлампия для постройки Стефановской церкви. В нее вошли четыре представителя от «городского общества» (три купца и мещанин) и по одному – от городского управления и духовного правления. Комиссия действовала до окончательного обустройства церкви на первом этаже в 1882 г. (члены комиссии за это время, разумеется, неоднократно менялись). В 1893 г. была создана новая комиссия, которая должна была обустроить церковь на втором этаже. Она прекратила свою деятельность после освящения Стефановского храма в 1896 г. [13].

Такие большие церкви, как каменная Стефановская, строили наемные бригады каменщиков из других городов (в Усть-Сысольске своих специалистов не было). Небольшие деревянные церкви (Нижнеконская Крестовоздвиженская, Изкарская Вознесенская, Кочпонская Свято-Казанская), перестроенные из часовен, за несколько дней строились местными бригадами плотников, которых нанимал комитет по перестройке. В помощь им устраивались общественные работы, в которых участвовали жители местечек.

К сфере общественно-религиозного быта могут быть отнесены церковные службы, крестные ходы, обходы священниками домов прихожан и т.д. Службы в Троицком соборе проводились ежедневно. Там же совершались обряды крещения и венчания, а иногда – и отпевания. В приписных храмах службы проходили редко – в престольные праздники и еще несколько раз в году «по желанию прихожан». Исключение в силу своей специфики составляла Вознесенская кладбищенская церковь – за год в ней отпевали от 150 до 200 усопших. Приписные храмы и часовни были «закреплены» за определенными священниками. В часовнях священники служили только в установленные часовенные праздники (не более трех раз в году).

В начале XX в. в будние дни молящихся в соборе было немного, но в воскресные и праздничные службы церковь была полна. В дни праздничных служб соблюдалась определенная субординация, отражавшая социальную стратификацию городского общества. Представители городских властей, дворянства, купечества всегда занимали первые ряды. По традиции мужчины и женщины стояли отдельно: одни – по правую, другие – по левую

сторону от алтаря. Надо отметить, что такие массовые праздничные службы имели не только религиозную, но и светскую окраску. Они рассматривались как повод для общения, демонстрации своего социального статуса и достатка (на праздничную службу всегда одевался парадный костюм), служили местом смотрин потенциальных женихов и невест.

Некоторые православные праздники включали внецерковные общественные формы проведения. К ним, к примеру, относится ритуальный обход детьми домов («хождение со славою») на Рождество и Васильев день (Новый год). В начале XIX в. ходили еще и колядовать, но уже в середине столетия этот обычай сохранился только «в народной памяти у некоторых русских горожан». На Ильин день (20 июля)* в городских пригородах соблюдался обычай, известный на всем Русском Севере» под названием «мольба», «жертва», «братчина». Горожане приводили к церкви корову или быка на заклание по обету или специально купленных вскладчину. Мясо варили в большом котле и устраивали общественную трапезу [14].

Внецерковной формой проведения праздников были народные гуляния. На Масленицу было принято кататься на тройках, устраивать катания на санях с обрывистого берега Сысолы. Гуляния на Пасху и Троицу были в основном молодежными и включали хороводы, которые водились на берегу реки. Гуляниями сопровождались и престольные праздники.

Особое место в религиозной общественной жизни занимали крестные ходы, в которых участвовало большое количество горожан. В самом городе ежегодных установленных в определенные праздники крестных ходов не было, кроме общеустановленного крестного хода вокруг соборного храма в Пасху, но они совершались к часовням и приписным храмам. Особенно многолюдным был крестный ход от Троицкого собора к Крестовоздвиженской часовне в Нижнем Конце в праздник Сретения Чудотворного Образа Божией Матери Владимирской (23 июня). В день Преображения Господня (6 августа) совершался многолюдный крестный ход от Вознесенской кладбищенской церкви к Преображенской часовне в Кируле, где хранилась особо чтимая икона Преображения Господня. До образования Озелского Вознесенского прихода совершался крестный ход от Троицкого собора «в позареке Сысоле 20 июля в день Пророка Илии» [15]. Проводились крестные ходы в ознаменование значительных исторических событий, а также связанные с чрезвычайными обстоятельствами (моление о дожде во время засухи, о прекращении падежа скота, и т.д.).

В Усть-Сысольске, как и в любом городе Российской империи, создавались и действовали различные общественные объединения. Понятие

^{*}Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

[«]общественное объединение» можно трактовать достаточно широко, поэтому оговоримся, что под таковым в данном случае имеется в виду

добровольное объединение лиц, имеющее организационную основу (оргкомитет или нормативный документ) и не преследующее извлечение коммерческой выгоды, в том числе и получение заработной платы, от участия в деятельности объединения. Формы общественных объединений были самыми разными: кружок, общество, собрание, братство, попечительство и т.д. В деятельности общественных объединений условно можно выделить такие направления, как хозяйственное, благотворительное, духовно-нравственное воспитание, культурно-просветительское, досуговоразвлекательное. Общественные объединения чаще всего совмещали в своей деятельности несколько направлений.

Достаточно часто инициатива по созданию общественных объединений исходила от государственных структур, органов городского самоуправления, церкви, заинтересованных в привлечении горожан к решению различных вопросов хозяйственной и культурной жизни, социальных проблем. Однако горожане нередко действовали и по собственной инициативе

Примером хозяйственных объединений являются уже упоминавшиеся комитеты по постройке и ремонту церквей и часовен. Подобные комитеты или комиссии создавались и при строительстве больших общественных зданий — духовного училища, женской гимназии, пожарной каланчи. В них включались гласные Городской думы, представители духовенства и купечества, чиновники соответствующего ведомства. Основной задачей таких комиссий был сбор средств, поскольку полностью профинансировать такие дорогостоящие для маленького города постройки за счет городского и земского бюджетов было невозможно.

Городская администрация постоянно пыталась заставить горожан выполнять общественные работы по ремонту и строительству мостов через ручьи, обустройству дорог, но устьсысольцы от «общественной нагрузки» упорно отлынивали. Городская дума была вынуждена для исполнения таких работ нанимать рабочих и оплачивать их труд из городской казны. Однако были и положительные примеры. В начале XX в. в Усть-Сысольске несколько раз проводились дни древонасаждения, в которых участвовали ученики городских школ.

Более успешными были усилия городских властей в объединении устьсысольцев для тушения пожаров. Надо иметь в виду, что государство и городские власти обязывали горожан сообща бороться с огнем. В Усть-Сысольске составлялись списки домовладельцев с указанием инвентаря (топоры, багры, ведра), с которым горожане должны были являться на пожар. В 1848 г. Министерство внутренних дел распорядилось создать в городах «обывательские караулы» для стережения от пожаров, в которых по очереди должны были участвовать все жители (за неявку штрафовали). Следить за добросовестным исполнением караульных обязанностей должен

был специальный пожарный староста [16]. И пожары действительно тушили «всем миром». Сознательность устьсысольцев объясняется просто: городская пожарная служба была маломощной, а пожары представляли для деревянного города огромную опасность.

В 1900 г. по указанию губернских властей в Усть-Сысольске началась работа по организации добровольной (вольной) пожарной дружины. Горожане не очень охотно записывались в «добровольные пожарники», поскольку полагали, что созданием добровольных дружин государство хочет переложить часть расходов по борьбе с пожарами на плечи горожан. Тем не менее, в 1907 г. был утвержден «Устав Устьсысольского городского пожарного общества». Члены общества делились на членов-охотников, действительных членов, членов-жертвователей и почетных членов. Общество управлялось общим собранием и правлением, а пожарная команда, состоящая из членов-охотников и некоторых действительных членов, начальником (он же - член правления). Средства общества складывались из членских взносов, пожертвований и доходов от уставной деятельности. В 1913 г. в обществе состояли 85, а в 1916 г. – 91 чел., в том числе 41 действительный член, 36 членов-жертвователей и 14 охотников [17]. Деятельность общества не отличалась активностью, но определенную роль в «бережении города от огня» оно сыграло.

Общественные объединения, имеющие целью духовно-нравственное воспитание населения, создавались по инициативе церкви. В 1896 г. для борьбы с расколом было образовано Стефано-Прокопьевское братство, отделение которого было и в Усть-Сысольске. В конце XIX в. в Усть-Сысольске было открыто отделение общества трезвости, которое, впрочем, в конкретной работе ничем особенным себя не проявило.

Но одна инициатива, связанная с трезвенническим движением, должна быть отмечена. В конце XIX в. в Усть-Сысольске был построен Народный дом общества трезвости. Одноэтажное деревянное здание с двумя залами и несколькими комнатами, одна из которых предназначалась для ресторана с буфетом*, стояло на базарной площади. Это был единственный в Усть-Сысольске общественный центр проведения досуга, доступный для всех слоев горожан. В Народном доме устраивались танцевальные вечера, проводились лекции, беседы, театральные спектакли, концерты, организованные школами, учреждениями и просто «кружками любителей». В 1905 г. в нем состоялся первый в Усть-Сысольске киносеанс. Штатных сотрудников у Народного дома не было, а право на проведение мероприятий надо было

^{*} Ресторан в Народном доме так и не открыли, заменив его чайной, где спиртное не подавалось.

получать в Городской управе и полиции. Содержалось здание на средства городского и земского бюджетов.

Совместное проведение досуга было характерно для всех социальных слоев горожан. Летом группы молодежи собирались у реки, жгли костры, пели песни, водили хороводы. Зимой молодые люди собирались на вечеринки, посиделки с играми и танцами, куда мог придти любой желающий. Разновидностью посиделок можно считать «братчину», проводившуюся в начале ноября. От обычных посиделок она отличалась тем, организовывалась несколькими девицами, нанимавшими дом и устраивавшими складчину продуктами для приготовления угощения (отсюда и название) [18]. Было принято в праздники посещать родственников, а среди городских чиновников — наносить визиты. Совместно отмечали и семейные праздники. Однако такие «праздничные и досуговые группы» нельзя считать общественными объединениями.

У устьсысольского «благородного общества» было принято устраивать «вечера». «Чиновники города для времяпровождения собирались в частных домах, так как специальных общественных помещений и увеселительных мест тогда в городе еще не было, – пишет учительница Ф.И.Забоева о начале 1860-х гг. По воскресным дням собирались обычно у местного купца М.Н.Латкина, а по средам – у местного купца Н.Хаманетова. Здесь целые вечера проводили за игрой в карты, а дамы занимались музыкой и танцами». Дом крупного предпринимателя и образованного человека Михаила Николаевича Латкина Ф.И.Забоева называет «культурным центром в городе». У хозяина была богатая библиотека («он выписывал все русские газеты и журналы»), которой пользовалось «большинство чиновников», поскольку общественная библиотека была значительно белнее [19].

Домашние кружки (салоны, клубы) отличались определенной организованностью. Их характерными чертами были периодичность, определенное место и время проведения, избирательность участников (без приглашения приходить было не принято), установившаяся программа проведения. В отличие от праздничных собраний отсутствовало общее застолье. Было принято накрывать чайный стол без спиртного.

В Усть-Сысольске не было дворянского собрания (по причине малочисленности уездного дворянства). В определенной степени его заменило появившееся в 1864 г. «Общественное благородное семейное собрание» (позднее оно стало называться Усть-Сысольским общественным собранием). Вначале оно помещалось в здании бывшей ратуши, а в конце XIX в. для собрания было выстроено двухэтажное здание, на первом этаже которого находились буфетная комната, библиотека и гостиная, а весь второй этаж занимал зал с небольшой сценой, где проводились «увеселительные мероприятия», в том числе и театральные спектакли.

По Уставу Усть-Сысольского общественного собрания (1894 г.) «членами собрания могут быть лица всех сословий», за исключением женщин и

несовершеннолетних, а также исключенных из собрания за какие-либо прегрешения или находящиеся под следствием.

Число членов всегда было небольшим — человек 40-50 из чиновничьей и купеческой среды. Но надо иметь в виду, что действительными членами были только те, кто платил членские взносы (почетные члены от них освобождались). Они могли посещать клуб бесплатно, а на балы и танцевальные вечера приходить и с «женскими особами, принадлежащими к семействам членов». В качестве гостя, но уже за плату, приходить в клуб моглюбой «имеющий право быть избранным в члены собрания», — требовалась только рекомендация одного из членов.

Формы времяпровождения в клубе были обычными для такого рода учреждений: по вечерам здесь играли на бильярде, в лото, шашки и шахматы (допускалась игра на деньги), читали газеты и журналы, ужинали. Устраивались семейные вечера с танцами, балы-маскарады. Зал клуба использовался для любительских театральных постановок, проведения музыкальных вечеров. По будним дням народу в клубе было немного, а в праздники собиралось все «благородное общество» [20].

Для Усть-Сысольска, как и для других городов Российской империи, была характерна благотворительная деятельность. Чаще всего она осуществлялась в виде разовых индивидуальных пожертвований горожан, как денежных, так и материальных, и организованном сборе денежных средств на благотворительные цели.

Разовые индивидуальные пожертвования чаще всего делались «на церковь». К примеру, в 1812 г. штаб-лекарь Григорий Смирнов пожертвовал в Троицкий собор явленную икону «Спас Нерукотворный». В 1870 г. купец М.Н.Латкин устроил за свой счет в Спасском соборе за клиросом два киота для местночтимых икон «Спас Нерукотворный» и «Знамение Божией Матери», а также пожертвовал подсвечники, ризу, два стихаря и воздухи ценою в 340 руб., в 1873 г. он же пожертвовал в Покровскую церковь бронзовое посеребряное паникадило ценою 150 руб., в 1889 г. более 200 руб. было пожертвовано разными лицами на обустройство Кирульской Вознесенской кладбищенской церкви.

Особенно много пожертвований было на строительство и обустройство Стефановского храма. В 1852 г. купец И.М.Новоселов, бывший в то время городским головой, пожертвовал на его строительство 8 тыс. руб. В 1889 г. торгующим крестьянином В.Оплесниным были пожертвованы риза и стихарь, а также серебряное кадило, купцом М.Суворовым — трехъярусное паникадило и три золоченые лампады, купцом П.Жеребцовым — 40 руб. на написание стенной иконы «Тайная Вечеря», в 1897 г. – купеческой вдовой Л.Суворовой, купцом А.Сычевым и мещанкой А.Маеговой — по 100 руб. каждым, в 1904 г. – купцом И.Н.Забоевым — 1046 руб. 34 коп. на приобретение колокола, и т.д. [21].

При помощи благотворителей стало возможным открытие в Усть-Сысольске подворий монастырей Коми края. В 1867 г. мещанка А.И.Сидорова пожертвовала Ульяновскому Троице-Стефановскому монастырю свой дом с участком, где и разместилось монастырское подворье. Для подворья Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря свой участок земли со всеми постройками, а также лесную дачу в 900 десятин (монахини устроили там молочную ферму) в 1911 г. пожертвовала дворянка А.Т.Тур [22].

Не менее существенен вклад благотворителей в развитие образования. К примеру, инициатором открытия в 1835 г. первой светской школы — приходского училища — был городской голова купец М.М.Новоселов, пожертвовавший для училища свой дом. Впоследствии, когда училище помещалось в другом, наемном доме, платить за его содержание вызвался уже упоминавшийся купец М.Н.Латкин. Открытие в 1858 г. женского второразрядного училища — первой в уезде школы для девочек — также было бы невозможным без помощи городского купечества. Купец И.Н.Забоев выстроил на свои средства училищный дом, а крупный предприниматель В.Н.Латкин и П.А.Латкина (жена купца М.Н.Латкина) обязались ежегодно вносить на содержание училища соответственно 100 и 40 руб. (для сравнения — из городского бюджета на эти цели выделялось 100 рублей) [23].

Регулярно проводились в Усть-Сысольске и организованные сборы пожертвований. Примером таких долговременных мероприятий является сбор средств на строительство Стефановской церкви, проведенный комиссией по постройке храма. Достаточно часто кампании по сбору пожертвований инициировались правительством, а проведение их возлагалось на городские власти. К примеру, жители Усть-Сысольска в 1812 г. принимали участие в сборе средств на помощь армии, организацию ополчения, помощь «от войны пострадавшим» и беженцам (эти сборы продолжались в 1813 и 1814 гг.).

Однако нередко проводились и акции по сбору пожертвований, организованные по инициативе «снизу» (городских властей, групп горожан или общественных объединений). Сбор пожертвований проводился «по подписке», т.е. все пожертвованные суммы фиксировались на подписных листах. Средства собирали на помощь неимущим жителям города, бедным учащимся, пострадавшим от стихийных бедствий, открытие памятников в различных местностях и городах Российской империи, пострадавшим от войны в других государствах. Как правило, это были небольшие суммы. К примеру, в 1881 г. городские чиновники собрали по подписному листу «взамен визитов по случаю праздников Рождества Христова и Нового года» (довольно распространенная форма организации сбора пожертвований) 37 руб. 23 коп. в пользу заключенных городской тюрьмы [24]. Собранные средства сдавались в Городскую думу, которая отправляла их по назначению.

Благотворительная деятельность осуществлялась и через местные общественные объединения, а также через отделения или отдельных членов российских организаций (Романовский комитет, Палестинское общество, Общество Красного Креста и др.). Из местных общественных объединений, занимавшихся благотворительностью, надо выделить образованное в 1902 г. Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Усть-Сысольской женской прогимназии*. Членами общества были все преподаватели прогимназии (гимназии), а также учителя других школ, священники, чиновники, купцы, причем не только из города, но и из уезда (в гимназии обучались и городские, и сельские девочки). В 1915 г. в обществе состояли 126 чел. Средства общества складывались из членских взносов, сумм, выделяемых земством, а также из собираемых по подписным листам, от постановки любительских спектаклей, и т.д. Расходовались они на наем квартир, покупку одежды, улучшение питания малоимущих учениц из мещанских и крестьянских семей. В 1913 г. было создано аналогичное Общество вспомоществования нуждающимся учащимся мужской гимназии [25].

В определенной степени благотворительную функцию выполняли Попечительские советы при женской и мужской гимназиях и городском училище, а также Тюремный комитет. Основной функцией этих общественных органов были управление финансами и распоряжение имуществом подопечных учреждений. В рамках исполнения этих обязанностей они собирали пожертвования для оказания помощи своим подопечным.

Характерной чертой культурной и научной деятельности было то, что отдельные горожане, в одиночку либо объединяясь в группы, занимались ею по собственной инициативе, а государственные органы лишь в ряде случаев осуществляли контрольные и экспертные функции, оказывали поддержку начинаниям энтузиастов. Общественные объединения научно-культурной направленности складывались в относительно небольшой среде «просвещенного городского общества» – преподавателей, врачей, чиновников, части купечества.

Самой известной общественной культурной инициативой было создание в Усть-Сысольске первой в Вологодской губернии общественной (публичной) библиотеки. В 1836 г. инициативная группа провела сбор средств и обратилась с ходатайством к губернатору об открытии библиотеки. Разрешение было получено и библиотека открыта в 1837 г. Первыми членами-учредителями библиотеки были городничий И.Л.Шульц, окружной лесничий А.С.Груздев, уездный казначей В.И.Попов, дворянский заседатель

 $^{^*}$ Прогимназия была образована в 1870 г. из второразрядного женского училища. В 1909 г. преобразована в гимназию.

уездного суда А.И.Попов, дворянский заседатель земского суда В.И.Суровцев, уездный стряпчий Н.П.Попов, уездный лекарь Д.П.Щеголев, городской

голова купец М.М.Новоселов, купец В.И.Сколепов и купеческий сын М.Н.Латкин (будущий крупный предприниматель и благотворитель) [26].

Библиотека существовала исключительно на общественных началах. Более пятидесяти лет она помещалась в частных домах, а затем была переведена в здание Усть-Сысольского общественного собрания. Средства на покупку книг и выписку газет и журналов, переплетные работы, ремонт помещения и мебели складывались из членских взносов, платы за пользование книгами (для нечленов библиотеки) и пожертвований. Существовала и такая помощь библиотеки, как выписка за свой счет книг и периодики, дарение книжных собраний. Библиотека обслуживала только образованную «верхушку» усть-сысольского общества. Число читателей в разные годы колебалось от 25 до 60 с небольшим человек. К примеру, в 1867 г. услугами библиотеки пользовался 41 чел., в том числе 23 дворянина и чиновника, три лица духовного звания и разночинца, два купца и четыре мещанина и крестьянина. Когда в 1918 г. библиотека была закрыта, в ее фондах насчитывалось 12 тыс. томов [27].

Другим примером функционирования на протяжении длительного времени общественного объединения культурной направленности являются любительские театральные коллективы. Долгое время любительская театральная труппа не была организационно оформлена, и только в начале XX в. появилось Общество любителей театральных искусств.

Первый любительский спектакль в Усть-Сысольске состоялся в начале 1820-х гг. Его организатором и «художественным руководителем» была будущая известная детская писательница Александра Ишимова, дочь сосланного в Усть-Сысольск петербургского юриста О.Ф.Ишимова. В 1831 г. усть-сысольский городничий доложил губернскому начальству, что «здешние усть-сысольские господа чиновники и купечество словесно мне объявили, что возымели они намерение временно открыть в частном доме театр и просят моего позволения начать представления». Разрешение было дано, и с этого времени постановка любительских спектаклей постепенно стала традицией для городского «благородного общества» [28].

Вначале спектакли ставились в наемном купеческом доме, а в конце 1850-х гг. любительская труппа перешла в здание бывшей ратуши (в 1864 г. в нем было размещено «Общественное благородное семейное собрание»). В начале 1870-х гг. обветшавшее здание ратуши было снесено, и самодеятельные актеры вновь были вынуждены арендовать помещения в частных домах, пока в конце 1880 гг. не было построено здание Общественного собрания, куда и переехал любительский театр. В конце XIX – начале XX в. свой зал для любительских спектаклей бесплатно предоставлял и Народный дом. В Народном доме актеры-любители давали спектакли «для простого народа» по сниженным ценам.

Главным лицом в любительском театре был выбираемый самими акте-

рами распорядитель, он же режиссер. От него прежде всего требовалось умение организовать дело и вести финансовую отчетность, поэтому как правило в распорядители избирали чиновников. Состав труппы постоянно менялся. Судя по сохранившимся рукописным афишам 1871–1874 гг., в спектаклях принимали участие около 40 чел. Прежде всего это учителя, чиновники и их жены и дочери, а также молодежь из купеческих и образованных мещанских семей.

Спектакли как правило ставились «с октября до Великого поста» (февраля), два раза в месяц. Билеты были довольно дорогими, но городская публика охотно посещала театр. Так, на спектакли 20 и 21 ноября 1884 г. было продано 107 из 146 и 126 из 160 билетов. Все спектакли были благотворительными. К примеру, в 1870-е гг. давались спектакли в пользу бедных учениц женской прогимназии, арестантов Усть-Сысольского тюремного замка, жителей Грязовца, пострадавших от пожара, жителей Тираспольского уезда Херсонской губернии, пострадавших от неурожая. В 1876 г. в доме городского головы И.Н.Забоева были даны два спектакля в пользу пострадавших от военных действий на Балканах. Суммы эти были небольшими, поскольку значительная часть собранных средств шла на покрытие организационных расходов (аренду дома, оплату декораций, выплаты обслуживающему персоналу и т.д.) [29].

В конце XIX — начале XX в. в Усть-Сысольске появилось несколько любительских музыкальных коллективов. Вероятно, первым из них был музыкальный кружок при Общественном благородном семейном собрании. В отчетах о любительских спектаклях 1900 г. было отмечено, что «образовавшийся не так давно оркестр любителей», игравший в антрактах спектаклей, заслужил «исполнением некоторых №№, как например, увертюры из оперы «Норма» и «Калиф Багдадский», шумное одобрение публики» [30]. В начале XX в. музыканты-любители создали несколько небольших музыкальных коллективов — из служащих магазина Дербенева, учеников мужской прогимназии, струнный оркестр политссыльных. Скорее всего, они играли больше для себя, иногда выступали в перерывах между действиями спектаклей, играли на танцевальных вечерах в Народном доме.

Среди устьсысольцев всегда находились люди, интересующиеся историей, бытом и культурой родного края, посвящавшие свободное от основной работы время краеведческим изысканиям. В их числе первый коми поэт И.А.Куратов, писатель и краевед Ф.А.Арсеньев, учителя М.И.Михайлов, Ф.Берг, Е.В.Кичин, В.Е.Кичин, П.П.Ползунов, В.П.Шляпин, А.А.Цембер, священники Александр Шергин и Александр Малевинский, чиновник С.Е.Мельников, земский статистик В.Ф.Попов, врач А.И.Држевецкий и другие.

Во второй половине 1820 — начале 1830 гг. в Усть-Сысольске сложился небольшой коллектив, объединенный решением научной проблемы — составлением полного русско-зырянского словаря. Эту работу начали

мещанин И.Мальцев и священник Шежамской Преображенской церкви Василий Михайлов. После смерти Мальцева в 1830 г. работа над словарем на какое-то время приостановилась, но вскоре ее «приняли добровольным вызовом» уездный стряпчий Н.П.Попов (один из учредителей и первый хранитель публичной библиотеки), купеческий сын А.С.Суханов (сын городского головы) и крестьянин Ф.Я.Попов. Работа с перерывами продолжалась до 1863 г. (за это время скончался А.С.Суханов, но появился новый помощник — секретарь уездного земского суда А.С.Моторин). Словарь, содержащий около 70 тыс. слов, был куплен С.-Петербургской академией наук, но так и не был издан [31].

Такие долговременные творческие научные группы – явление очень редкое (в Усть-Сысольске других не известно). В начале XX в. краеведческая работа обретает новые качественные черты. В это время в России появляются местные общества изучения родного края. Создание таких общественных организаций позволяло объединить и координировать работу краеведов, значительно улучшить финансирование краеведческого движения, шире пропагандировать прошлое и настоящее родного края и расширить ряды любителей краеведения.

Краеведческие общества были созданы и на европейском Севере России. В 1908 г. образовалось Архангельское Общество изучения Русского Севера (АОИРС), с 1909 г. издававшее журнал «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера» (два номера в месяц). Уже в 1909 г. в обществе состояли 310, а в 1913 г. – 713 чел. В1909 г. было создано Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК). Общество организовало свой музей, с 1914 г. издавало «Известия Вологодского общества изучения Северного края».

Сфера деятельности этих обществ включала и Коми край, в том числе и Усть-Сысольск. В 1914 г. членами ВОИСК состояли шесть, членами-корреспондентами — два горожанина. Однако они не объединились в местное отделение. АОИРС было более популярно. Например, в Печорском уезде к 1914 г. оно имело 47 действительных членов и 19 членовкорреспондентов. В 1910 г. в обществе состояли семь устьсысольцев, хотя Усть-Сысольск не входил в Архангельскую губернию.

Эта группа на собрании 14 декабря 1910 г. приняла решение о создании Усть-Сысольского отдела АОИРС, ставшего первым общественным научно-просветительским объединением в Усть-Сысольском уезде. Инициатором создания отделения АОИРС был известный усть-сысольский краевед А.А.Цембер, избранный его председателем. В 1912 г. Усть-Сысольский отдел АОИРС насчитывал 55, в 1913 г. – 62, в 1914 г. – 60, в 1915 г. – 65, в 1916 г. – 41 действительного члена и члена-корреспондента. В их числе: учителя, врачи, священники, государственные и земские служащие, купцы. Около половины членов отделения были горожанами, остальные – из сел

и деревень Усть-Сысольского уезда [32].

Одной из примечательных инициатив усть-сысольских краеведов было предложение открыть музей. Она была реализована в 1911 г. при финансовой поддержке земства. Музей размещался в здании Городской управы. В 1912 г. музейная коллекция состояла из 37, а в 1914 г. – из 67 предметов. При музее была создана библиотека, основу которой составили 518 томов, присланные правлением АОИРС.

Наиболее плодотворными в деятельности Усть-Сысольского отдела АОИРС были 1911–1914 гг. В это время регулярно проводились заседания отдела, на которых заслушивались доклады на самые разные темы. В 1915 г. Усть-Сысольский отдел АОИРС фактически прекратил свою деятельность. Вероятно, это связано не столько с трудностями военного времени, сколько с отъездом в Вологду в 1914 г. председателя отдела А.А.Цембера. И тем не менее кратковременная деятельность Усть-Сысольского отдела АОИРС оставила заметный след в истории культуры Коми края [33].

Отдельная тема — политические объединения в Усть-Сысольске. Их появление и деятельность связаны не с местным населением, а с политссыльными. Первые политссыльные появились в «столице зырянского края» еще в первой половине XIX в., но это были одиночки. В 1860-е гг. в Усть-Сысольске отбывали ссылку более 20 поляков, в основном участников восстания 1863 г. В конце XIX в. ссылка стала пополняться участниками рабочего движения. Численность политссыльных значительно возросла в начале XX в., после революции 1905 г. В 1909 г. в Усть-Сысольске находилось 445 ссыльных, 199 из них были политическими. В 1913 г. политическая ссылка в Вологодскую губернию была прекращена. В 1914 г. в Усть-Сысольске осталось 11 политссыльных, а к началу 1915 г. их было всего четверо, и те вскоре выехали [34].

Политссыльные обычно жили коммунами, создавали группы взаимопомощи. Были попытки организовать производственные артели. В начале XX в. появились политические объединения. В 1905 г. сложилась Усть-Сысольская окружная организация социалистов-революционеров (эсеров). К 1907 г. в ссылке в Усть-Сысольске оказалось довольно много активных членов РСДРП (большевиков), объединившихся в партийную группу. В 1907 г. образовали группу политссыльные поляки — члены Польской социалистической партии. Эти группы поддерживали отношения с центральными партийными комитетами, проводили нелегальные собрания, печатали и распространяли прокламации, организовывали кружки. Однако местное население, за исключением нескольких человек из учащейся молодежи, с этими группами связано не было [35].

Таким образом, многообразная общественная деятельность в Усть-Сысольске, как и в других городах Российской империи, была заметным явлением и оказывала большое влияние на развитие города. Наиболее массовым было участие горожан в городском управлении, что было предопределено законодательством, решении вопросов городского благо-устройства, а также в религиозно-церковной деятельности, во многом определяемое традицией. Меньше всего горожан было охвачено, в силу своей специфичности, культурно-просветительской деятельностью.

Общественная деятельность в наибольшей степени была характерна для относительно немногочисленной «верхушки» городского общества — чиновников, преподавателей, врачей, духовенства, купечества, торговых мещанских семей. Их общественная активность определялась несколькими взаимосвязанными факторами: образованностью, социальным статусом, должностными обязанностями, воспитанием и другими. Представители этих групп горожан создали ряд общественных объединений, сыгравших большую роль в истории Усть-Сысольска.

Литература и источники

- 1. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 343. Оп. 1. Д. 1; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 2.
- 2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. 2-3, 30-31.
- 3. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 118. Оп. 1. Д. 56. Л. 4; Д. 407. Л. 12; Л. 971. Л. 10.
- 4. Список всех городских голов до 1918 г. см.: Рогачев М.Б. Органы управления Усть-Сысольска в конце XVIII начале XX вв. // Вестник КРАГСиУ. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2001. Вып. 1. С. 22–37; Рощевский М.П., Рощевская Л.П. Градоначальники Сыктывкара. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003. С. 8–9.
- 5. Шаньгина В.В. Из истории земских учреждений Усть-Сысольского и Яренского уездов // Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975. С. 76 (Труды Ин-та яз., лит-ры и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 16); НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 120. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–7, 9–10.
  - 6. ВГВ, 1873. № 9. Часть официальная.
- 7. ВГВ, 1873. № 53. Часть официальная; НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 118. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–33, 42, 52, 54–55, 63, 84, 88, 89; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х начале 90-х годов ХІХ в. Л., 1984. С. 65.
- 8. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 120. Оп. 1. Д. 890. Л. 1–7; Д. 967. Л. 11–18; Д. 1077. Л. 11–19; Д. 1192. Л. 34–43; Д. 1361. Л. 21–28.
- 9. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 118. Оп. 1. Д. 3867; Ф. 120. Оп. 1. Д. 967. Л. 42; Д. 1077. Л. 102; Д. 1192. Л. 88–89; Д. 1361. Л. 70–71; Д. 1452. Л. 7.
- 10. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 230. Оп. 1. Д. 304. Л. 105; Д. 323. Л. 593.
  - 11. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 230. Оп. 1. Д. 267. Л. 2–4; Д. 353. Л. 2–36.
- 12. НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 296. Оп. 1. Д. 59. Л. 28, 31, 43; Ф. 230. Оп. 5. Д. 4. Л. 1; Оп. 1. Д. 353. Л. 2–36.
  - 13. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12055; Д. 16721. Л. 62-69; Д. 16768. Л. 3-12;

- РГИА. Ф. 1287. Оп. 48. Д. 1934. Л. 28; Журналы Усть-Сысольского земского собрания за 1911 год. Усть-Сысольск, 1912. С. 139–140.
- 14. Мельников С. Коляда в Усть-Сысольске // Живая старина, 1898. № 3–4. С. 481–482. Кичин Е. Заметки о городе Усть-Сысольске // Северная пчела, 1852. № 83
- 15. Краткие сведения о храмах и причтах церковных Коми края до 1917 года / Сост. Л.Торопова. Сыктывкар: Храм Рождества Христова п. Нижний Чов г. Сыктывкара и Родовая Община Репрессированного Духовенства Коми края, 2002. С. 15.
- 16. НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 118. Оп. 1. Д. 1406. Л. 7, 27–40; Галаган Н.А., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Огненные вехи: Очерки истории пожарной охраны Республики Коми. Т. 1. Сыктывкар, 1998. С. 70.
- 17. НАРК (Фондохранилище № 1). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1846. Л. 7, 13–14. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6. Л. 21–24, 42.
- 18. Мельников С. Вечеринки и игрища в Усть-Сысольске // Живая старина, 1898. № 3–4. С. 480; Кичин Е. Братчина (зырянское обыкновение) // ВГВ, 1852. № 28.
- 19. Из воспоминаний учительницы Ф.И.Забоевой, записанных в 1939 г. П.Дорониным // Войвыв кодзув, 1955. № 12. С. 58.
- 20. Устав Устьсысольского общественного собрания. Устюг, 1895; Доронин П.Г. Развитие театра в Коми крае. Рукопись. 1965 // НАРК. (Фондохранилише № 1). Ф. 1346. Оп. 1. Д. 45. Л. 5; ВГВ, 1900. № 41.
- 21. Рогачев М.Б. Печальная летопись Стефановского собора // Родники пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 148–149; НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 256. Оп. 1. Д. 59. Л. 42; ВЕВ, 1870. № 24; 1873. № 9; 1889. № 7–8; 1898. № 1; 1904. № 10.
- 22. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 145. Л. 7; Ульяновский монастырь у зырян: Троице-Стефановская новообщежительская обитель. Сыктывкар: Коми кн. издво, 1994. С. 65; ВЕВ, 1867. № 11; 1911. № 24.
- 23. НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 118. Оп. 1. Д. 3085. Л. 32–34, 36; Ф. 288. Оп. 1. Д. 113. Л. 159; Латышев А. Отчет о женских училищах Вологодской дирекции за 1859 год // ВГВ, 1860. № 11–13; Максимович П. Женские училища ведомства Министерства народного просвещения в губерниях С.-Петербургского учебного округа. СПб., 1865. С. 51–52.
- 24. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 379–381; Сурков Н.И. Страницы истории социальной работы в Коми крае (1860–1918). Сыктывкар: КРАГСиУ, 1998. С. 52–53, 134–159.
- 25. История Коми Т. 2. С. 175–177; Бондаренко О.Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX начале XX в. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. С. 86–87.
- 26. Доронин П.Г. Первые библиотеки в Коми крае. (Рукопись) // НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 1346. Оп. 1. Д. 46. Л. 19; Ф. 296. Оп. 1. Д. 59. Л. 54.
- 27. Доронин П.Г. Указ. соч. Л. 22–26; НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 10–11. Кичин В. Нечто об Усть-Сысольске // ВГВ, 1865.

- № 34.; Живописная Русская библиотека. 1856. № 23. С. 481; ВГВ, 1853. № 28.
- 28. Уездный город 100 лет назад (из воспоминаний А.И.Ишимовой) // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 49; Чисталева Т. «Честь имею донести, что...» // Вестник культуры Коми ССР, 1992. № 4. С. 16–17.
- 29. Доронин П.Г. Развитие театра в Коми крае. Рукопись. 1965 // НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 1346. Оп. 1. Д. 45;. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1768. Л. 18, 19, 24—28, 37, 40, 41; Д. 1769. Л. 181; Д. 1770. Л. 5; Чисталева Т. Указ. соч. С. 18—19.
  - 30. BFB, 1900. № 41, 54.
- 31. ВГВ, 1838. № 6; Попова Р.Л. «Добровольным вызовом» // Родники пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 80–81; Коми язык. Энциклопедия. М.: ДИК, 1998. С. 365–369.
- 32. Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1997. Ч. 2. С. 60–64, 152–157.
- 33. Отчет Устьсысольского отдела АОИРС // Вологодский листок, 1912. № 360; Систематический сборник постановлений Устьсысольского, Вологодской губернии уездного земского собрания. Вологда, 1899. С. 840–841; Доронин П. Первый коми музей. Рукопись // НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 1346. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2; Паршуков В.Ф. Первые экспонаты // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 1997. С. 56–59 (Труды Национального музея Республики Коми; Вып. 1).
- 34. НАРК. (Фондохранилище № 1). Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 152–168; Д. 296. Л. 1–2, 6–14; Тираспольский Г.И. «Письмо преступного содержания» // Родники пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 158–160.
- 35. Раевская Т.П. Под гласным надзором полиции. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. С. 43–47, 61–63, 90–91, 96, 137, 199, 204; Чупров В.И. Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900–1917). Сыктывкар, 1974. (Научные доклады / Коми фил. АН СССР; Вып. 12); Таскаев М.В. Небольшевистское подполье в Коми крае (1905–1914) // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2000. С. 132–135. (Труды Национального музея РК; Вып. 2).

Повседневная жизнь Коми края

Выт. 1 2006

М.В.Хайдуров

К вопросу о быте духовенства Коми края в XIX веке: «жилищный вопрос»

История повседневности, быта различных слоев русского общества, в том числе и православного духовенства — проблема обширная и многогранная. И рассмотрение даже какого-либо одного аспекта имеет весьма важное значение не только в плане углубления знаний собственно в области «истории повседневности» (как направления исторических исследований), но и в других областях — в первую очередь, в различных «срезах» социально-экономической истории. Применительно к истории духовного сословия это, например, актуальная проблема материального положения приходского духовенства, его взаимоотношения с прихожанами и т.д. И тема «жилищного вопроса» в среде православного духовенства здесь не является исключением. В данном случае под термином «жилищный вопрос» мы подразумеваем проблему обеспеченности духовенства, в первую очередь сельского, жильем, на какие средства это жилье было выстроено, какого оно было качества.

Несколько слов о самом духовном сословии Коми края. Сразу оговоримся – речь идет о Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, составлявших основную территорию края, без включения территорий, входивших в состав Мезенского уезда Архангельской губернии. К середине XIX в. все духовное сословие в Коми крае составляло 1292 чел. обоего пола (791 – в Усть-Сысольском, 501 – в Яренском уезде), из которых 255 чел. служащего духовенства (72 священника, 46 диаконов, 137 причетников), 812 членов семей священноцерковнослужителей, 150 заштатных священноцерковнослужителей, вдов и сирот из семей духовенства. Тогда же в крае было 68 приходов, из которых лишь три относились к числу городских (один – в Усть-Сысольске и два – в Яренске), остальные же были сельскими – в это же число мы включаем приходы заводских церквей, которые фактически очень мало чем отличались от обычных сельских приходов. Соответственно, духовенство Коми края в своем подавляющем большинстве относилось к числу сельского духовенства.

Как известно, открытие нового прихода предполагало обеспечение будущего клира со стороны прихожан всем необходимым для жизни: земельным участком, ругой (выплатой духовенству хлебом и деньгами), жильем для духовенства. Это все оговаривалось заранее в прошениях прихожан на открытие нового прихода, и это же являлось обязательным для уже существующих приходов. Таким образом, именно прихожане должны были обеспечивать свой причт домами. Однако помимо домов, выстроенных прихожанами для клира, существовали и другие типы жилья священно-церковнослужителей. При рассмотрении «типов» священнического и причетнического жилья мы оперировали главным образом сведениями клировых ведомостей, дающими весьма широкую по охвату и полноте картину. В основу нашей классификации положен принцип собственности, т.е. кто считался собственником жилья — именно этот принцип вполне четко прослеживается в источниках.

Первую группу домов, занимаемых священноцерковнослужителями и их семьями, составляли «собственные» дома членов причта. Они были построены как за счет самого клирика-домовладельца, так и «тщанием прихожан» (в последнем случае, несмотря на фактическое участие прихожан в постройке дома, он являлся собственностью занимающего его представителя духовенства). Естественно, это было наиболее удобно для священноцерковнослужителей, придавало «уверенность в завтрашнем дне», однако это было и не всегда возможно - и дело здесь не только в уровне состоятельности клирика или благорасположенности к нему прихожан. Священник, диакон или причетник, будучи человеком «служивым», в течение своей жизни почти обязательно менял приход, нередко даже по несколько раз. В случае поступления на новое место священник или другой член причта мог получить в свое распоряжение «церковный» дом, являющийся именно церковной собственностью, либо же так называемый «общественный» дом, принадлежащей приходской общине в целом. И в том, и в другом случае это было чем-то вроде «служебной квартиры» духовенства, занимаемой лишь на время несения службы. Впрочем, после увольнения «за штат» или смерти духовного лица, в этом доме могла проживать его семья, разделяя кров с преемником ушедшего клирика. К числу таких же «служебных квартир» можно отнести и «казенные» дома, и дома «от заводовладельцев» при заводских церквях (Нювчимской, Кажимской, Нючпасской, Сереговской).

Более детально картина с распределением домов духовенства по типам отражена в табл. 1, 2 (данные взяты из клировых ведомостей за 1844 г.) [1]. Здесь мы учитывали только данные по сельским приходам, и только те, которые могут быть трактованы совершенно определенно. Об «оговорках» и «смешанных вариантах», включая те, которые в таблицы не вошли, будет сказано отдельно.

Таблица 1

Жилье священноцерковнослужителей Усть-Сысольского уезда в 1844 г.

	Категории	Соб-	**	0.5	Y.C.	От	T.C.	0		
	священно-	ствен-	Цер-	Обще-	Казен-	заводо-	Квар-	Отсут-		
	церковно-	ное	ковное	ственное	ное	владель-	тиры	ствует		
	служивенейн	но очег	идно, ч	го собстве	нные до	ма Евстав	пяли на	ибольшую	0	
ча						ей У <mark>с</mark> ть-С				
В	төржетврем.	я ңұ́еўмал	юе числ	о сеўней д	уховенс	тва (324 –	т.е ₁₂ как	минимум	A	
15% служащего духовенства) не имело своего жилья – хоть собственного,										
хоть «служебного». Кроме тех случаев, когда они снимали квартиры, место										
проживания этих людей определить затруднительно - жили ли они вместе										
c	с представителями других семей духовенства (возможно, вдовами и сиро-									
тами, оставшимися после «предместников»), либо в домах родственников,										
ЛИ	либо же снимали квартиры, как другие, но это было не отражено в доку-									
Μ¢	ентах									

Из упомянутых и включенных нами в таблицу сведений о жилье духовенства любопытными показались следующие: в первую очередь тем фактом, что права собственности были «смешанными», если этот оборот допустим в данном случае. В приходе Ибской Вознесенской церкви дом у священника считался общественным, а «служба» (т.е. служебные, хозяйственные постройки) — собственными. В Палаузе дом священника описывается как «мирской обще с казенным», а пономаря — «свой обще с казенным». В Зеленецкой Богоявленской церкви у диакона были «горница и двор казенные ветхие», а изба — собственная; дьячок той же церкви жил в доме своего «предместника» (оба они в таблице не учитываются). Дьячок Корткеросской церкви имел собственный дом, в котором «только одне стены и горницы общественные».

В Вишере в распоряжении священника был дом, «доставленной крестьянином Иваном Михайловым, переселившимся в Сибирский край, в пользу церкви».

Tаблица 2 Жилье священноцерковнослужителей Яренского уезда в 1844 г.

Категории священно- нерковно- В дренско служителей	<i>J</i> , ,	U					Отсут- ого жилья
священнико				10	капиж о	_	1
чеминкУкть-Сы	соль с ком	уезде. В	эту_табл	ицуз не	включенн	і сведен	ия только
по Пориновичкион	омафю I	<u> Цыли⁴бско</u>	й Хфист	орожде	ствейско	й церкв	и, у ¹ кото-

рого в распоряжении считалась только одна комната, «то есть изба со двором скотским казенная, а горница его собственная».

Дома членов причта, будь то находящиеся в собственности их самих или целого прихода вообще, приобретались и строились на различные средства — не только силами и средствами самих священноцерковнослужителей, но и, естественно, силами прихожан (таких случаев большинство), включая сбор средств на приобретение уже готового жилья, а также за счет церковной казны. Здесь многое зависело от взаимоотношений духовенства и прихожан, а не только от состоятельности последних. Например, в Межадоре дом священнику начали строить прихожане, но священник «по нерадению [прихожан] достраивает сам». В Яренском Подгородном Иоанно-Богословском приходе дом дьячка был «казенный, купленный на церковную сумму».

Известно, что специально выстроенные дома членов причта ставились обычно неподалеку от приходской церкви, составляя вместе с храмовым комплексом, хозяйственными и административными церковными постройками, приходской центр («погост», как его часто именуют источники, особенно начала XIX в.). Дома эти, как правило, строились либо на церковной земле, либо на земле общественной (общинной), отданной во владение церкви или самим священноцерковнослужителям. Например, в Визинге собственные дома членов причта стояли «на равне с крестьянскими строениями», в Часово – «между крестьянскими» и т.д.

Из приведенных выше сводных данных видно, что священноцерковнослужитель, поступая на новое место к церкви, нередко был обеспокоен проблемой жилья, не имея здесь ни собственного, ни «служебного» дома. Рассчитывать на занятие дома своего предшественника он мог далеко не всегда, так как там могла оставаться жить семья последнего (замещение должности часто происходило в результате смерти кого-либо из клира). Будучи во многом справедливым по отношению к домам «общественным» и «казенным», это тем более верно и естественно в случае с «собственными» домами. Впрочем, если клирик поступал на место «по условию», т.е. с обязательством обеспечивать содержание семьи своего умершего или ушедшего «за штат» предшественника, то он мог жить и вместе с этой семьей. При этом считалось, что уже именно он является хозяином дома: «заштатная» семья, например, в клировых ведомостях описывалась как живущая при том или ином действительном священноцерковнослужителе, а не наоборот, что, несомненно, связано с понятием кормильца.

Нередкой была ситуация, при которой молодой священник или пономарь, собирая постепенно средства на строительство нового дома либо ожидая его постройки, жил со своей семьей «на квартирах» или (иногда) делил кров с кем-либо из «старых» членов причта. Как уже говорилось, зеленецкий дьячок жил в доме своего «предместника». В Корткеросском

приходе «по неимению своего состояния» священник жил в доме устьсысольского купца Латкина, находящемся при погосте, а пономарь – у своего отца, поступившего из духовного звания в крестьянское.

Подобное положение дел с отсутствием собственного жилья могло продолжаться не один год, особенно если приход был не из числа богатых и многолюдных и при нем велось какое-либо достаточно крупное строительство: церкви, колокольни и т.п. Здесь весьма показательна история с диаконом Яренской Градской Покровской церкви Стефаном Ванеевым. Он в 1846 г. писал о том, что с момента его поступления на указанное диаконское место в 1839 г. и по сию пору он со своей семьей, не имея собственного жилья, был вынужден переезжать «из дому в дом, а по бедности жителей сего города и по недостатку постоянных домов состоят квартиры довольно дороги» [2].

В итоге он «выплатил квартирных денег значительное число из небольшого его дохода и перенес немалую скуку с семейством от этих переездков». Диакон этот, вознамерившись наконец поставить собственный дом с хозяйственными постройками, просил Яренское духовное правление (а оно, в свою очередь, Вологодскую духовную консисторию) «исходатайствовать» для него право на беспошлинную вырубку рассчитанного им необходимого количества соснового леса.

Однако положение Стефана Ванеева здесь осложнялось одним обстоятельством. Дело в том, что в своей просьбе диакон опирается на законодательный акт, предусматривающий разрешение на беспошлинную вырубку леса из примежеванных и казенных дач священноцерковнослужителям сельских церквей. При этом он апеллирует к тому факту, что приход его, хотя формально и считается городским, но включает в себя много деревень, крестьяне которых и составляют большую часть прихожан. Тем не менее, губернский лесничий от имени Вологодской палаты государственных имуществ в отношении по этому вопросу в Вологодскую духовную консисторию в отпуске беспошлинного леса отказал.

Подобные ситуации с беспошлинным лесом для представителей клира городских приходов (двух Яренских и Усть-Сысольского), включавших много деревень, имели место не только в случае с просьбой Стефана Ванеева. В этом отношении больше повезло протоиерею Усть-Сысольского Троицкого собора Вонифатию Кокшарову, запросившему на поправку дома и «служб» в 1843 г. отпуск беспошлинного леса из дач крестьян, относящихся к приходу этого собора, и в конечном счете добившемуся рассмотрения его просьбы в Синоде и положительного решения по своему делу. Любопытно, что протоиерей аргументировал свое прошение еще и тем, что это явилось бы своего рода вознаграждением за его труды по окормлению жителей приписанных к приходу деревень и исходатайствование могло бы «поощрить мое (протоиерея — М.Х.) к исполнению своих обязанностей более»

[3].

Возвращаясь к вопросу о лесе на постройку домов, отметим четкие указания в прошениях на его необходимое количество и даже качество, особенно в прошении Вонифатия Кокшарова: «соснового строевого лесу разного сорта 800 дерев, а именно: длиною 11-ти аршин в отрубе 5 верхов 50 дерев; длиною 10 арш. в отрубе $5^{1/2}$ верхов 100 дерев; длиною 9 арш. в отрубе 6 верхов 350 дерев; длиною тоже 9 аршин в отрубе 5 верхов 100 дерев и наконец длиною 8 аршин в отрубе 6 верхов 200 дерев» (у диакона Стефана Ванеева упоминаются просто «300 дерев трех-саженных толщиною в отрубе 5 и 6-ти вершков»).

Вообще, «городские» приходы Коми края – явление довольно интересное, и как следует даже из приведенных только что примеров, они имели довольно много общего с приходами сельскими.

Естественно, что дома духовенства отличались друг от друга по качеству. Нередко в источниках мы находим упоминания того, что какой-то священник или причетник живет в «ветхом деревянном доме»: например, в приходе Шеномской Богоявленской церкви (Яренский уезд) у всех священноцерковнослужителей, кроме дьячка, дома были именно «ветхие».

В целом же можно отметить, что обеспеченность жильем духовенства, несмотря на некоторые проблемы, в Коми крае была довольно неплохой, хотя тема эта и требует более пристального и тщательного изучения с привлечением новых источников.

Литература и источники

- 1. Национальный архив Республики Коми. Xp. 1. Ф. 230. Оп. 1. Д. 261; Ф. 31. Оп. 1. Д. 50.
  - 2. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Д. 11457.
  - 3. Там же. Д. 10843.

Повседневная жизнь Коми края

Выт. 1 2006

О.Н.Титков

«Вологодские губернские ведомости» о нравственных чертах коми крестьянства середины XIX века

Коми крестьянство не раз становилось объектом пристального внимания исследователей, но тема повседневной жизни и, в частности, нравственные ее аспекты не получили должного освещения в отечественной исторической литературе. Между тем, субъективная сторона исторического процесса, способ мышления и чувствования, присущий людям определенной социальной и культурной общности, являются неотъемлемой составляющей объективного процесса истории, и изучение образа мысли человека, его нравственных и этических ценностей, влияющих на поведение, имеет крайне важное значение.

Особый интерес в изучении нравственных сторон жизни коми крестьянства, проживавшего на территории, входившей в состав Вологодской губернии, представляет такой источник, как газета «Вологодские губернские ведомости» – официальный печатный орган губернской власти.

Издание было учреждено в 1838 г. и содержало информацию о событиях внутриполитической жизни страны и региона. Разнообразный исторический и этнографический материал о жизни крестьянского населения Вологодской губернии публиковался, как правило, в неофициальной части газеты. Вопросы материальной и духовной культуры занимали здесь одно из центральных мест. В статьях различных авторов нередко давались довольно подробные описания хозяйственных занятий, народных верований, семейной обрядности, праздничного и повседневного досуга коми крестьян. Причем авторы данных сообщений нередко являлись непосредственными очевилцами описываемых явлений повселневной жизни крестьянства и излагали собственные впечатления, так как многие из них были сельскими учителями, врачами, священниками в различных уездах Вологодской губернии. Особое место в этих публикациях занимают описания нравственных и этических качеств коми-зырянина. Подобные сведения не только давали характеристику менталитета населения Коми края, но и в немалой степени способствовали формированию представлений о зырянах у населения центральных уездов Вологодской губернии. Кроме того, если принять во внимание то, что статьи эти зачастую публиковались и в периодических изданиях других губерний, становится понятным важность подобных работ. Интерес читателей к жизни коми-зырян был довольно высоким, об этом свидетельствует просьба редакции «Вологодских губернских ведомостей» присылать для публикации любой интересный материал о зырянской жизни [1].

В качестве примеров описания нравственных и этических особенностей коми крестьян автором данной публикации были отобраны несколько статей, наиболее полно отражающих специфику публиковавшихся в газете материалов по данной проблематике. Так, статья П. С. Балова, посвященная охоте на пушного зверя, содержит довольно интересные сведения о некоторых нравственных качествах зырян-охотников. П.С.Балов отмечает честность и равноправие, царящие в охотничьих артелях: «...если берут на промысел неопытного, то с ним, как со всегдашним товарищем, делят в артели по равной части как белку, так и других зверей... Чужая собственность считается неприкосновенной» [2]. Ни один охотник не возьмет зверя, попавшегося в силки другого. Но несмотря на это, автор добавляет, что зырянам не был чужд и некоторый обман. Так, если беличья шкурка оказывалась чересчур красного цвета, то охотники прибегали к хитрости. Шкурку мазали кровью, а затем, выморозив, мяли, отчего она светлела, «чтобы сбыть с рук белку за лучшую» [3].

О таких качествах коми крестьян, как радушие и гостеприимство, пишет в своих путевых заметках А. Попов. Согласно автору, изложившему свои впечатления от поездки из Усть-Сысольска к Вишере, зыряне бескорыстны в домашнем быту, «между ними нет обыкновения брать платы за хлеб, за соль и вообще за гостеприимство» [4]. Хотя крестьянская жизнь несет в себе множество трудностей, у зырян не было обыкновения жаловаться на судьбу. Так, А. Попов приводит ответ вишерских крестьян на его замечание о частых неурожаях на Вишере: «Зато бог дал нам леса, наполненные всякого рода зверями и птицами, а это составляет источник нашего продовольствия и богатства» [5]. Вместе с тем автор отметил и то обстоятельство, что зыряне мало стремятся к улучшению своего быта, предпочитая новшествам соблюдение вековых устоев, воспринимая перемены как намерение лишить их прежнего образа жизни.

В своей следующей статье, опубликованной в «Вологодских губернских ведомостях», А. Попов попытался более подробно разобрать некоторые нравственные особенности коми-зырян, особо останавливаясь на их негативных, по его мнению, сторонах. Здесь терпение крестьян к жизненным невзгодам рассматривается автором уже как проявление крайнего фатализма: «...падет ли единственная лошадь, сгорит ли дом со всем имением, или умрет сын, зырянин потоскует; но никогда не вырвется у него ропот на судьбу... Он с покорностью предается воле Провидения» [6]. При этом А. Попов частично раскрывает причины подобного спокойного отношения зырян к жизни: человек, которого постигло несчастье, был уверен, что он не останется со своим горем наедине и всегда может рассчитывать на помощь соседей, так как, по зырянским представлениям, «человек человеку не может отказать в необходимом» [7]. Говорит автор и о склонности зырян

к лени, утверждая, что «если бы не нужда и необходимость, то зыряне вряд ли бы знали значение труда» [8].

Подобные суждения о лени и невежестве коми крестьян приводит и П.А.Сорокин, описывая некоторые старинные зырянские обряды [9]. При этом нетрудно заметить, что в ряде высказываний исследователь почти дословно повторяет выводы А. Попова. Данное обстоятельство заставляет усомниться в объективности и самостоятельности отдельных положений статьи. Но, наряду с вышеперечисленным, П.А. Сорокин отмечает крайнее благочестие, почтительность и усердие зырян в церковных делах [10]. Что же касается недостатка образованности среди коми крестьян, то причиной этому, по словам автора, служат не умственные особенности зырян, а удаленность большинства сел и деревень от городов.

О такой черте зырян, как пристальное внимание к личной гигиене, сообщает автор статьи «Зырянские обычаи» Кочиев [11]. Здесь он описывает почти каждодневный обычай коми крестьян париться в бане. «Они тот день считают почти потерянным, когда не были в бане, по чему бы то ни было» [12]. Подобная традиция соблюдалась даже охотниками, находящимися далеко от дома. В этом случае в качестве импровизированной бани использовались охотничьи избушки. При этом баня выступала средством не только поддержания чистоты, но и подкрепления сил и профилактикой болезней.

Более подробно и развернуто по сравнению с предыдущими статьями, особенности зырянского менталитета представляет перед читателями статья М. И. Михайлова [13]. Многочисленные лишения и трудности, наряду с уже упоминавшимся прежними авторами фатализмом, сформировали в зырянах, по его словам, необыкновенное мужество, которое они проявляют в случае опасности. «Он (зырянин) не остановится, если надо переплыть широкую реку во время грозной бури, ... не позадумается, очертя голову бросится в пламя, чтобы спасти имущество дорогого соседа; не колеблясь, кинется с ножом на медведя, чтоб не упустить из рук добычи» [14]. Следует отметить и выделяемую автором привязанность зырян к родине. Если крестьянин уходил на заработки и ему удавалось найти прибыльный для себя род занятий, то несмотря на это, он обязательно возвращался с началом весны домой, «чтобы поделится нажитым с земляками: чувство любви к родине заглушает в нем привычную жадность к приобретению, не дает места корыстолюбивым видам и расчетам» [15]. Гостеприимство зырян преисполнено, по словам автора, самым искренним радушием, «путешественник едва ли где встретит себе такой ласковый прием и такую бескорыстную услужливость» [16].

В статье приведен обычай, еще имевший место в середине XIX в.: уходя из дому зыряне, как правило, оставляли двери открытыми, «чтобы странник без хозяев нашел и приют, и пищу» [17]. Однако М. И. Михайлов с сожа-

лением констатирует, что подобные традиции сохраняются лишь в отдаленных поселениях, так как участившиеся случаи воровства заставляют хозяев вешать на двери замки, о чем раньше нельзя было и помыслить [18]. Это не единственный порок, упоминаемый автором и имевший, по его словам, место в коми деревнях. Если верить статье, нередкими в среде коми крестьян были случаи венерических заболеваний, происходящих «вследствие раннего развития в народе чувственности» [19]. Но подобные последствия свободы половых отношений успешно лечились на местах при помощи подручных снадобий. Кроме того, говорит М. И. Михайлов и о таком негативном явлении в повседневной жизни крестьян, как злоупотребление спиртным. «За обещанную рюмку дешевле уступают товар и работают охотнее, чем за деньги» [20]. Хотя тут же он добавляет, что случаи пьянства имеют место лишь по праздникам и вызваны традицией общих застолий. «Вот прошел праздник, миновала общая оргия, и зырянин остепенился, совестится самого себя, боится питейного дома и не заглядывает туда до следующего праздника» [21].

В общении же, по наблюдению исследователя, зырянин отличается рассудительностью, любопытством, остроумием и словоохотливостью. В тех же случаях, когда с ним вели разговор не на родном языке, коми крестьянин становился скрытным и угрюмым [22]. Отмечает М.И. Михайлов и предприимчивость зырян, высоко ценящих свой труд: «...За малейшую по найму услугу, за всякую в торговле безделицу, требуют гораздо более, нежели сколько следует».

На примере вычегодских и вымских волостей Яренского уезда провел исследование хозяйственного быта коми крестьян В. Аврамов [23]. В отличие от предшественников, его работа содержит большой статистический материал и попытки теоретических обобщений. Он подтверждает мнение предыдущих авторов о высокой степени религиозности зырян: «Набожность и усердии к церквям, исполнение христианских обязанностей, уважение к духовенству составляют всеобщее качество жителей. В праздничные дни непременно всякий спешит в церковь» [24]. Частыми были случаи пожертвований в пользу церкви не только денежных средств и имущества, но и коров, свиней, овец. Многие из прихожан отправлялись на поклон чудотворным иконам и святым местам не только в пределах своего уезда, но и в другие города и губернии. Вместе с тем, как отмечает автор, понятия зырян о религиозности довольно грубы; мало кто понимал значение христианских догматов, принадлежность к христианству определялась во внешних проявлениях богослужений.

Честность, открытость, нетерпение к обману выступают, по В. Аврамову, непременными качествами зырян в отношениях между собой. Однако в отношении к начальству коми крестьяне весьма боязливы и осторожны. Нередко при расспросах они изображали полное незнание русского языка,

чтобы не отвечать на возможные упреки. К такому же приему прибегали и при судебных разбирательствах [25]. Как и авторы до него, В. Аврамов акцентирует внимание на склонности вычегодских и вымских крестьян к пьянству, которые, по его словам, «к водке привыкают часто с малых лет, как мужчины, так и женщины» [26]. Именно эта пагубная привычка, как он считает, и является в большей степени причиной бедности местных жителей. В качестве противопоставления автор приводит пример быта удорцев, которые менее подвержены подобным порокам и, как следствие, более состоятельны и хозяйственны, несмотря на частые неурожаи.

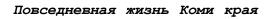
Приводит В. Аврамов и примеры легких нравов жителей Яренского уезда. «Незамужние мало дорожат своей честностью и поведением... По мнению здешних жителей это нисколько не вредит репутации девиц, если только они рукодельны, трудолюбивы и домовиты, и если, предавшись чувственности, не вносят в семейство прибыли» [27]. Причинами подобной свободы половых отношений, с точки зрения автора статьи, являются недостаточный родительский контроль и частые отходы крестьян на заработки в центральные губернии, где и происходит падение их нравов. Вообще же, по мнению В. Аврамова, зыряне являются людьми жестокосердными, мстительными, злопамятными и, несмотря на флегматичность характера, вспыльчивыми [28]. Здесь автор в некоторой степени противоречит сам себе, так как ранее он указывал на совершенно другие черты.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в середине XIX в. в «Вологодских губернских ведомостях» неоднократно публиковались статьи, в которых делалась попытка обрисовать нравственные и этические черты коми-зырян. При этом в рассуждениях некоторых авторов нередко можно уловить некоторую снисходительность, даже предвзятость, что, конечно, не способствовало их объективности. Зачастую на основании единичных поверхностных наблюдений делались весьма спорные выводы, которые могли способствовать складыванию в сознании читателей негативных стереотипов. Следует отметить и то обстоятельство, что в некоторых публикациях активно использовались материалы предшественников, в чем нетрудно убедиться, проанализировав данные работы. Как правило, они являлись сжатым изложением уже высказанных соображений и, по всей видимости, авторы подобных статей не являлись очевидцами описываемых событий, а предпочитали личным наблюдениям компиляцию трудов других исследователей.

Но в целом публикации раскрывают особенности зырянского менталитета, отношение к жизни, основные черты характера, нравственные ценности коми крестьянина. Несомненно, опубликованные в «Вологодских губернских ведомостях» материалы заслуживают самого пристального внимания при исследовании повседневной жизни, быта, духовной культуры коми крестьянства.

Литература и источники

- 1. Вологодские губернские ведомости (ВГВ), 1848. № 30.
- 2. Балов П. С. Охота за белкою и другими пушными зверями в Усть-Сысольском, Яренском, и Сольвычегодском уездах // ВГВ, 1840. № 14.
  - 3. Там же.
- 4. Попов А. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // ВГВ, 1848. № 10. С. 110.
- 5. Попов А. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // ВГВ, 1848. N 12. С. 138.
- 6. Попов А. Мнение о происхождении зырян, и очерк некоторых свойств их // ВГВ, 1848. № 23. С. 256.
  - 7. Там же.
  - 8. Там же.
  - 9. Сорокин П. Старинный обряд у зырян // ВГВ, 1848. № 30. С. 339.
  - 10. Там же.
  - 11. Кочиев. Зырянские обычаи // ВГВ, 1848. № 49. С. 553.
  - 12. Там же. С. 554.
- 13. Михайлов М. И. О земледелии и скотоводстве у зырян Устьсысольского уезда // ВГВ, 1852. № 33, 34; Он же. Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ, 1853. № 17, 18, 19.
- 14. Михайлов. М. И. Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ, 1853. № 17. С. 141.
  - 15. Там же.
- 16. Михайлов. М. И. Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ, 1853. № 18. С. 153.
  - 17. Там же.
  - 18. Там же.
- 19. Михайлов М. И. Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ, 1853. № 17. С. 141.
- 20. Михайлов М. И. Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ, 1853. № 19. С. 164.
  - 21. Там же. С. 165.
  - 22. Там же. С. 164.
- 23. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // ВГВ. № 28–38, 40–42, 45.
- 24. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // ВГВ. № 30. С. 272.
  - 25. Там же. С. 274.
- 26. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // ВГВ. № 31. С. 284.
  - 27. Там же. С. 285.
  - 28. Там же.

Выт. 1 2006

Питание крестьянской семьи в 1920-е годы

Питание, являясь важнейшим показателем социально-экономического положения и жизненного уровня крестьян, вместе с тем оказывает существенное влияние на чисто демографические аспекты (рождаемость, смертность, брачность). В крестьянском быту, самым тесным образом связанном с постоянным тяжелым физическим трудом, уровень питания имеет очень большое значение. Изучение характера питания крестьян проливает свет на особенности организации крестьянской семьи.

Питание крестьян в количественном и качественном отношении зависело от множества факторов, в том числе и от характера надельного землепользования, региональных особенностей почв [1]. Специфика землепользования крестьян области состояла в узком ассортименте высеваемых культур, в невысоком уровне урожаев, в отсутствии почти повсеместно в силу климатических условий садоводства и пчеловодства. Все это значительно снижало долю продуктов натурального хозяйства в питании крестьянской семьи. Вследствие этого расходная часть бюджета крестьянского двора возрастала за счет денежных затрат на приобретение сельскохозяйственных продуктов.

Структуру питания крестьянской семьи составляли следующие компоненты: тип питания (семейное, артельное, одиночное), величина расходов на питание и их удельный вес в бюджете семьи, пищевой рацион, который предусматривает количество и качество потребляемых продуктов, соотношение продуктов растительного и животного происхождения, калорийность [2].

Традиционным и преобладающим типом питания крестьян исследуемого региона являлось семейное. Питание крестьян области имело сезонный характер. Если в летние и осенние месяцы большинство населения сел питалось дома, то зимой и весной, когда заметное развитие имел отход крестьян на лесозаготовки, организация питания зависела от ряда субъективных условий и обстоятельств. Характеризуя рацион крестьянской семьи, прежде всего следует исходить из региональных особенностей крестьянского хозяйства, которые обуславливали ассортимент потребляемых продуктов и объясняют расход их в количественном отношении.

Областные земельные органы на протяжении 1920-х гг. несколько раз собирали и высчитывали данные о средней норме потребления крестьян на душу в год и в месяц. В 1922 г. потребность хлеба в год в среднем на одного едока в Усть-Вымском уезде находилась в пределах 12 пудов мукой или 16 п. 32 ф. печеным хлебом [3]. Исходя из объема получаемого в первой половине 1920-х гг. урожая, крестьянские хозяйства уезда были обеспечены своим хлебом всего лишь на 17-30% [4]. Например, на год в 1924 г. крестьянин

потреблял хлеба печеного черного 16 пудов* (с 1 дес. получали 20-40 пудов зерна) [5], крупы разной — 2 пуда, прочих хлебных продуктов — 9 пудов, картофеля — 9,5 пудов, прочих овощей — 2,5 пуда, мяса — 1,2 пуда, сахара — 4,7 фунтов (1 фунт = 409,5 г), рыбы — 30,4 фунта, масла растительного — 1,1 фунта, масла коровьего — 4,7 ф., сала — 1,1 ф., молока — 6,2 пудов, прочих молочных продуктов — 34,4 ф., яиц — 3,3 фунтов, соли —21,1 ф., чая и кофе — 1,1 ф. [6]. По данным 1925 г., питание даже ухудшилось (табл. 1, 2).

 $\begin{tabular}{l} $\it Taблицa 1$ \\ $\it II {\it O}$ Таблица 1$ \\ $\it II {\it O}$ Таблица 1 \\ $\it II {\it O}$ В октябре 1925 г. в Коми AO, в фунтах \\ \end{tabular}$

	Сысоль-	Усть-	Усть-	-омжИ	В	
Продукт	ский	Куломский	Вымский	Печорский	среднем	
	уезд	уезд	уезд	уезд	среднем	
Мука всякая	14,9	13,5	14,4	11,7	13,25	
Крупа разная	0,1	1,1	0,75	0,25	0,75	
Картофель	8,1	8,75	7,8	5,7	7,8	
Молоко	6,5	8,5	8,5	6,2	7,5	
Простокваша	1,5	2,5	3,2	0,9	2,2	
Творог	0,75	0,75	1,3	0,1	0,7	
Габлица составле	ена по ² НА	РК. Ф ⁰ , 140. О	т. 1. ⁰ Д ^{1.5} 1206	п -0,4	0,2	
Масло	0,2	0,2	0,2	0,4	0,25	
Соль	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	
Огородные	2,1	1,2	1,1	0,45	1,21	
овощи	2,1	1,2	1,1	0,43	1,21	
Мясо	2,4	3,1	2,7	5,3	3,37	
Рыба	1,1	0,7	1,0	1,4	1,05	
*1Caxap	400,3	10,3	0.020,25	0,4	. 0,31	
$\frac{1}{1}$ пуд = 16,3 кг = 40 фунтам; 6 фунтов = 0,025 пуда; 1 фунт ≈ 0,475 кг.						

Таблица 2

Нормы потребления сельским населением продуктов на душу (среднегодовые, составлено на основе опроса крестьянских хозяйств 1925/1926 г.), в пудах

Продукты	1-й тип хозяйств	2-й тип хозяйств	
Зерно (рожь)	7,72	11,88	
Ржаная мука	6,36	15,2	
Зерно ржаное	4,98	_	
Рожь (простой размол)	3,55	_	
Зерно (ячмень)	13,93	13,42	
Мука ячменная	6,57	11,0	
Таббирпуцаасяжение на по: НАР	К. Ф. 140.004н. 2. Д. 60.	Л. 1–20. –	
Зерно (овес)	5,56	1,75	

Мунаровожираяпо оценкам специались в из одного пуда молока (в год в среднемополучали от одной дойной соровы 40-50 пудов) спетойным крыночером способом выходит: 5 фунтов-сметаны, 33 ф. прослежващи, 2 ф. от висов, 134 ф. чухонского масла, 6,91ф. творога и 25 ф. сыворотки [7]. Следовиченью, выходило около 29 кр. Сметаны, 38,59 кг творога, 195,94 кг прослемы, 10,4 кг масла на человем в год, при принимаемом размере семьи в четыре человека. В 1925/1926 г. один двор потреблял хлебных изделий и круп от 49,8 до 53,64 пудов за квартал, картофеля — от 20,25 до 28,85 пудов [8].

Вообще питание крестьян Коми области независимо от материального положения было совершенно одинаковым, разница заключалась лишь в качестве блюд. Обыденный постный стол крестьянина выглядел следующим образом: а) 1-е блюдо – капуста, иногда редька; б) 2-е – ленивые щи из ячменного зерна; в) 3-е – картофель; г) 4-е – «галанка» (бульон из «галанки») или брусника. Иногда в праздничные дни вместо первого блюда появлялась уха. Естественно, что в оленеводческих районах в повседневном рационе было в основном мясо (оленина), а на Печоре – рыба, но соответственно там хуже обстояло дело с хлебом и прочими продуктами земледелия.

Скоромный стол крестьянина выглядел по качеству питания несколько лучше. На первое подавалось мясо (1-2 раза в неделю), в остальные дни – ленивые щи со сметаной; второе – картошка на молоке или творог; третье – молоко, простокваша или творог. В праздничные дни (очень редко) в качестве четвертого блюда варилась пшенная каша.

Следовательно, значительный объем в крестьянском пищевом рационе занимали хлебные и крупяные продукты, расход которых составлял в стоимостном отношении от 60 до 80% ежегодных затрат на питание в зависимости от достатка семьи. Преимущественно употреблялся ржаной и ячменный хлеб. Пшеничный хлеб фактически не имел распространения. В крестьянских семьях с достатком ниже среднего овес и ячмень закупались

не только как фураж. Эти зерновые, более дешевые, употреблялись в пищу в больших количествах, чем сравнительно дорогостоящие рожь, крупы. Мяса потреблялось относительно мало. Из всего разнообразия мясных продуктов преобладала баранина, поскольку крупный рогатый скот на убой, как правило, не откармливался. Ежегодное потребление мяса на одного работника мужского пола составляло, видимо, не более 30 кг. Нехватка мясных продуктов в рационе объясняется тем, что в течение года часть скота уничтожалась волками, так как большинство пастбищ находилось в лесистых районах. Из овощей наиболее доступными и употребляемыми были картофель, капуста, репа, брюква, лук. В качестве приправы использовались грибы и ягоды, недостатка в которых не было. Молочные продукты использовались в умеренных количествах. При недостатке сена крестьянину приходилось кормить скот соломой, в результате чего он был худосочным, что уже отмечалось выше.

На различия в потреблении продуктов питания между зажиточными, средними (нуждающимися) и бедными дворами обратил внимание П.П.Котов при исследовании удельной деревни Севера в конце XVIII - середине XIX в., отметив, что эти различия касались прежде всего соотношения норм потребления мясомолочных и других (крупы, соли, рыба, овощи и т.д.) продуктов [9]. При норме 16 пудов хлеба на душу в год коми крестьяне в рассматриваемый период недоедали до нормы около двух пудов [10], а это немалая цифра. Таким образом, 16 пудов являлись для подавляющего большинства коми крестьянства постоянной минимальной нормой, при которой их хозяйство функционировало из года в год. На повышение объемов потребления хлеба рассчитывать не приходилось, ибо, как отмечают источники, в Коми области урожаи регулярно были плохими или ниже среднего [11]. Крестьяне обязательно расходовали определенное количество зерна на фураж (2-6 пудов) и на крупы. При этом в XX в. структура потребления продуктов питания несколько изменились, возросла доля картофеля, мясомолочных продуктов, яиц, сахара; снизилась доля хлеба [12].

Нельзя не отметить и факт увеличения самогоноварения в коми деревне, когда крестьяне, не имея достаточного количества зерна для собственных нужд потребления, получая от государства зерновые кредиты, изводили их на самогон [13]. Власти пытались бороться с пьянством как среди крестьян, так и среди представителей волостной милиции, кооперации, трестов, волисполкомов, но результат оставлял желать лучшего. Крестьяне прямо говорили, не боясь репрессий и наказаний, что они пили, пьют и будут пить [14]. Причины пьянства крестьян и изведения зерна на большие количества самогона пока не достаточно ясны и требуют дальнейшего научного анализа. Одной из причин было стремление крестьян подкупить самогоном представителей аппарата и других структур с целью решения наболевших вопросов в их пользу [15].

Таким образом, в отношении качества питания в деревне дела обстояли неблагополучно.

Литература и источники

- 1. Ефимова И.В. Уровень жизни и питание крестьян Тихвинского полесья во второй половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Пермский ун-т; Сыктывкар, 1985. С. 103–104.
- 2. Милов Л.В. Великорусский пахарь. Особенности российского исторического процесса. М., 1998 (Очерк о питании крестьян); Ефимова И.В. Уровень жизни и питание крестьян Тихвинского полесья во второй половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII—XIX вв.). Пермский ун-т; Сыктывкар, 1985. С. 105.
  - 3. НАРК. Хр. 1. Ф. 140. Оп. 1. Д. 988. Л. 2.
- 4. Там же. Л. 1–2; К экономике Усть-Вымского уезда // Коми му. 1924. № 7–10. Л. 5–6.
  - 5. НАРК. Хр. 1. Ф. 140. Оп. 1. Д. 988. Л. 1-2.
  - 6. Там же. Д. 1013. Л. 24.
  - 7. Там же. Д. 1052. Л. 6-7.
  - 8. Там же. Оп. 2. Т. 1. Д. 60. Л. 1.
- 9. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера 1797—1863 гг. Сыктывкар, 1991. С. 42.
  - 10. Там же. С. 43.
  - 11. НАРК. Хр. 1. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1127. Л. 1-220.
- 12. Старовойтова Н.А. Формирование и распределение фонда потребления в колхозах. Минск, 1978. С. 35–37.
  - 13. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 399, 523, 524 и т.д.
  - 14. Там же.
  - 15. Там же.

Повседневная жизнь Коми края

Выт. 1 2006

К.А.Попова

С возрастом все чаще мои воспоминания уходят в далекое прошлое – мое счастливое детство, в наш дом с мезонином, где прошла вся моя сознательная жизнь, где я познала первую любовь, радость и горе.

Дом построен моей бабушкой Лидией Никифоровной Чуистовой. Ей было 32 года, когда она потеряла мужа. Михаил Васильевич работал надсмотрщиком в Управлении телеграфной связи Усть-Сысольска. Осенью случился обрыв телеграфного кабеля. Михаил Васильевич вошел в ледяную воду, нашел обрыв, исправил повреждение, но простудился и умер от скоротечной чахотки горла (такой диагноз поставил врач). У молодой вдовы на руках трое детей, четвертая девочка появилась на свет вскоре после смерти мужа.

Недостроенный дом, мизерная пенсия на детей... Как жить? Великая труженица с сильным характером, бабушка нашла выход. Она брала подростков из семей сельских священников на жительство. Стала для них учительницей, готовила для поступления в Духовное училище. Была им вместо матери, кормила, ухаживала, воспитывала. Родители детей платили ей деревенскими продуктами и благодарили за хороший уход. С благодарностью она вспоминала и местное купечество, их безвозмездную помощь.

Достроить дом помогли родители. Отец, священник Троицкого собора Никифор Иоаннович Вохомский, и мама Наталья Африкановна. В семье родителей было девять детей. Лидия, старшая дочь, родилась в 1870 г. Дети Лидии Никифоровны, кроме старшей дочери Наталии, получили высшее образование в Киеве. Приходилось учиться и работать. Например, младшая дочь Лиза во время учебы жила у хозяев в качестве прислуги. Работоспособность и настойчивость, полученные в наследство от мамы, помогли им стать хорошими специалистами.

Рассказы бабушки о своей нелегкой жизни, о своих знакомых, учителях гимназии и врачах я любила слушать, но удержать в памяти не смогла, о чем очень сожалею. К моему рождению дом был построен на улице Троицкой и значился под № 3. Дом с мезонином, пять комнат — в нижнем этаже, две — в мезонине. Два крыльца: парадное с выходом на улицу и черное, ведущее во двор и огород. Замков у дверей не было. Замки заменял длинный кованый крючок, один конец которого забивался в стену, а крючок накидывался на петлю в двери.

Черное крыльцо на ночь редко запирали, воровства в городе не было. Что можно было украсть у тружеников мастерской и аптеки? Ценными вещами в нашем доме были только папины ружья немецкой фирмы «Зауэр». О ружьях знал весь город, и, вряд ли, на них мог кто-то позариться.

Самая большая, самая уютная и теплая комната – столовая. За длинным

столом собиралась вся семья, там же я готовила уроки. Из столовой был выход на веранду, а с веранды по лесенке можно было спуститься в сад. В жаркие летние дни мы с удовольствием обедали на веранде или в саду в окружении деревьев и цветов. В столовой над столом висела «люстра» — керосиновая тридцатилинейная лампа из белого стекла, закрытого большим плафоном, тоже белого цвета. Лампа вставлялась в горшочек-подвеску, красиво оформленную, как абажур. По-моему, канделябры и украшения к ним были из латуни и покрыты бронзой. К праздникам их чистили тертым кирпичом, и они отливали золотом. Такие «люстры» красовались над столом у всех горожан.

На стене в столовой мирно тикали и отбивали время через каждые полчаса большие старинные часы. Часы сохранились, отдыхают на стене, только комната уже не та, и смотрит на часы как на музейную редкость другое поколение... Часам больше ста лет, но они в рабочем состоянии. Рядом с часами висели две керосиновые лампы в подвесках с канделябрами. Белые абажуры вставлялись через ламповое стекло. Лампы для гостей. По нынешним меркам освещение равнялось примерно 100 ватт. Когда провели в квартире электричество, лампы были вынесены в чулан за ненадобностью. Пишу эти строки и думаю, сколько в жизни мы совершали ошибок. Сохрани эти чудо-лампы, стояли бы они сейчас на столах с привинченной электрической лампочкой или по-прежнему висели бы на стене и были украшением комнаты. Вспоминать столовую комнату, значит, уместно рассказать и о нашей еле.

Наша семья не была богатой, но и не бедствовала. Расскажу, из чего состояли наши завтрак и обед. К завтраку собиралась вся семья. В мою обязанность входило поставить на стол посуду, молочник, масло льняное – масло из детства, ароматное, желтого цвета; политая им еда желтела и была необыкновенно приятна на вкус. Отец вносил кипящий самовар, заваривал чай и ставил заварной чайник на конфорку самовара. Затем между отцом и бабушкой шел такой диалог: «Тещща, тащщите трещщатину!».

Отец умел шутить, от него и ко мне перешло чувство юмора, впоследствии шутка меня выручала на уроках. Бабушка ему отвечала: «Сейчас, зятек!», – и заносила в большой глиняной чашке брус соленой трески: именно брус, потому что треска была громадного размера. Отец заливал треску кипятком, резал на куски. Потом на столе появлялся чугунок (производство нювчимского чугунолитейного завода) с горячей картошкой, подгоревшей сверху дочерна. Картошка в мундире на завтрак была дежурным блюдом. Иногда треска заменялась рыбьей икрой, которую привозили в город в бочках. Мелкая, светло-зеленого цвета, не всегда хорошо очищенная от слизи и песка, но все равно очень вкусная. Такую икру я ела только в детстве в 1920-х гг.

В праздничные дни семья лакомилась семгой. Воспоминания о семге

заносят меня в продуктовый магазин, который находился по улице Спасской (Советская) рядом с домом купца Камбалова (нынче здание центрального банка). На рыбном прилавке у перегородки бросалось в глаза глубокое длинное блюдо с крупной семгой, плавающей в своем соку — розовом масле. Желающих купить эту красоту было немного, но любопытных порядочно. Килограмм семги стоил 5 руб., по тем временам высокая цена.

Иногда бабушка заносила из голбца кринку, где в мокрой тряпице хранилась головка голландского сыра (в продаже был только такой сорт сыра). Всем доставалось по кружочку, и сыр снова уходил в подполье до следующего завтрака или ужина. О чайном ритуале расскажу подробнее. Чай пили обязательно с молоком и колотым сахаром.

Представьте глыбу твердого сахара в форме конуса, завернутого в синюю твердую бумагу. Специальные щипчики лежали рядом с сахарницей. Отец ими скалывал кусочки с сахарной головы (такое название имел сахар) и заполнял сахарницу. Чай разливался в чашечки с блюдцами, пили только из блюдечек, чайные ложки не подавались. Если кто-то боялся испортить зубы, макал кусок сахара в чай. Мужчины пили чай из стакана, который стоял на блюдце или подавался в подстаканнике. Чай пили дважды, утром и вечером, между обедом и ужином. Сахарный песок считался кухонным продуктом, использовался для теста, киселей и каш, клали его в кашу при варке. Обычная еда во время обеда — чаще всего суп из дичи: глухаря, тетерки или рябчика. Второе блюдо — рыба в разных вариантах, каши и обязательно кружка молока.

Отец был страстным охотником и рыболовом. Дичь он брал только из-под ружья, силков не признавал, считал силки варварством. Рыбу ловил только на спиннинг. Мелкую рыбу сушили, она хорошо шла на уху в зимнюю пору. Рыбу покрупнее солили на пироги, а если перепадала стерлядка, то ее мариновали. Маринованная стерлядь в своем соку-желе – еда богов! Подавалась эта вкуснятина в дни великих праздников, именин, когда собирались друзья и родственники. Просто застолий без причины я не помню. Отец был непьющим и некурящим, безделья не признавал.

Опишу, как наша семья праздновала дни рождения, религиозные праздники: Рождество и Пасху. К праздникам готовились загодя. Бабушка и мама советовались, что приготовить. Знаю, что пироги стряпала бабушка, а торты — мама. Стол накрывался белоснежной скатертью, посередине стола протягивалась широкая дорожка маминой работы. На канве красиво смотрелась яркая вышивка цветов. По бокам дорожки проходила мережка из цветных ниток. Стол становился праздничным, а настроение гостей приподнятым. На дорожку ставили графин с водкой и кувшин с наливками из фруктов и ягод бабушкиного приготовления. Водкой гости не упивались. Граненые небольшие рюмки поднимались под интересный тост. Гости хвалили закуску, громко разговаривали, но почему-то не пьянели. Ужин заканчивался

еще одним оригинальным блюдом - мороженым.

Мороженое сбивали сами в специальном ведре, а лед заносили из погреба. После ужина играли в любимую игру всех присутствующих – лото. Ставки были небольшие, но азарт был огромный, всем хотелось снять конечный фонд, было много смеха и шума. Мне разрешалось присутствовать, и я играла на равных. И теперь совсем по А.П.Чехову: «гости, сытые и довольные, шли в гостиную».

Мебель гостиной перешла бабушке по наследству от родителей. Отецсвященник Троицкой церкви умер незадолго до 1917 г. в своем доме, а жена-попадья последние годы жила с нами, и гостиная была ее комнатой. Диван, два кресла, обтянутые зеленым плюшем, венские стулья, которые и ныне служат верой и правдой, наверное, их собирали на века, небольшие круглые столики, на которых лежали альбомы с фотографиями и какие-то старинные книги, ломберный стол для настольных игр, стол раскрывался, если в этом была необходимость. На стене висела картина в «позолоченном» «багете репродукция», изображающая пейзаж. Вот и все убранство комнаты; ковров у нас не было.

Мебель гостиной, кроме стульев, была передана в только что открывавшийся музей И.А.Куратова, она и поныне там. Украшением комнаты, конечно, было пианино немецкой фирмы «Ponesh», купленное к моему рождению в 1915 г. Пианино хорошо сохранилось и сегодня радует нас своим звучанием. На передней деке пианино привинчены канделябры для четырех свечей. Играло на пианино понемногу все женское население нашей семьи, кроме бабушки. Моя старшая дочь Елена окончила музыкальное училище. Я брала уроки в детстве на дому у М.В.Малевинской, где встречалась с дочерьми купцов А.П. Оплесниной и Комлиной. М.В. Малевинская была дочерью управляющего Нювчимского чугунолитейного завода В.С. Косолапова. Получила хорошее образование, знала немецкий язык. Когда открылся в городе пединститут, ее пригласили преподавать, и я снова оказалась ее ученицей.

В гостиной началось музицирование. М.В.Малевинская садилась за пианино и играла пьесы по нотам. Потом садилась за пианино наша квартирантка, высланная из Ленинграда за какие-то «грехи». Своими длинными, сильными пальцами она сотрясала пианино без нот, ей не нужна была напольная лампа, что стояла сбоку пианино. Я сижу в уголке и думаю, почему пианино не рушится?

В течение дня она часами играла на пианино, после ее отъезда пришлось приглашать настройщика. Позже отец брал гитару, и начинала звучать тихая музыка народных песен, романсов. Гости подпевали, и всем было спокойно и весело. Мне разрешалось сидеть до ухода гостей, и я с наслаждением слушала импровизированный концерт.

Наш небольшой мезонин. В нем жили родители. Их комнату я любила

с пристрастием. Уютная, такая домашняя, уставленная нехитрой мебелью. Две железные кровати, покрашенные белилами доски. На маминой кровати – перина, а у отца – матрац (он вел спартанский образ жизни). В связи с матрацем вспоминаю Северо-Западную улицу, что вела к реке, ряд деревянных домов. У самого берега стоял дом многодетной семьи П.Парилова. Павел Парилов был искусным мастером по шитью матрацев. Отец заказывал их для себя и сына Леонида, совсем еще малыша. Все городские жители шли к Парилову. Сыновья Парилова – первые лыжники города, участники не только городских соревнований, но и российских. Запомнился мне младший сын, мой одногодок.

Берег Сысолы в те времена был очень крутым, в некоторых местах почти отвесным. Подземные воды берег подмывали, постепенно от него отрывались глыбы земли, оголялись корни высоких тополей. На одном крутом спуске к реке залили дорожку шириной метров четыре—пять. Ледяная дорожка превратилась в каток. Смельчаки катались на санках, а мы, девочки, боялись близко подойти к ней. Младший сын Париловых легко на коньках съезжал вниз и катился до противоположного берега. На берегу собиралась толпа молодежи, криком приветствовала храброго мальчика. Падение с такой крутизны грозило увечьем, если не смертью. Свою смерть он нашел на фронте Великой Отечественной войны.

В простенке комнаты стоял мамин комод с зеркалом и разными безделушками. Гардероб с одеждой, в нем хранились ружья отца. Письменный стол, в ящике которого нашли свое место охотничьи «причандалы» (папино выражение). Был в столе потайной ящичек, где хранился большой охотничий нож, очень нужный при встрече с медведем.

Отец любил красивые вещи: лезвие ножа отливало синевой, а рукоятка и ножны, как всегда, папина фантазия! Во время Великой Отечественной войны арестовали маму. При обыске обнаружили нож, видимо, кто-то знал, где он хранился, и донес, спасая свою жизнь. Еще раньше, в 1938 г., был арестован отец. Сыщики из МВД реквизировали все богатство отца и сына Леонида. Перетряхнули и перетрясли все ящики стола, комода. Интересовали их прежде всего ружья и охотничьи принадлежности, не забыли они захватить с собой и машинку-самоделку, в которой отец отливал пули для штуцера. Одной из пуль отец убил медведя. Шкуру оставили, она долго украшала комнату и напоминала об отце. Отец всю жизнь вел охотничий дневник, записывал свои удачи и неудачи охоты и рыболовства, как он говорил, секреты, выработанные практикой. Делал выписки из охотничьего журнала, из книг Аксакова, Пришвина. Представляю, как обрадовались сыщики, заполучив эту энциклопедию, составленную мудрым охотником. Только сомневаюсь, что у них хватило ума на расшифровку знаний отпа.

Письменный стол и гардероб (шифоньер) сданы в музей И.А.Куратова.

У окна стоял верстак с привинченными к нему тисками. Отец иногда брал работу на дом и что-то выпиливал и сверлил. На стенах висели охотничьи трофеи отца: чучела глухаря, селезня, вальдшнепа. Позже займет свое место голова благородного Северного оленя. Над кроватями красиво смотрелись две цветные картины, изображающие пейзаж. В воскресный вечер письменный стол превращался в рукодельный. На столе разбросаны уже немодные мамины платья, но умелые руки и фантазия скроят из них одно, но опять по последней моде. В городе жили хорошие портнихи, самой популярной считалась Шналле, но мама никогда не пользовалась их услугами. Платья украшались бисером, составлялись оригинальные рисунки из разных по цвету кусочков и пускались по подолу. Мама была великой выдумщицей.

Я не помню, был ли магазин верхней одежды. Пальто шили портные. Портной Карелин держал мастерскую. Жил он в своем доме на Стефановской площади. Митюшев, живший в самом конце Спасской улицы, сшил мне пальто из синего бархата (девочкам шили только из бархата, видимо, других материалов в продаже не было). Фасон для всех подростковых пальто был один: расклешенное книзу и с большим круглым воротником, воротник закидывался на шапочку и сохранял тепло. Иногда приезжали портные мужчины, если не ошибаюсь из с.Пыелдино, шили на дому заказчика, там же жили и питались. На памяти, старичок портной сидит вечером за столом и при свете керосиновой лампы вручную шьет маме зимнее пальто. Запомнился он потому, что долго и нудно рассказывал длинные, жутко страшные истории, в основном о разбойниках и убийствах. Боязнь одолевала меня, и я отказывалась идти спать. Бабушке приходилось зажигать семилинейную лампу и сидеть около моей кровати.

Усть-Сысольск в 1920-е гг. был местом ссылки интеллигенции, среди которых были артисты, музыканты. Мама, большая любительница театрального искусства, сумела организовать кружок самодеятельности; с людьми она сходилась легко, имела талант организатора. Актеры охотно приняли план работы кружка, и Народный дом заработал. Сначала ставили водевили, позже серьезные пьесы. Помню успех драмы «Мария Стюарт», где мама играла главную роль.

Теперь все ее вечера были посвящены шитью платья для Марии. Отец выпиливал и строгал планки для стоячего воротника. Когда артистам отказали в помещении, пришлось ограничиться концертами. Концерты проходили в зале школы 2-й ступени. В городском архиве нашлась фотография струнного оркестра, значительного по составу, где отец стоит с гитарой, а рядом с ним поэт В.Савин с балалайкой. Деньги, вырученные за концерты, лотереи, которые проводились в антрактах и во время танцев, передавались в городской бюджет, в кассу МОПРа и РОККАа. Специально для мамы отец смонтировал небольшой детекторный радиоприемник,

сколотил для него ящичек.

Зимние вечера. Родители заняты своими делами, я расположилась на теплой печке-лежанке (топка была в коридоре). С удовольствием слушала классическую музыку. Чем не идиллия? Мама любила повторять слова Чайковского: «Музыка — душа моя!». Наступал поздний вечер. Я под музыку засыпала. Отец брал меня на руки и переносил в комнату бабушки, где стояла моя кровать. Девятнадцать ступенек отделяли мезонин от нижнего этажа. Я любила кататься на животе по перилам, бабушка не разделяла моего увлечения, и я нередко получала шлепок по мягкому месту! А сколько раз я просчитывала ступеньки на спине?

Комната родителей выходила окнами на огород, сад, на цветочные клумбы. Лето и осень — чудесные времена года. Северные цветы: астры, гвоздика, львиный зев, левкои — были очень красивы, а запах цветов, особенно резеды, заполнял комнату, она благоухала!

Удивительные люди были мои родители: трудолюбивые, скромные, отзывчивые на чужую боль. Помню женщин, приезжавших из деревни Слобода с просъбами о медицинской помощи. Мама никогда им не отказывала.

Родители сидят за столом, руки заняты работой, слушают музыку и о чем-то тихо говорят. Родители никогда не ссорились, не выясняли отношений, не жаловались на здоровье. Всегда были добрыми и терпеливыми. Природа одарила их красивой внешностью, природным умом, умением ладить с людьми, со своими подчиненными по работе. Сижу на своей лежанке и думаю, какие погрешности были в их поведении? И не нахожу. Может быть, я их просто идеализирую? Пусть будет так!

Я довольно часто ходила в ремесленную школу, сидела в кабинете отца, перелистывала журналы с картинками. Не раз наблюдала, как он обсуждал с инженером М.В.Петровым вопросы, связанные со строительством городской электростанции. Станция возводилась очень трудно, не хватало специалистов, оборудования. Работниками станции стали бывшие ученики ремесленной школы. Отец охотно помогал Петрову. Его включили в комитет по помощи и проверке работы, вернее, для выяснения причин ненормальной работы и оборудования станции» (цитата взята из книги А.С.Чупрова «ЭнергетикаРеспублики Коми»).

Почему обращались к Синцову по вопросам строительства городской электростанции? В 1913 г. отец составил проект установки динамо-машины в здании школы. Проект был одобрен, и земская Управа выделила 5 тыс. руб. на приобретение нефтяного двигателя. Летом 1916 г. миниэлектростанция в школе заработала. Она прежде всего облегчила ручной труд ремесленников. Постепенно к школе подключили ближние дома купцов Дербеневых и Кузьбожевых (ныне там музеи) и здание земской Управы, позже здание Облисполкома, больницы, типографии (ныне размещен Национальный

музей). За осуществление этого проекта отец был премирован 300 руб. по решению Земской Управы.

Отец понимал, что мастера, которых готовила школа, должны быть не узкими специалистами, а культурными людьми, понимающими, что такое искусство. В классном помещении висели картины, лепные украшения из гипса, стояли небольшие скульптуры. Сам учитель хорошо рисовал, лепил, из небольших кусочков дерева сконструировал лошадку, на которую мог сесть сын Леонид, когда ему было 6 лет (есть фотография Н.Кулакова). Лекции отца я с удовольствием слушала и думала, как интересно быть учителем. Может, именно тогда в меня попала искорка, которая разгорелась в оконце учительской профессии.

Для меня был праздник, когда отец брал меня зимними вечерами за руку, и мы шли в «папину школу». При нем была бутылочка с денатуратом для разжигания горелки машины. Ему не нравилось, когда механики Жижов и Надеев, употребив денатурат не по назначению, разжигали горелку керосином, который давал много копоти. Широкий резиновый ремень начинал вращать маховик турбины, в помещении становилось светло. Мы шли с отцом проверять, во всех ли домах вспыхнул электрический огонек.

Шли мы очень медленно. Отец смотрел на небо и рассказывал о тайнах звездного неба, показывал Большую и Малую Медведицы. И еще он читал наизусть сказки Ершова, Пушкина, поэмы Некрасова. Свободно имитировал голоса персонажей, поистине — в нем умер актер. Я благодарна отцу за то, что он приохотил меня к чтению русской литературы.

Через дорогу от школы в небольшом деревянном домике отец и сын татары Сагиевы держали фруктовую лавку. Иногда я просила отца купить «красивых» яблок. Хозяева лавки вежливо здоровались с нами и предлагали выбирать. На прилавке в небольших ящиках лежали яблоки, каждое завернуто в отдельную бумажку. Продавались яблоки поштучно. Видимо, яблоки были недешевые, отец брал не больше 4-5 штук. Татар узнавали на улицах по национальному костюму. Длинное черное суконное пальто и черная шапочка с плоским верхом. Они вежливо здоровались с горожанами и приглашали зайти к ним в лавочку за фруктами.

Праздничный вечер продолжался. На перекрестке улиц Трехсвятительской (ныне – Коммунистическая) и Спасской (ныне – Советская) дожидался желающих прокатиться на извозчике наш сосед Жеребцов Иван... Пока отец разговаривал с дядей, я быстренько садилась в старенькую «бричку», и отцу ничего не оставалось, как присоединиться ко мне. Крестьянская лошадка за несколько минут доставляла нас до дома. Отец всегда щедро расплачивался.

Трудно забыть красоту зимнего вечера. Высокое, чистое небо. Яркие звезды, их было много, они горели, как огоньки. Слова Маяковского...

«Звезды зажигают...», наверно, о нашем северном небе. В морозные вечера можно было наблюдать северное сияние. Снег ослепительной чистоты, искрился при луне, скрипел под валенками. Воздух был свеж, «как поцелуй ребенка»... Жалко современных детей, им не суждено увидеть красоту чистого звездного неба.

Отец был великим фантазером, выдумщиком и умным конструктором. Приведу один пример. В дни революционных праздников здание школы украшалось не только гирляндами из пихты, как было принято в 1920—1930-е гг. Отец смонтировал электрическую иллюминацию из цветных стекол и вставил в круглое окно чердака. При помощи реостата стекла крутились и создавали впечатление калейдоскопа. Светопреставление красиво смотрелось особенно зимой под Новый год на фоне белого снега. Горожане останавливались, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

Рассказывать о маме, значит, говорить об аптеке. Всю жизнь она аптечный работник. После окончания фармацевтических курсов при Казанском университете (свидетельство об окончании курсов хранится в музее) она – ученица первой городской аптеки. Способная, трудолюбивая ученица довольно быстро поднимается по служебной лестнице. Ассистент, контролер, заведующая аптекой и начальник аптекоуправления. ...Потом арест, два года отсидки в колонии Верхнего Чова, где опять заведование аптекой.

Первая аптека открылась в Усть-Сысольске по ул. Набережной, нынче этот квартал занимает здание МВД. Аптека меняла свои помещения. Узнать, где расположена аптека, не составляло труда. В окнах, которые выходили на дорогу, стояли большого размера круглые баллоны с подкрашенной водой. Красиво они смотрелись при свете солнечных лучей и вечером, когда зажигались фонари, красные, голубые, зеленые баллоны.

В аптеке можно было купить пудру, одеколоны. Из готовых лекарств – разные мази, йод, скипидар, касторку и другие нехитрые лекарства. Пройдет много лет, и появятся лекарства в таблетках, а пока порошки и жидкости поступали в больших емкостях. Ассистенты на маленьких аптекарских весах малюсенькими гирьками взвешивали порошки, составляли букет лекарства. Готовые порошки высыпали на стандартные бумажки, складывали их попарно, опускали в бумажные пакетики. Записывали рецепт лекарства. Из бутылки разливали жидкости в скляночки, приклеивали длинные бумажки фабричного производства и на них обозначали фактуру лекарства. Это был тяжелый труд.

Сохранилась фотография торгового зала, где видны полки с аптечными товарами. У стенки стоял станок; четыре ножа резали марлю, намотанную на вал, получались бинты (на фото станок хорошо виден). «Начальником» станка был исполняющий должность сторожа Филипп. Когда я заходила в зал, он говорил заученную фразу: «Вот пришла барышня — егоза!» Из зала я шла в ассистентскую, где добрые женщины одаривали

меня круглыми салфеточками, разноцветными, гофрированными в нижней части, ими закрывали пробки бутылочек, а я с подружками «кормила» куколок из этих блюдечек.

Не буду подробно рассказывать о жизненном пути мамы, он был очень нелегким. О своей рабочей и общественной деятельности в течение 1941 г., о своих многочисленных наградах и поощрениях она пишет сама в автобиографии. Упомяну о двух наградах, особенно дорогих для нее. В 1941 г. она получила «Значок отличника здравоохранения». Такая награда среди аптечных работников была первой. В 1970 г. юбилейная медаль «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия В.И.Ленина. Медаль вручали в республиканской больнице, где она лежала с инфарктом. Умерла мама в 1972 г., похоронена рядом с мужем на городском кладбище.

Коль я завела речь об аптеке, расскажу, как наша семья чуть-чуть не стала ее жертвой. Бабушке захотелось побаловать нас вкусным печеньем. Я сбегала в аптеку за амонием — белым порошком, который придает тесту особый аромат и пышность. Я, как обычно, крутилась в кухне и с удовольствием ела сырое тесто. Вскоре почувствовала себя плохо: закружилась голова, началась рвота. Бабушка перепугалась и пошла в аптеку за мамой. Оказалось, что К.А.Коданева перепутала порошки, дала вместо амония ядовитый порошок. Слава Богу, все кончилось благополучно, но блюдо пышного печенья было спущено в отхожее место.

Еще один трагический эпизод из моего детства, связанный с дрожжами. Вбежав вечером в темную кухню, я не заметила открытый люк голбца и провалилась. Пол голбца цементный, лестница недалеко от печки. При падении я ударилась о туесок с дрожжами и очутилась в луже дрожжей. Помню, как прибежал отец на мой крик и вынес меня. Ему показалось, что я сырая от крови. На память о моем прыжке осталась огромная шишка на лбу — след удара о печь. Мы знали, что голбец оставила открытым жиличка из сосланных. В нашей семье «не замечали», как голодные жильцы пользовались плодами урожая с огорода. Голбец не запирался, а с полатей, подняв руку, можно было достать лук.

Отдельную главу хочу посвятить нашему околотку, перекрестку улиц Покровской (Орджоникидзе) и Троицкой (Ленина). С нашего дома № 3 по Троицкой улице начинался квартал, т.е. сама улица. Улицу перекрывал дом под номером 1, где жили крестьянская семья Титовых. Дороги, как таковой, не было. Дома утопали в зелени, росла высокая трава, где свободно паслись коровы и овцы. Вечером поляна превращалась в игровую площадку. Взрослые дяди и тети делились на две команды и играли в крокет. Детвора с удовольствием наблюдала, с каким азартом деревянные шары забивались в маленькие железные ворота — мышеловки. Днем поляна принадлежала детям. Каблуком обуви или босой пяткой выкапывали лунки, и резиновый мяч бил по нашим спинам.

За домом Титова простирались поля с рожью, овсом и льном. Тут же стоял овин с гумном, где зерно сушилось, а потом отсеивалось от мусора. Вся работа шла вручную. Высушенные снопы складывались на гумно. Крестьяне, в основном мужчины, становились в круг и цепами били по снопам. Отделялась солома. Потом зерно подымали широкими деревянными лопатами и подбрасывали вверх. Ветер уносил отруби в сторону. Два оврага разделяли дома от полей, поэтому подъехать к ним на лошади можно было только со стороны Тентюково. Позднее, в 1930-е гг., за нашим домом построили большой мост. Началось строительство частных домов. Нельзя забыть чудесный пейзаж, раскинувшийся за нашими домами. Море цветов, васильки во ржи, желтые купальницы на дне оврага и ароматный воздух! И еще на дне оврага в грязи росла вкусная трава, мы с удовольствием ели ее корни, белые, сочные и сладкие. Но, как сказал бы А.Райкин, «условия были антисанитарные».

К сожалению, поедание невымытой травы закончилось для меня плачевно. Я подхватила дизентерию и очутилась в постели на голодной диете. Лечили меня довольно примитивно. Мама сказала, что у меня в кишках образовались дырки и их необходимо склеить. Поэтому моей единственной едой был желатин. Белые пластинки желатина разводились в теплой воде, получалось что-то вроде клея, и я глотала эту гадость. Когда родители садились обедать, то боялись, как бы не услышали крик с просьбой меня покормить. Почему судьбе было угодно, что заболела только я, а мои друзья – мальчишки – продолжали объедаться? Смертность детей от дизентерии была значительной, а мой организм сам справился, несмотря на примитивное лечение. Вспоминаю еще одну детскую болезнь – скарлатину. Лечение было довольно простым: холодное, мокрое полотенце на лоб и шею, чтобы сбить температуру, а из лекарств один аспирин.

Стену перед кроватью оклеили красными обоями, на которые я должна была смотреть. Хорошо, что после моего выздоровления обои не содрали, они мне пригодились, когда я заболела корью. Скарлатина давала большую смертность, но я ее победила. Родителей предупредили, что после скарлатины я могу потерять волосы. Отец своей бритвой обрил мою голову. Остался снимок, где я сижу с «голой головой». Великое спасибо отцу за эту процедуру. Волосы отрастали завитушками. Вьющиеся волосы остались со мной на всю оставшуюся жизнь! В парикмахерскую я ходила только подстригаться.

Когда я простужалась и начинала кашлять, отец наливал в свою ладонь скипидар и втирал в мою грудь и шею. Мне нравился запах скипидара, и я с удовольствием им дышала. К утру я была здорова. Переболев всеми детскими болезнями, я себя крепко закалила. Будучи взрослой, мне не пришлось пропускать уроки по болезни.

В нашем квартале я была единственной девочкой, моими товарищами

в играх были мальчики. Отец наблюдал за нашими играми, но никогда не вмешивался в наши правила игры. Овраг был излюбленным местом для игр, в нем было удобно метать палки в цель, играть в мяч. Зимой с горы мы летели на лыжах и купались в снегу, когда лыжи разъезжались в разные стороны. Лыжи у всех были самодельными, широкими, палок мы не знали. На концах лыж были отверстия, привязывалась веревка, за которую держались. Отец мои лыжи подбил оленьим мехом – камусом, и назывались они лямпами. У отца были такие же лыжи для зимней охоты. Мальчики прыгали с самодельного трамплина (дзобкана по-коми), а я боялась. Бегали на перегонки до маленькой деревянной церквушки.

За нашим огородом и ручьем, впоследствии он получил название банного, между домами Бронникова и Следникова притулился небольшой домик. В нем жила семья Харьюзовых: бабушка, мама и девочка Ира. Отец Иры — по профессии учитель гимназии и библиотекарь, был расстрелян в 1918 г. вместе с Л.А.Лениным, Городецким и другими ни в чем неповинными людьми. Ире запрещалось дружить со мной, считали меня девочкой озорной и боялись, что могу плохо повлиять на нее. Несмотря на запрет мы играли с ней летом в куклы в клетке, построенной в нашем саду, где росли рябины, березы, ирга, черемуха.

Во дворе дома, где росли дети, строились маленькие домики, которые назывались клетками. Возводились они из старых досок руками детей. Была и крыша, а вот окон не было, отсутствие четвертой стены заменяло окно. Внутрь клетки вбивался стол и скамейки. Стены оклеивались фантиками из-под конфет, переводными картинками. Клетка — это игровая «комната» только для девочек. Здесь мы играли в дочки-матери, кормили кукол из бумажных тарелочек, подаренных мне в аптеке. С Ирой Харьюзовой и Наташей Лениной игра не всегда была мирной, слишком разные у нас были характеры. Меня называли задирой, а Наташу — неспустихой. Вскоре Харьюзовы уехали из города, дом снесли, и на его месте построили баню № 1.

Наступало лето, и я с удовольствием забиралась на березу, что росла в нашем садике. Садилась на две нижние ветки и запоем читала книги из городской библиотеки. Впоследствии и дочери забирались на березу с книгой в руках.

Здание городской библиотеки стояло на углу улиц Набережной (Кирова) и Сухановской (Бабушкина): единственное в городе кирпичное двухэтажное здание с овальным углом. Покрашенное в белый цвет, оно красиво смотрелось на фоне зелени. Когда этот квартал ул. Набережной перешел в ведение МВД, угол здания перестроили в обычный, покрасили в желтый цвет, и здание потеряло свою привлекательность, свою индивидуальность.

Через огород мы были соседями Следниковых. Следников (тип русского интеллигента) был известен городу как первопечатник, поставивший минитипографию, где печатались газеты. Уехали из города и Следниковы.

Типография перешла в дом купца Дербенева, но долго называлась Следниковской.

Наши дома разделял небольшой ручей, вытекавший из-под мостков врача Бронникова. В ручей стекала мыльная вода из бани. Бронников, державший на дому больницу и аптеку, сбрасывал в ручей склянки из-под лекарств, особенно был неприятен запах карболки. Лекарства проникали в сырую землю и загрязняли воду в нашем колодце, теперь она годилась только для полива огорода, а за питьевой водой приходилось ходить через дорогу на колоден к соселям.

Весной, когда ручей становился бурным, вставала проблема, как пройти к нашим домам... Мостки на перекрестке у дома Бронникова были подняты на сваи, спуск был лестничным, но вода шла и поверху, вот тогда прохожим было туго. Отец каждую весну говорил и никогда не ошибался: бронниковский ручей пошел, значит, через две недели вскроется Сысола. Весной вместе с водой уходили в Сысолу вся грязь и весь мусор, которые скапливались за зиму в овраге.

Следниковы развели за домом громадный малинник, огородили его частоколом, но наша команда легко его преодолевала, и по осени мы объедались сладкой крупной малиной. Однажды я отваживалась в одиночку совершить вояж в малинник, благо он находился в нескольких метрах от огорода. Залезла на плетень, почерневший от старости, и почувствовала, что плетень стал опускаться на землю, оторвавшись от столбов. Малина сама лезла в рот, но мне было уже не до нее. Отец не простил бы мне такого озорства, поэтому я позорно бежала. На месте дома Следниковых поставили кирпичный жилой дом, где нынче один угол дома занимает музей имени И.А.Куратова.

Расскажу о своем квартале. С левой стороны улицы Ленина стояли два угловых дома – Бронникова и наш, с правой стороны – три дома. Угловой деревянный двухэтажный дом был известен всем жителям города. В нем жила семья И.А. Клыкова – главного и единственного мясника, снабжавшего парным мясом всех горожан. Отец и сын Клыковы ездили по деревням и скупали коров и телят. Убойный пункт был рядом с домом. Павел Алексеевич был добрым человеком. Бабушка рассказывала мне, как он приносил в дом кусок мяса и говорил: это сиротам. Денег не брал. У мамы после моего рождения нашли туберкулез легких, я стала искусственницей. Врач порекомендовал ей попить телячью кровь. Мама шла с кружкой к Клыкову. При ней забивали теленка. Она подставляла к горлу теленка кружку и пила горячую кровь. Неизвестно, был ли у нее туберкулез, но здоровье она поправила и была благодарна хорошему человеку. Мне было 10 лет, и я решила посмотреть, как проходит забой. Долго я раскаивалась о своем необдуманном поступке...

Зимой 1929 г. поздно вечером дом Клыковых загорелся, ходили слухи,

что поджог совершил сам хозяин. Приехала пожарная команда. Стену рядом стоявшего дома Холоповых закрыли мокрым брезентом, их дом удалось спасти. Ветер дул в сторону нашего дома, головни летели на крышу. Помогли спасти дом ученики ремесленного училища. Юноши забрались на крышу и закидывали ее снегом. Они же помогли нам вынести часть имущества в снежный огород. Как мы были благодарны добрым людям! Дом Клыковых сгорел. Отца и сына арестовали. Отца расстреляли на пустыре за городом, где нынче железнодорожный вокзал, а сына сослали на Север.

Рядом с Клыковыми жила семья Холоповых. А.Н.Холопова, в замужестве Федорова, закончила в 1936 г. филологический факультет пединститута. Она одна из первых ученых занялась исследованием творчества И.А.Куратова. Съездила в Алма-Ату. К сожалению, книга осталась незаконченной. Она рано умерла от рака. Муж ее — коми писатель Г.А.Федоров.

Нашему кварталу повезло с людьми творческого труда. Мой муж П.П.Попов занимался проблемами развития коми языка и литературы. Серьезно начал изучать стихотворное творчество И.А.Куратова, успел записать частично свои исследования, но ранняя смерть помешала закончить задуманное. Рукописи я храню как память о муже.

Позже в доме № 1, что стоял посередине улицы Ленина, сняла квартиру семья писателя В.В. Юхнина. Наши соседи были добропорядочными людьми, я и сегодня с уважением вспоминаю о них.

В 1930-е гг. на окраинах города началось бурное строительство небольших деревянных домов. Овраг засыпали строительным мусором, землей, мост убрали, проложили дорогу. Менялся номер нашего дома: 3, 9, 27. Пролегла мимо нашего дома поперечная улица — Северо-Загородная, короткая и узкая. По правую сторону от нашего дома поставили два двухэтажных дома типа бараков и назвали их домами специалистов. Кстати, в одном из них жила семья З.В.Панева. После возвращения с фронта финской войны З.В.Панев получил элитную квартиру. Конечную часть нашего огорода отрезали, участок передали сыну писателя В.А.Савина. Он построил небольшой симпатичный домик и стал нашим соседом.

По левую сторону после сноса дома № 1 построили баню № 2 и прачечную. Вот эта короткая и узкая улица впоследствии была переименована в улицу Горького! Считаю, что было проявлено неуважение к великому писателю. Недалеко от нас драматург и актер Н.М.Дьяконов поставил небольшой, но оригинальный по архитектуре дом. В послевоенные 1950-е гг. деревянные дома постепенно стали сносить. Старый Усть-Сысольск уходил в прошлое. Сыктывкар с его каменными типовыми домами пришел ему на смену.

Перечитываю написанное и думаю, о каких событиях можно еще упомянуть. Голодные 1920-е гг. Гражданская война. Помню, как взрослые спрашивали друг друга, какая власть завтра будет в городе? Жить было

трудно, приходилось подрабатывать. Полки лавок были пусты от всех продуктов, одежды и обуви. Родители решили шить туфли для деревенских девушек. Дело оказалось прибыльным, в пригороде за них платили мукой и молочными продуктами. Отец вытачивал колодки и каблуки для туфель, а мама на швейной машинке шила верх из парусины и брезента. Папа смонтировал струпцинку (зажимающий прибор – маленькие тиски), где туфли сушились и вообще доводились до ума. Туфли охотно раскупались и говорили, что долго носятся. Помню январь 1924 г.: день похорон В.И.Ленина. Семья собралась в столовой и пять минут наблюдала, как мигала электрическая лампочка и слушала продолжительный гудок строящегося лесозавода.

1930 год. Мне 14 лет. Я учащаяся лесного техникума. Юбилейная площадь - гордость города. Стефановская церковь - самая красивая, самая любимая горожанами, пока не разрушена. Разобрано внутреннее помещение церкви. Вынесена, выброшена, утоплена в грязи вся красота стен, потолков, кое-где иконы заменили подмостки у церкви. Зал церкви перестроили под столовую. 30-е годы были голодные, хлеб отпускали по карточкам. В только что открывшиеся техникумы поступила молодежь из деревень. В столовой мы получали тарелку жидких капустных щей с кусочками конины и кашу, чаще всего перловую. Я не голодала, у нас был огород, который кормил семью. Почти весь обед оставляла несъеденным. Я сидела за столом у окна в первом ряду, и мне было видно стоящую толпу у входной двери. Высокие мужчины с бородой, уже успевшие похудеть и почернеть, звались кулаками. Их привезли сюда с юга, из средней полосы России. Одеты они были в серые длинные армяки, их одежда явно не соответствовала нашим морозам. Тяжело было видеть их глаза, просящие, умоляющие о помощи. Они ждали, когда можно будет броситься к столам и руками схватить остатки пищи.

Ложки, оловянные или алюминиевые (не помню), были прикручены к столу. Подавальщицы старались скорее убрать тарелки. Заведующая столовой не разрешала кормить голодных людей. Эту страшную картину невозможно забыть. Пишу и снова вспоминаю, как это было. Но свет не без добрых людей. Одной из них, кто обслуживал нас, была жена скрипача Грибушина. Сосланные в наш город, они вошли в кружок самодеятельности при Народном доме. Пожилые интеллигентные люди. К столу, где я сидела, добрая женщина не спешила подходить за посудой, мы радовались, когда эти несчастные люди хоть что-то успевали съесть. Грибушин, ее муж, видимо, был великим скрипачом. Я впервые услышала чарующие звуки скрипки. На его концертах всегда был аншлаг. Ходила я с родителями.

Дикие тридцатые годы. Гонения на церковь. «Дошла очередь» и до Стефановского собора. Толпы народа собирались к площади, чтобы проститься с красотой города. Молодая женщина по имени Анна, фамилии

не помню, была известна горожанам как ярая коммунистка в красной косынке на голове. Решила помочь рабочим сбросить колокол, но свалилась с кругой лестницы и сломала ногу. Потом, когда она шла по городу с костылем, на нее с презрением смотрели пешеходы и говорили, что правильно бог ее наказал. Нынче Юбилейная площадь обрела свое первоначальное название: Стефановская. Старшему поколению не нравится, что площадь сильно урезали. Сначала построили универмаг, потом Дом правительства. Не лучше ли было посадить деревья и ими прикрыть площадь от улицы. Живая изгородь, широкая площадь и сквер?!

Не могу не рассказать о судьбе служителей церкви в 1920–1930-е гг. Расскажу о семье своих дальних родственников. С их дочерьми, моими одногодками, мы играли в куклы в нашей клетке. Жила семья недалеко от нас, снимала комнаты на нижнем этаже в доме священника Еремеевского. Двухэтажный деревянный дом стоял рядом с женской гимназией (школа 2-й ступени). Хозяин семьи Василий Васильевич с 1912 г. исполнял должность псаломщика в Усть-Сысольске в Троицком соборе. Он же учитель в Приходской женской школе. В моей памяти Василий Васильевич остался как человек скромный, застенчивый, интеллигентный. В 1920-е гг. он попал в черный список врагов народа и был сослан на Соловки. Жена и пятеро детей сильно бедствовали. И если бы не помощь родственников, им грозила голодная смерть.

Детям служителей церкви, как тогда говорили, культа, разрешали получить только начальное образование. Жена Василия Васильевича Мария Алексеевна работала на дому: принимала заказы на шитье, вязание и машинную вышивку. Она считалась лучшим мастером по вышивке. В 1927 г. я зашла к ним и узнала о возвращении Василия Васильевича из ссылки. Мы сидели с ним на длинной скамейке, что стояла вдоль низких окон. На него страшно было смотреть, он похудел, постарел. Возвратившимся из ссылки работать не разрешили. Жена его, женщина безжалостная по своей натуре, отказалась содержать мужа...

Наступило время обеда. Самовар, тарелка с черным хлебом, нарезанным крупными ломтями, тарелка с подсолнечным маслом, рядом перышко, которым мазали хлеб. Отца не пригласили к столу, он просидел на скамейке весь обед с опущенной головой. Прожил Василий Васильевич на воле совсем недолго, то ли скончался от голода, то ли покончил с собой.

Трудные судьбы детей. Лиза и Соня – старшие дочери, скромные и трудолюбивые, после окончания начальной школы прошли бухгалтерские курсы и поступили на работу. Жизнь их как будто начала налаживаться. Лиза собиралась замуж, мечтала о счастливой семье. Но... мать, будучи женщиной властной, а в данном случае просто неумной, не разрешила дочери и думать о замужестве. Лиза тяжело пережила разрыв с женихом, заболела, появились нервные срывы, пришлось лечь в больницу, но

вылечиться не смогла и постепенно угасла.

Соня после окончания курсов бухгалтеров работала в Министерстве сельского хозяйства, была довольна работой, получала премии. Познакомилась с молодым человеком и вышла замуж. Молодожены получили хорошую квартиру и были счастливы... только один месяц. Началась Великая Отечественная война. Муж ее был демобилизован и с первым эшелоном ушел защищать Родину. Погиб в начале войны. Соня осталась вдовой на всю оставшуюся жизнь.

Все дети, кроме младшей Любы, были очень близоруки. Близорукость Сони начала прогрессировать, пришлось оставить работу и жить на пенсию по инвалидности. К плохому зрению цеплялись и другие болячки, и, наконец, наступила полная слепота. Уход за ней со стороны родственников был неплохим. Хорошо кормили и оказывали прочие услуги. Но пришло время и понадобилось больничное лечение. Умерла она в пригородной больнице... В квартире осталась жить племянница, внучка брата Вололи.

Володя рано лишился зрения, образования не сумел получить. Общество слепых устроило его на жительство, обеспечило работой. Женился на слепой девушке, потерявшей зрение после черной оспы. Родились дети, их зрение было в норме. Можно было жить и радоваться, но водка погубила их жизнь. Сначала умер Володя, за ним и его жена. Катя, полуслепая от рождения, оказалась совсем неприспособленной к самостоятельной жизни. Не было желания учиться, работать. Попала в дурную компанию, уехала на Север и пропала без вести.

Люба, младшая дочь, была копией матери. Красивая внешне, с хорошим зрением. Характер волевой, настырный; о таких людях говорят: за словом в карман не полезет. Закончила семилетку, бухгалтерские курсы, нашла работу. Во время войны познакомилась с ссыльным поляком-евреем, вышла замуж, уехала в Польшу, где у мужа была парикмахерская. В Польше начались гонения на евреев, и им пришлось переехать в Израиль. Люба не прерывала переписки с Соней, в письма вкладывала цветные фотографии двух дочерей, писаных красавиц в дорогих платьях. Последнее письмо Соня получила от мужа Любы, где он сообщал о смерти жены от рака.

Вот и вся история! Я рассказала только об одной ветви священнослужителей. Кто сосчитал, сколько было уничтожено, растоптано честных, трудолюбивых людей этого сословия? Сколько исковерканных людских судеб? Мария Алексеевна, в девичестве Ушинская, жена Василия Васильевича. Брат Марии Алексеевны В.А.Ушинский работал управляющим Зингеровской кампании по продаже швейных машин. Контора и квартира Ушинского находились в угловом деревянном здании на перекрестке улиц Советской и Коммунистической, ныне в каменном здании расположен ресторан «Спасский». В 1913 г. Ушинский был зверски убит топором!

Моему поколению пришлось пережить нелегкую жизнь. Мы прошли через тяжелое постыдное время арестов, когда по ночам подъезжали к дому «Черный ворон», такое название получила крытая грузовая автомашина. Работники МВД врывались в дома честных тружеников, лучших людей города, служивших верой и правдой своему народу, бросали их в эту машину смерти. Большинство осужденных было расстреляно или погибло в застенках лагерей.

1941–1945 годы. Великая Отечественная война. Миллионы погибших людей, семьи, оставшиеся без отцов и сыновей. Тяжело вспоминать, через какие испытания прошел народ. К счастью, жизнь состоит не только из горя и страданий. Наше поколение сумело сохранить в себе ощущение радости жизни. Сохранить все то доброе, светлое, милое сердцу, что помогало нам выжить, растить новое поколение, пришедшее нам на смену. Хочется верить, что наша молодежь будет придерживаться добрых традиций старших поколений, помнить и почитать своих предков.

Вместо эпилога.

Счастье! Какое оно? Я родилась в Усть-Сысольске в 1915 г. в воскресенье, в 6 утра, когда в честь праздника Николина дня начался звон церковных колоколов. Удары колокола Стефановского собора были самыми громкими и хорошо прослушивались в нашем доме. Родители считали, что я должна быть счастливым человеком, если появилась на свет в момент первого удара церковного колокола.

Счастье! Такое обширное понятие, как определить его содержание? Сама я считаю, что счастье не обошло меня стороной. У меня всегда был и есть дом, семья, дети, внуки. Была любимая работа, которой я отдала всю свою сознательную жизнь. Через мои руки, ум и сердце прошли тысячи молодых людей. Я учительница. Наш коллектив учителей средней школы № 12 им. Олега Кошевого всегда был дружным, сильным по своим знаниям, уважаемым воспитанниками.

Я счастлива, что была частичкой такого коллектива. И сегодня, будучи на пенсии, я не теряю связи с моими коллегами-друзьями. Значит, слова родителей, что я должна быть счастливым человеком, оправдались. Хочется жить и жить!

Повседневная жизнь Коми края

Выт. 1 2006

М.В.Таскаев

В последний раз Усть-Сысольск, или столица Коми области в 1929 году

Какой была столица Коми области (в последний раз Усть-Сысольск, с 1930 года уже – Сыктывкар) 73 года назад? Как и, главное, на что жили

люди? Что покупали, как проводили досут? Что интересного происходило в маленьком Усть Сысольске в 1929 г., если не принимать во внимание вхождение Коми области в Северный край с центром в Архангельске, многочисленные партийные форумы, уездные и областные съезды Советов, различные конференции профсоюзных и прочих работников, первомайские и ноябрьские демонстрации, митинги, субботники, антирелигиозную кампанию, районирование (в 1929 г. как раз началась реорганизация уездов в районы) и т.д.? Как жили простые люди? В этой статье почти нет политики...

«В магазин Коми госиздата поступил в продажу отрывной настенный календарь коммуниста на 1929 год. Количество ограничено. Спешите купить» (объявление в газете «Югыд туй»).

Коми облисполком установил следующие дни отдыха, праздников и нерабочих дней в 1929 г.: 1 января — Новый Год, 21 января — день смерти В.И.Ленина, 22 января — День Памяти 9 января 1905 года (Кровавого воскресенья), 12 марта — День падения самодержавия, 18 марта — День Парижской Коммуны, 1-2 мая — Дни Интернационала, 6 мая — Пасха, 24 июня — Троица, 1 июля — День физкультурника, 6 августа — Преображение, 7-8 ноября — Дни Октябрьской революции, 25 декабря — Рождество. Кроме того, женщины 8 марта могли уходить с работы на два часа раньше.

Рабочая неделя не была одинаковой: где пятидневка (начала вводиться с осени), а где и все дни были рабочими, включая воскресенье. Причем, не везде еще был 8-часовой рабочий день. В частной кожеделательной мастерской О.В.Лыткина, например, был 12-часовой рабочий день, к тому же рабочие не были застрахованы. В организациях и учреждениях активно проводилась «комизация» — вся документация велась на коми языке. Горожане испытывали массу неудобств. Почта официально опубликовала извещение, что все письма с адресами на коми языке будут уничтожаться, что вызвало бурное возмущение адресатов. В русских детских садах, например, по ул. Набережной переходили на платное посещение групп.

Год начинался с выборов в городской Совет, состоявшихся 18 и 20 января. Усть-Сысольск был разбит на 18 избирательных участков, к избирательным урнам пришли 1602 чел., что составило 61% избирателей. Выборы, как всегда было при советской власти, прошли празднично. Избиратели бесплатно смотрели кинофильмы, были также организованы театрально-художественные постановки. В горсовет избрали 97 чел., из них 67 мужчин. Среди избранных больше всего оказалось служащих — 68 чел., были восемь учителей, пять домохозяек, три красноармейца, две батрачки и т.д. 19 чел. плохо владели грамотой. Из 97 чел. 35 были коммунистами, восемь — комсомольцами, остальные — беспартийные. 73 чел.

были коми, 23 — русские и один латыш. Кто стал мэром города, т.е. председателем президиума горсовета? Им был избран В.П.Юркин, личность известная, занимавший пост председателя Коми облисполкома. Кроме него в президиум попали Н.С.Юхнин (зам. пред.), П.В.Забоев (зав. горкоммунотделом), И.П.Вахнин, Н.С.Полещиков, П.Н.Полещиков, С.В.Сахаров, Т.М.Маегова, Я.М.Попова.

Что интересно, уже в июле этого года состоялись перевыборы в горсовет. На этот раз туда избрали 88 чел., а председателем президиума горсовета стал Коюшев. Зампредом стал Данилов, горкоммунотдел возглавил И.П.Осипов, в члены президиума выбрали М.Харапова, И.Ванеева, Н.Юхнина, Порфирьеву, Боша, С.Забоева, К.Жеребцову, Мезенцеву.

«Правление «Комилеса» доводит до сведения всем учреждениям и гражданам г. Усть-Сысольска... До урегулирования вопроса о нормативной работе электростанции пользоваться электроэнергией можно только в пределах строгой необходимости и не жечь лишних ламп. Несоблюдение этого условия, помимо выключения нарушителей из сети, может привести к окончательной поломке локомобиля и лишить город освещения на долгий срок... возникает необходимость разгрузки осветительной сети путем выключения некоторых районов, вопрос о чем в настоящее время разрабатывается» (из объявления в газете «Югыд туй»).

В 1929 г. горкоммунотдел планировал сдать в эксплуатацию городскую общественную баню и пекарню, надстроить над аптекой 2-й этаж. Вовсю строились двухэтажные деревянные дома. «Комилес» строил на Набережной дом для своих служащих, Северное госпароходство тоже строило такой же дом на Трудовой улице, жилтоварищество «Пионер» развернуло строительство на Советской. Переехал в новый 2-этажный деревянный дом Госстрах. Когда в мае 1929 г. в Усть-Сысольск привезли первую партию заключенных в 200 чел. для строительства железной дороги Усть-Сысольск-Пинюг, горсовет выделил целый квартал для строительства бараков. Управление лагерей, временно разместившееся в школе землеустроительных курсов в Кируле, закупило у «Комилеса» стройматериалы и приступило к строительству бараков. К концу года количество жителей в городе резко возросло. Прибывали новые партии заключенных, приезжали новые служащие. С притоком новых жителей медленно поднималась и плата за городскую квартиру в наем, дошедшая в конце года до 25-30 руб. в месяц. Некоторые домохозяева зарабатывали на квартирах до 500-1000 руб в год.

В 1929 г. состоятельные домохозяева и квартиросъемщики могли по желанию электрифицировать свои жилища, поставить радио, телефон. Правда, Электростол лесозавода, где находился городской локомобиль

(электростанция), постоянно предупреждал жителей, чтобы пользовались электролампочками только в 20 ватт. Самовольно включающие лампочки большей мощности немедленно отключались и штрафовались. Лампочки в 75 ватт размещались только на столбах городского уличного освещения. Столбы и электрооборудование приходилось охранять от местных хулиганов. Любимой забавой тентюковской шпаны, например, была рубка столбов с освещением топорами, как это произошло, например на перекрестке Рабочей и ул. Ленина в ночь на 5 апреля.

Установка радио была дороже телефона. Центральный усть-сысольский трансляционный узел объявил желающим абонироваться (т.е. установить дома телефон или радио). Расценки на 1929 год: установка телефона обходилась в 13 руб. (включая стоимость аппарата), радио — 36 руб. Ежемесячная абонентская плата за телефон достигала в месяц 35 коп. (для рабочих, членов профсоюза крестьян-середняков и бедняков), прочим — один рубль. За прослушивание радио все платили ежемесячно один рубль. За установленные в организациях коллективные репродукторы плата взималась три рубля в месяц, а за радиоустановки в ресторанах и пивных — 10 руб.

Городские улицы, лишь кое-где покрытые гравием, в дождливую погоду превращались в непролазную грязь. Мостки, устроенные для пешеходов, быстро гнили и требовали ежесезонного ремонта. Большое беспокойство вызывал мост через парижский овраг, проезд по которому стал настолько опасен для жизни, что решено было прекратить движение по нему не только для телег, но и пешеходов. По-прежнему не было никакого обустройства дороги от пристани в город. В случае дождей подъем с пристани в гору, где размещались городские грузовые амбары и склады, превращался для грузчиков в непосильную задачу.

В городе не было ни одного автомобиля. Ездили на лошадях. Цены на проезд на советских станциях по Сысольскому уезду были таковы: одна лошадь и один километр пути – 9 коп., в распутицу – 11 коп. С приходом весны открывалась навигация по рекам – одна из главных транспортных артерий Усть-Сысольска, связывающая его с внешним миром. В навигацию 1929 г. по реке Вычегде до Котласа ходили пароходы «Фрунзе», «Добролюбов», «Ломоносов», до Усть-Кулома – «Шевченко»; по Сысоле до Палауза плавал «Бородино». Кроме пароходов пускали буксиры с баржами, они, например, развозили по домам плотогонов, которых скапливалось в период сплава в городе очень много.

В декабре в Усть-Сысольск приехал первый начальник возводимой за Кырувом аэростанции Н.Т.Царюк. Как и все летчики того времени, одетый в кожанку, с модным длинным шарфом, он вызвал неподдельный интерес у горожан и в редакциях коми газет, поместивших его фото на первые полосы. С 1930 г. открывался регулярный пассажирский авиамаршрут Архангельск-Березники-Котлас-Усть-Сысольск. До строительства аэро-

порта планировалось сажать самолет на лед Сысолы.

Город жил под ежечасные удары колокола с пожарной каланчи. Правда, жители жаловались, что удары иногда не совпадают с точным временем. Особо настырные даже приходили к каланче с будильниками в руках и ругались с каланчевыми о неточности ударов. В 1929 г. горсовет выделил деньги на новый городской пожарный обоз. Запланировали привезти в следующем году пожарный автомобиль. Пожарные купили новых лошадей, новые бочки, старый пожарный обоз был передан чистить городские нужники.

Городские власти давно хотели иметь большой общественный парк культуры и отдыха. Однако приходилось пока довольствоваться небольшим садом на Соборной площади на горе, в центре которого размещался внушительный пожарный водоем. Летом там купались дети, случались и трагедии — тонули. Вместе с планируемым парком культуры и отдыха в 1929 г. запланировали строительство городского Дома коми национальной культуры.

«6 января, вечером, воскресенье. Массовые прогулки на лыжах при участии физкультурников, членов профсоюза и их семейств под руководством т.Малиновского. Лыжи-бесплатно. С 8 часов — Антирелигиозный вечер. Доклад «Политическая роль рождества». Хор, музыка, мимические выступления, художественные сценки, игры, почта — ТАНЦЫ. 7 января. Доклад-беседа «Поп, знахарь и врач». Физкультурные и музыкальные выступления. Игры — танцы. 12 января. Вечер-маскарад с художественной антирелигиозной частью. 13 января. Клубная живая газета, посвященная антирелигиозным и антиалкогольным вопросам и перевыборам Горсовета. В клубе имеются антирелигиозный и антиалкогольный уголки. Выставка антирелигиозных книг и плакатов. Радио. Чайный буфет. Помещение иллюминировано» (афиша).

В январе был устроен лыжный поход Усть-Сысольск-Усть-Кулом-Усть-Сысольск. Несмотря на то, что власти и жители Усть-Кулома были предупреждены телеграммой о приезде, никто усть-сысольских лыжников не встретил. Мало того, в деревнях их принимали за шпионов (!), пугались, не началась ли война (!). Одним словом, вид городских лыжников изрядно напугал коми деревню.

Усть-Сысольск регулярно проводил массовые культурно-спортивные разлечения и праздники. 15 и 17 февраля на льду Сысолы состоялись конные бега. На пробном выезде 15 февраля участвовало 19 лошадей, из них восемь были крестьянские (т.е. частные), остальные — из областной племенной конюшни. Быстрее всех полтора километра (1600 м) пробежали

«Мамонт» и «Зачто» из облплемконюшни – соответственно за 3 мин. 30 сек. и 3 мин. 34 сек. На соревнованиях 17 февраля участвовало 23 лошади. Премию Областного земуправления в 50 руб. завоевала кобыла крестьянина Молодцова, пробежавшая 1600 м за 4 мин. 7 сек. Премия «Сельпромкредитсоюза» в 25 руб. досталась «Машке» крестьянина Титова. Среди рабочих лошадей премию горсовета в 30 руб. взял «Араб» Кулакова. Лошадитрехлетки соревновались на расстоянии 1067 м. Премию «Сельбанка» в 25, 15 и 10 руб. завоевали соответственно «Шура» Оплеснина, «Безик» Малыгина и кобыла Фролова. Участвовавшие в бегах лошади областной племконюшни показали лучшие результаты («Коварный», например, прошел 1600 м за 3 мин. 18 сек.), но их владельцам премия не выплачивалась. Среди трехлеток лучше всех проскакал «Атаман» из конюшни ГПУ — 1067 м за 1 мин. 54 сек. Он показал непривычный зрителям конный бег — скачками.

17 февраля состоялись также соревнования лыжных команд города по биатлону. Участвовало 11 команд. 1-е место завоевала команда Совпартшколы. Стартовавшая тентюковская команда к финишу почему-то не явилась.

Весной 27 мая состоялся очередной спортивный праздник. В массовых гимнастических упражнениях на Красной площади приняло участие 400 чел. В беге на 100 м 1-е место показала команда типографии. В прыжках в высоту выше всех прыгнул М.Кудинов из Тентюково, метнул ядро дальше всех М.П.Бессонов. В беге по городским улицам на 5 км участвовали 16 чел. Первыми пришли братья Париловы, Елькин и Клыков. Вечером состоялся футбольный матч команд профклуба и союза деревообделочников. Профклуб выиграл со счетом 1:0.

Интересные события развернулись в городе 12-17 июня, когда состоялся боевой поход областного комсомола. Город был наводнен вооруженными комсомольцами в противогазах. Сводный батальон их под командованием Серегина после парада на Красной площади прошелся маршем по окрестным селам, а затем устроил бой за взятие г.Усть-Сысольска. Часть батальона защищала город, устроив наблюдательный пункт на колокольне Стефановского собора, а другая часть атаковала защитников со стороны Выльгорта. Несколько часов раздавалась пальба из винтовок и даже пулеметов по всему городу. Улицы заволокло дымом от дымовых шашек (имитировалась «газовая атака»). Убитых и раненных, слава богу, не было, стреляли холостыми.

Осенью традиционно проходил День Урожая. Выставка сельскохозяйственной продукции, митинг в городском театре, по окончании которого всем бесплатно показали кинофильм «Когда зацветут поля». 8 ноября прошли городские соревнования по стрельбе из винтовки. Совет Коми Осоавиахима учредил победителю диплом и премию (спортивный костюм конькобежца, ботинки с коньками), доставшиеся красноармейцу

Афанасию Юркину.

«Прием порожней посуды в лавках Центроспирта производится по этикетной цене только при наличии в горлышке пробки, воткнутой до половины. Пробка должна быть не поврежденной и того самого размера и сорта, какая была в бутылке до раскупоривания ее. Без пробки посуда совершенно не принимается ни за какую цену» (из объявления в газете «Югыд туй»).

Массовые праздники - массовое пьянство. Местный бомонд (если можно так выразиться о партийно-советских служащих) употреблял горячительные напитки в ресторане-столовой гостиницы «Асъя кыа» («Утренняя заря»). Только пива за день в «Асъя кыа» выпивали 40 ведер. Лавки Центроспирта и пивные «Бавария» находились по всему городу. Самой пьяной являлась улица Ленина, где располагались наиболее популярные заведения. Обыватели постоянно жаловались, что день-деньской на Ленина драки, мат, кругом пьяные. 5 апреля Коми облисполком принял специальное постановление о продаже алкоголя, согласно которому нельзя было им торговать во время призывов в Красную Армию, весенних сплавработ, ярмарок, эпидемий, выдачи зарплат, митингов и демонстраций. Но это постановление сплошь и рядом нарушалось. Да и спекулянтов вином и самогоном хватало. Все пьянчуги знали, что, например, ночью у сторожихи городской центральной библиотеки всегда можно было найти самогонку или бутылку винца (библиотеку поэтому прозвали «ночным отделением Центроспирта»). В начале июня в день выдачи зарплаты в бараках плотогонов «Комилеса» развернулась массовая пьянка. 4 июня милиция арестовала по городу 20 пьяных хулиганов, на следующий день еще 11. Но алкоголь приносил доход государству. Количество пивных в городе постоянно росло. Летом зав. городским оптовым пивным складом «Севдвинторга» Петяев искал квартиру или дом под новую пивную, планируемую открыть в конце года.

Пропивали зарплату, причем нередко чужую. В 1929 г. усть-сысольский нарсуд рассмотрел дело зав. усть-куломской конторы «Руссголландлес» Треушкова, растратившего 1981 руб. 15 коп. казенных денег, выделенных под зарплату рабочим, на кутежи и вечеринки. Приговор Треушкову – год тюрьмы с взысканием потраченных средств. Гнездами преступности являлись в городе окраины Тентюково и Чит. Местными уголовными «авторитетами» были тентюковские воры П.С.Тентюков, П.М.Конанов и некто Маегов. Каждый из них уже отсидел несколько сроков в городском Домзаке (Доме заключенных, т.е. тюрьме), но воровского ремесла не бросал. П.С.Тентюков 5 июня ограбил, например, дом П.Д.Покровской, унес вещей на сумму в 142 руб., был пойман милицией с поличным. Читские уголов-

ники С.А.Жаков и И.В.Леушев совершили в мае убийство с ограблением квартиры, за что получили восемь лет тюрьмы. Другое убийство совершил в январе А.С.Карманов. Напившись он ворвался в дом некоей Фроловой и хладнокровно расстрелял ее из самодельного пугача. Хулиганы нередко нападали на прохожих даже в центре города. Так, возле Совпартшколы была избита однажды гражданка Заболоцкая. В самой тюрьме было неспокойно. Младший надзиратель В.П.Фролов (кстати, именно тот, кто в годы гражданской войны расстреливал Домну Каликову) стрелял из револьвера в старшего надзирателя Н.Д.Молодцова и был осужден на три месяца исправработ. Сбежавший из областной больницы сумасшедший Федунов ранил милиционера Маркова ножом в руку. Но в целом, уровень преступности был очень низким, особенно в сравнении с нынешним положением.

«Усть-Сысольское отделение Госбанка начинает скупку у населения медной монеты царского чекана с уплатой 80 коп. за 1 кг или четверти стоимости проставленной на монете» (из объявления в газете «Югыд туй»).

Рабочие лесозавода (а работали там в основном женщины) получали в месяц 40 руб. – это была одна из самых низких зарплат в городе. Жили в общежитиях, питались хлебом и водой, да что из деревни пришлют родственники (если они есть). Стипендия студентов педтехникума составляла: 1-й категории – 20 руб., 2-й категории – 16 руб. и 3-й – 12 руб. 50 коп. При общежитии имелась столовая, за обеды в которой из стипендии вычитали 15 руб. А билет в Нардом на кино стоил, между прочим, 30 коп. Конечно, были в городе и другие категории рабочих и служащих, которые получали большие зарплаты, но в целом уровень жизни оставлял желать лучшего.

В городе имелось достаточно много официальных безработных. Дополнительным источником дохода являлась сдача макулатуры (Коми госторг скупал, например, даже телеграфные ленты по цене 2 коп. за 1 кг, а за канцелярские книги без переплета давал 4 коп. за 1 кг). Скупали вторсырье: лошадиные хвосты, свиную щетину, коровью шерсть, лекарственные травы. Хлеб, мука, сахар распределялись по карточкам. С весны вместо муки по карточкам стали выдавать печеный хлеб, нередко очень твердый. Домашняя прислуга включалась в общее количество едоков хозяев. Нормы выдачи по карточкам были таковы: 400 граммов хлеба в день, сахар в месяц — 250 грамм земельным, 800 грамм — безземельным. Это вызывало справедливое возмущение горожан, роптавших, что, дескать, будто на коми огородах сахар растет.

В январе 1929 г. Коми обстатотдел провел социологический опрос в 20 усть-сысольских семьях на тему «Что покупают горожане?» Из 20 семей

14 были из категории служащих, три — рабочих и три — крестьянских. Ответы опрашиваемых позволили составить такую картину: на мясо тратилось 32% семейного бюджета, 27% — на хлеб и крупы, 24% — на молоко и масло, 9% —на семена и ягоды, 8% — на дрова.

На рынке цены сильно кусались. В обжорных рядах, например, 1 кг мяса стоил 1 руб. 40 коп., штука свежей рыбы — 1 руб. 50 коп., 1 кг масла — 4 руб., яйцо (1 шт.) — 20 коп. А в Вятке десяток яиц стоил, между прочим, 30-35 коп. В конце года цены на продукты на усть-сысольском рынке выросли: 1 кг масла стоил уже 6 руб., десяток яиц — 1 руб. Сушеная брусника шла по цене 2 руб. 50 коп. за 1 кг. А вот привезенный из далекого Туркестана изюм продавался по цене 65 коп. за 1 кг. Нередко завозили яблоки, виноград. Воз с дровами стоил от 10 до 20 руб.

В 1929 г. в город прибыла первая партия консервов (30 тыс. банок) с Усть-Усинского консервного завода. Консервированные оленина, птичье мясо, рыба охотно раскупались, горожане высоко оценили вкусовые качества усинских консервов.

«Сберкасса деньги сохраняет и власть Советов укрепляет! Вкладчик сберкассы! Ваша задача привлечь в период двухнедельника (с 15 марта проводился двухнедельник сберкассы — М.Т.) нового вкладчика!» (из призывов в период кампании «Даешь сберкассу!»).

В магазинах Коми госторга и Коми госиздата можно было купить всяческие промтовары. Магазин «Динамо» торговал одеждой, обувью, комсомольскими костюмами, лыжами, коньками, мелкокалиберными винтовками. Большой роскошью был велосипед, он стоил 198 руб. 58 коп. По почте из самой Москвы можно было заказать кондитерские изделия Моссельпрома. В магазине Коми госиздата всегда были в продаже помимо книг и журналов детские игрушки, настольные спортивные игры (шахматы, шашки), рыболовные принадлежности, музыкальные инструменты. Книги стоили по-разному. Роман И. Эренбурга «Хулио Хуренито» - 2 руб., «Цемент» Ф.Гладкова – 1 руб., «Армия и революция» В.И.Ленина – 35 коп., «Азбука ленинизма» - 25 коп. Как всегда, наиболее дорогими были приключенческие романы. «Паровой дом» Ж. Верна стоил, например, 3 руб. 40 коп. «Пятьсот миллионов лье Бегумы» того же автора – 2 руб. 70 коп., роман «Тори и Виги» Вальтера Скотта – 2 руб. Самой дорогой книгой являлось творение некоего П.Боборыкина «За полвека» – 3 руб. 85 коп. В киоске Госиздата на Народной площади всегда в продаже были центральные газеты «Правда», «Рабочая газета», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», журналы «Огонек», «Чудак», местные издания «Югыд туй», «Коми сикт», «Коми комсомол», журналы «Коми му», «Ордым».

«Курсы облигаций Государственных Внутренних Займов по котировке Фондового Отдела Московской Товарной Биржы в мае 1929 г. Беспроцентный Выигрышный Заем 1926 г. за облигацию в 100 руб.—119 руб.50 коп. (покупка) и 121 руб.50 коп. (продажа). Шестипроцентный Выигрышный заем за облигацию в 5 руб.—4 руб. 68 коп. (покупка) и 4 руб. 70 коп. (продажа)» (из объявления в газете «Югыд туй»).

На устраиваемых в городе аукционах и торгах можно было приобрести массу полезных вещей. Так, при ликвидации частной торговли Рассохина и К, М.П.Кабиша и Кабиша на продажу были выставлены кровати, швейные машины, охотничьи ружья немецкого производства, венские стулья. На торгах ликвидируемого Усть-Сысольского лесоучастка Пермской железной дороги продавалось все: умывальники, канцелярские счеты, письменные столы, чугунные печи, флаги, гири, лыжи, лопаты, спички и т.д.

«Гражданин Ботвинкин Акива Пейсахович, учитель Визингской школы 2 ступени, меняет имя-отчество на Николай Павлович. Гражданин Хатанзейский Андрей Константинович меняет свою фамилию на Апостолиди. Лиц, имеющих протесты к перемене имени, отчества и фамилии вышеуказанных граждан, просим сообщить в обладмотдел Коми облисполкома» (из объявлений в газете «Югыд туй»).

Самым любимым развлечением усть-сысольцев было, конечно, кино. В городском театре показывали фильмы «Капитанская дочка» по повести А.С.Пушкина, «Булат батыр», «Дон Хиего и Пелагея», «Танька-тракторщица», «Путь к силе и красоте» (германский спортивный фильм), «Кастус Калиновский». В рецензии на последний фильм местный критик писал, что артист, исполняющий главную роль, «не может держать себя в качестве революционера» (фильм показывал крестьянское восстание в Белоруссии в 1863 г.). Во время показа фильма «Лихое золото» (дети до 16 лет не допускались) о жизни золотоискателей зал был битком набит. Все фильмы были немые. Во время сеансов играли скрипка и пианино. В 1929 г. в Усть-Сысольске демонстрировали и одну из первых кинокартин о Коми крае – «Охота и оленеводство в области Коми». В ноябре в город прибыла экспедиция Союзкино под руководством Н. Лебедева, снимающая документальный фильм «Советский Север». Кинооператоры начали съемки Усть-Сысольска и окрестных сел.

Помимо кино большой популярностью пользовался театр, разделенный на русский и коми. Русские артисты Е.И. Соловьева (как писали афишы, артистка Ленинградского актерского театра), Багин, Тур, Шатов получали по 25 руб. за спектакль. Спектакли проходили часто в пользу

Домзака (дома заключенных, т.е. тюрьмы), в фонд строительства самолета «Коми морт», боевой машины «Коми танк». На вечере в пользу заключенных 10 февраля русский театр показал, например, драмсцену «Ночь», веселую комедию-сатиру «Три этапа», старинный водевиль «Простушка и воспитанная». Коми труппа, созданная еще В.А. Савиным, старалась выступать по окрестным селам, показывала «коми вечера» («коми рыт»), пьесы Савина «Кулöмдiнса бунт», «Настук» Лебедева и др. В июле на гастроли в Усть-Сысольск приехала украинская музыкально-драматическая труппа, открывшая гастроли спектаклем «Хмара». Местные критики отмечали «хорошую игру артистов, яркие национальные костюмы, звучный мелодичный украинский язык. Публика аплодировала без конца».

В городе имелось Общество друзей Радио, 27 апреля был создан Объединенный хор г.Усть-Сысольска под пред. Н.П. Кузнецова. Имелись краеведческое общество, Коми областной музей. Примерно 50 фотографов снимали горожан. Фотографам постоянно предлагали объединиться в одно общество, но пока этого не происходило.

В сентябре событием стал приезд в город путешествующей семьи Чечоткиных с 5-летним ребенком, выступивших пешком из Севастополя в кругосветное путешествие. Чечоткины планировали за 8 или 10 лет обогнуть земной шар по маршруту Крым-Коми область-Владивосток- Китай-Малайзия-Австралия-Америка-Англия-Германия-Румыния-Одесса. В Коми области Чечоткины планировали перезимовать, перебиваясь охотой (они были отличными охотниками).

«Зубной врач А.Бененсон. Прием на дому от 3 до 9 часов. Республиканская ул., дом № 24» (объявление).

Горожане получали бесплатную медицинскую помощь. В городе имелись больница, зубоврачебный кабинет, амбулатория, диспансер. Лечили неплохо. Так, доктор Вахнин из областной больницы делал операции на глаза. Больные публиковали письма с благодарностями доктору, вернувшему им зрение. С.В.Туркин, например, писал в «Югыд туй», что он семь лет болел катарактой и был слепым, а после операции Вахнина прозрел и вновь увидел этот мир. Большие нарекания вызывало усть-сысольское бюро скорой помощи, из-за нерасторопности прозванное горожанами «бюро скорой смерти». Открывшийся в 1929 г. курорт «Сереговские минеральные воды» сразу стал пользоваться в Усть-Сысольске бешеной популярностью. На 1929 г. все путевки на курорт были проданы. Курортная администрация объявила, что можно лечиться в Серегово амбулаторно, снимая угол в частных крестьянских домах.

«Принимаю заказы на мороженое. Можно получать ежедневно. Советская ул., дом № 51, внизу. Мороженщик В.А. Трифонов» (объявление в газете «Югыд туй»).

Горожане держали всякую живность – от лошадей и коров до собак и кошек. Вся живность свободно разгуливала по городским улицам. Особенно много было собак, нередко сбивающихся в огромные стаи. Наиболее злобные собаки и их владельцы были известны всему городу. Так, гражданка Л.С. Савиновская прославилась своим кобелем, завидев которого все старались как можно быстрее унести ноги. Пасущиеся в окрестностях Усть-Сысольского кирпичного завода кодзвилльские коровы свободно проникали на территорию завода, которая не была огорожена, разгуливали там, ранили и даже ломали ноги в разных выбоинах.

«Продается радиоустановка (громкоговорящая) с полным оборудованием. Первомайская ул., дом А.В. Мальцева, спросить Забелина (объявление в газете «Югыд туй»).

Под конец года усть-сысольский священник К.Микушев, пьянствующий весь год на виду всего города, официально заявил о сложении с себя сана священнослужителя, о чем сообщил письмом в редакцию газеты «Югыд туй» 17 декабря. Из известных людей Усть-Сысольска, кто скончался в 1929 г., можно назвать смерть учителя Петра Петровича Ползунова, автора сочинения «История Усть-Сысольского городского училища», изданной в 1912 г. Более 20 лет Ползунов преподавал в усть-сысольских школах. Скончался он в г. Торжок, о чем сообщили усть-сысольские газеты. Таким был Усть-Сысольск в 1929 году.

Повседневная жизнь Коми края

Выт. 1 2006

0.В.Золотарев

Коми учительство в 1920-1930-х годах

Наиболее неотъемлемой и важной фигурой в системе народного образования является школьный работник медагог. Именно поэтому ситуация в учительской среде определяет положение школы, отражает то, насколько

точно проводится на местах политика центра в образовательной сфере, а значит, и свидетельствует об успехе или неудаче этой политики. Нельзя забывать и о том, что школьные педагоги являются самым видным и многочисленным представителем городской и сельской интеллигенции (особенно заметно это влияние в провинции) и играют в жизни страны важнейшую роль.

В дореволюционной России положение учителя было весьма заметным: школьный работник занимал высокое место в социальной иерархии. Особенно ярко это проявлялось на селе. В деревне самыми уважаемыми и авторитетными людьми были староста, учитель и священник. Во многом это объяснялось незначительным количеством грамотных среди населения, и, вследствие этого, трепетным отношением крестьян к образованному человеку. И в коми селениях грамотность весьма ценилась. По свидетельству современников, «отрицательного отношения к грамотности ... не пришлось слышать ... грамотный ценится выше неграмотного». Очень зримо это ощущалось в среде старообрядцев, которые хоть и неохотно отдавали детей в школы (свою роль здесь играли религиозные убеждения), но обязательно обучали их грамоте. Тем не менее, во многих коми деревнях «грамотного для подписи документа можно было разыскать только с великим трудом» [1].

Кроме того, необходимо отметить, что в начале XX в. наблюдался подъем народного просвещения в России. В Коми крае он выразился не только в росте количества школ и заметном улучшении их материального положения. Явно повышалось и качество обучения. Это было связано с ростом квалификации педагогов. Среди учителей были теперь выпускники Петербургского учительского института, Вытегорской, Тотемской и Петрозаводской учительских семинарий и т.д., которые вводили новые методы преподавания. Качество преподавания в ряде училищ Коми края было отмечено и губернским начальством. Об улучшении обучения говорит тот факт, что многие выпускники учебных заведений Усть-Сысольского и Яренского уездов продолжили свое образование в институтах и университетах крупнейших городов страны. Некоторые из них стали учеными с мировым именем, достаточно назвать П. Сорокина и К. Жакова.

Говоря о высоком социальном статусе дореволюционного учителя нельзя сбрасывать со счетов и сравнительно благополучное материальное положение педагогов. Низшая учительская ставка в начальной школе (30 рублей в месяц) в полтора раза превосходила среднюю заработную плату рабочего (22,5 руб. в месяц). И все же заработная плата педагога начальной школы едва превышала прожиточный уровень крупных городов. А вот учитель средней школы был по своему социальному статусу недосягаем даже для средних слоев городского населения. Это подтверждается следующими данными. Учитель гимназии (в зависимости от стажа работы) получал от 75 до 210 руб. в месяц (в 3,3–9,5 раза больше рабочего). А учительская пенсия составляла сумму в 150 руб. в месяц [2].

Значительный авторитет учительства, а, значит, и особую его роль в формировании настроений населения (особенно сельского) прекрасно осознавало руководство Коммунистической партии, пришедшей к власти в России в октябре 1917 г. Поэтому одной из важнейших задач партийных организаций в области просвещения оно считало активную работу среди учителей. Еt главной целью было, в первую очередь, изменение в благоприятную для себя сторону политических взглядов педагогического персонала.

Следует сказать, что общественная позиция учителей в тот период однозначной не была, хотя в целом демократические настроения значительной части педагогов определили настороженное, во многих случаях негативное отношение школьных работников к Октябрьской революции. Это признавали и высшие слои большевистской партии. В.И.Ленин говорил, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти» [3]. Эти слова в полной мере относятся и к школьным учителям.

Первые шаги новой власти по отношению к школьным работникам были примирительного характера и содержали призыв к сотрудничеству. Однако очень скоро власти переменили тактику, ибо учительство оставалось враждебно к большевикам. Властные структуры перешли к административному давлению на школьных работников, стремясь уничтожить организованное оппозиционное движение в учительской среде. В 1917—1919 гг. это выразилось в роспуске Всероссийского учительского союза (ВУС), выборах народных учителей и создании подконтрольных большевикам союза учителей-интернационалистов и профсоюза работников просвещения и социалистической культуры.

Еще более усилились попытки привлечения учителей на сторону правящей партии после окончания гражданской войны. Причем сделать это пытались не столько карательными методами, сколько путем подготовки новых учителей, стремлением заинтересовать их вопросами новой педагогики и т.п. Власти были заинтересованы тем, «чтобы эту высокополезную общественную группу втянуть в интересы и творческую работу советского государства» [4].

Эти тенденции, возникнув в центре, распространялись и на окраинные районы, например, Коми край. Причем надо учитывать, что в нем, как в национальном регионе, ситуация осложнялась специфическими национальными проблемами.

На Коми земле большинство школьных работников весьма сочувственно, в силу своего крестьянского происхождения, относилось к позиции эсеровской партии. Тем не менее, в целом учительство, как и подавляющее большинство населения края, слабо разбиралось в происходящих событиях и вследствие этого довольно равнодушно смотрело на перемены. Это

отчетливо проявилось во время гражданской войны.

Почти сразу после укрепления позиций большевистской партии в Коми крае была сделана попытка воздействовать на педагогический персонал для изменения его позиции в благоприятном для новой власти плане. Здесь, как и по всей стране, были проведены выборы народных учителей. В результате из школ края было уволено около 40 (из 240) педагогов, чьи взгляды и действия по каким-либо причинам не устраивали власти. Таким образом, школы покинуло около 1/6 части учителей [5]. Шло в Коми крае и создание поддерживаемых коммунистами групп учителей-интернационалистов. Был организован и лояльный к властям учительский профсоюз.

Однако эти действия не привели к быстрым и кардинальным переменам в учительской среде, несмотря на то, что власти как в центре, так и на местах, стремились преувеличить глубину произошедших изменений. В 1923 г. они с триумфом сообщали: «Мы видим, как учительство, его масса, впервые ... за время революции поворачивают в сторону Советской власти и Коммунистической партии. Это факт» [6]. Однако желаемое выдавалось за действительное. Перелом в позиции учительства в пользу новой власти наметился только во второй половине 1920-х гг.

Немалую роль в настроениях школьных работников играло, конечно, их материальное положение. Представители большевистской партии отчетливо осознавали прямую зависимость между материальным положением педагогической интеллигенции и успешным осуществлением советской школьной политики. В.И. Ленин, говоря в начале 1923 г. о путях изменения взглядов учителей в благоприятную для партии сторону, указывал: «... и главное, главное и главное — работать над поднятием материального положения учителя» [7]. Однако в условиях гражданской войны и послевоенной разрухи решение этого вопроса было очень затруднено.

Анализируя материальное положение школьных работников, следует учитывать, что деятельность властей по его улучшению велась в основном в двух направлениях: это, во-первых, повышение заработной платы учителей и, во-вторых, предоставление педагогам различных льгот – обеспечение жильем, продуктами, топливом и т.п. Причем, в определенный период второе играло более важную роль. Так было, например, во время гражданской войны. Но уровень жизни людей тогда заметно снизился, ухудшилось и материальное обеспечение учителей. Власти оказались не в состоянии сделать что-либо реальное для повышения уровня жизни педагогической интеллигенции. Это самым негативным образом сказалось на ситуации в школах. Учителя были вынуждены искать дополнительные средства к существованию или же вовсе уходили на другую работу. А.В. Луначарский, говоря в конце гражданской войны о положении педагогов, отмечал, что просвещенцы «поставлены в невозможные материаль-

ные условия». Между тем улучшение материального положения учителей было частью борьбы за учительство. Руководители Наркомпроса прекрасно осознавали это, указывая: «Учитель голодает... (это) разрушительно сказывается на школьной жизни вообще, и часто отталкивает от нас учителя» [8].

Однако попытки увеличения зарплаты педагогов в условиях обесценивания денег носили лишь пропагандистский характер. Сами власти признавали, что к 1921 г. «учитель едва ли получал 20% старого «земского жалованья», причем получал аккуратно лишь в совершенно исключительных случаях». В результате учителя в декабре получали жалованье за январь, что обесценивало зарплату почти в десять раз. Поэтому стремиться к повышению жалованья было просто бессмысленно, и основным постепенно становился вопрос обеспечения школьных работников продуктами питания, одеждой, топливом и т.п. Центр еще в 1918 г. констатировал, что «вопрос о снабжении школьных работников продуктами продовольствия в переживаемый момент более чем когда-либо нуждается в разрешении». Забота об осуществлении этого легла на плечи местных властей.

В Коми крае положение педагогов пытались несколько улучшить выдачей единовременных пособий. Так, в Вотчинской волости Усть-Сысольского уезда было решено «выдать каждому учителю по одному пуду муки на каждого едока». В 1919 г. учителя Яренского и Усть-Сысольского уездов были переведены на снабжение «по первой категории классового пайка». Но из-за ограниченности ресурсов действия в этом направлении не были вполне успешными, и к концу гражданской войны учителя Коми края были почти «голы и босы» [9].

В начале 1920-х гг. определенную роль, в удовлетворении насущных нужд учителей сыграла деятельность учительского профсоюза - Всерабпроса. В 1921 г. было создано Усть-Сысольское рабочее правление Всерабпроса (председатель - А.Н. Соколова). В 1922 г. на базе этой организации появилось Коми отделение Всерабпроса. При нем действовала касса взаимопомощи, которой весьма часто пользовались нуждающиеся учителя. Серьезную помощь оказал профсоюз в снабжении учителей одеждой и обувью, ведь к концу гражданской войны педагоги были не только не в состоянии обеспечить семьи продовольствием, но остались практически без одежды в условиях сурового климата. Например, руководитель Палевицкого детдома писал в Усть-Вымское отделение Всерабпроса: «В настоящее время не имею ни галош, ни башмаков и нет никакой возможности приобрести со стороны. Если просьба (о выделении обуви – 0.3.) не будет удовлетворена, то я буду вынужден пропустить занятия» [10]. Этот поистине крик души, свидетельствовал о той крайней степени обнищания, до которой дошли работники народного образования. Причем, такие просьбы были не исключением, а правилом. И,

конечно, усилиями только профсоюза проблемы материального обеспечения школьных работников решить было невозможно.

Сложное материальное положение школьных работников вкупе с ожесточенным административным и идеологическим давлением новых властей на учительство привели к уходу многих учителей из школ, и как следствие - к серьезной нехватке педагогов. Это происходило несмотря на то, что Советская власть, понимая центральное место учителя в образовательной системе, с первых лет своего существования уделяла большое внимание подготовке педагогических кадров. Построение системы подготовки школьных работников исходило из концепции советской образовательной системы, которая определяла роль учителя в новом обществе в качестве проводника коммунистической идеологии. Соответственным было и содержание педагогического образования. Этими же мотивами определялись и изменения в учительской среде: власти настояли на замене старых учительских кадров. Новые педагоги и готовились, и должны были работать в русле господствующей идеологии. Именно это обстоятельство подчеркивал В.И. Ленин: «Задача новой педагогики, - говорил он, - связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества» [11].

Решить проблему по-новому подготовленного учителя пытались двумя путями (это совпадало с политикой Советской власти по отношению к интеллигенции в целом): во-первых, политическим перевоспитанием учителей, усовершенствованием знаний педагогов, получивших подготовку еще до революции, и, во-вторых, созданием новых педагогических кадров.

Однако уже в начале 1920-х гг. значительная часть старого учительства покинула школу как из-за материальных трудностей, так и из-за несогласия с проводимой образовательной политикой. К этим причинам в школах Коми области вскоре добавилась еще одна: непродуманный и поспешный перевод обучения на коми язык, который вызвал уход из системы образования квалифицированных русскоязычных учителей. Это обстоятельство еще более обострило проблему нехватки школьных работников, ведь уже в августе 1920 г., по признанию местных властей, для школ в крае не хватало до 500 человек педагогического персонала в школах I ступени и до 150 – в школах II ступени. Это были огромные цифры. Такое катастрофическое положение заставило властные структуры вплотную заняться вопросами подготовки новых учительских кадров. Ведь попытки удержать педагогов в школах административными методами успеха не имели. Хотя меры предлагались крайние и весьма непопулярные. Власти, например, признали в 1919 г. «недопустимым переход учащих в другие ведомства», а V Усть-Сысольский съезд Советов (1919 г.) ходатайствовал перед губернскими властями о снятии бывших учителей с «неучительских должностей» [12].

Острая нехватка школьных работников заставила идти по пути уско-

ренной подготовки педагогов. В Коми крае, как и по всей стране, это осуществлялось через сеть краткосрочных (3–6 месяцев) курсов. Даже имевшиеся педагогические учебные заведения из-за недостаточности средств преобразовывались в курсы. Другой мерой, которая обеспечивала коми школы учителями, было отправление молодежи для получения педагогической специальности в учебные центры других областей. Только в 1921 г. за пределами Коми обучалось 60 чел.

Однако эти действия ожидаемого эффекта не приносили. Власть признавала, что «поддержать в более или менее доброкачественном виде» учительскую массу не удавалось. В целом советское учительство начала 1920-х гг. имело невысокую квалификацию. В Коми автономии в этот период только 13% школьных работников имело специальную педагогическую подготовку. Эти показатели были значительно ниже общероссийского уровня (30–45%) и, конечно, такое положение не могло не вызывать серьезную озабоченность местного руководства [13].

Местные власти понимали, что проблему уровня учительской подготовки надо решать путем открытия новых педагогических учебных заведений, и даже пытались делать шаги в этом направлении. В 1921 г. была предпринята попытка создания первого высшего учебного заведения в Коми крае — Коми института народного образования (Коми ИНО). Он имел в своем составе три отделения и готовил учителей для школ I и II ступени и работников политико-просветительских учреждений. Всего в Коми ИНО обучалось около 300 человек. Важно отметить то обстоятельство, что в институте учились в основном дети из разных мест Коми. Конечно, это должно было способствовать закреплению кадров в автономии. Но необходимых для нормального функционирования ИНО средств не было. Поэтому в 1923 г. институт пришлось преобразовать в педтехникум повышенного типа [14].

Таким образом, в период гражданской войны властям не удалось решить ни одну проблему, связанную со школьными педагогами: учительство явно не было сторонником победившей партии, не воспринимало проводившейся в области просвещения политики, в массовом порядке покидало свои рабочие места в школе. Во многом сложившаяся ситуация объяснялась тяжелым материальным положением педагогов (впрочем, не лучшим оно было и у всего населения).

Конечно, такая ситуация власти никак устраивать не могла, и они предпринимали определенные усилия по ее изменению. Однако определенные положительные сдвиги обозначились только во второй половине 1920-х гг. Они касались, в первую очередь, лояльности школьных работников к коммунистической идеологии. Во многом данные перемены были обусловлены радикальной позицией властей в отношении формирования учительского контингента. К этому времени уже произошла смена педа-

гогического персонала вследствие ухода старых специалистов из школ из-за низкой заработной платы, увольнения неугодных учителей, а также стремления пополнять учительский контингент выходцами из рабочих и беднейших крестьян. Конечно, такая политика имела следствием, прежде всего, серьезное обновление кадра школьных работников. Например, в начале 1920-х гг. в школах Коми автономии свыше 60% учителей имело стаж работы менее трех лет. И этот процесс имел явную тенденцию к расширению. Подобная линия неблагоприятным образом сказалась на профессиональных качествах нового учителя. Власти признавали, что школы «пополнялись малограмотным персоналом, часто чуждым не только советской, но всякой педагогике» [15]. В коми школах этот процесс обострялся уходом из образовательных учреждений квалифицированных русских учителей из-за быстрого и непродуманного перевода преподавания на коми язык в ходе зырянизации. Не способствовало сохранению учительских кадров и заметно ухудшившееся материальное положение образовательных структур во время гражданской войны и особенно НЭПа. Учителя, будучи в своем большинстве высококвалифицированными специалистами, искали лучше оплачиваемую, нежели в школах, работу. В результате новое учительство не отличалось высоким уровнем профессиональной подготовки, что в свою очередь приводило к резкому падению всегда большого, особенно на селе, авторитета учителя (даже новое название учительской должности, данное в духе того времени – шкраб (школьный работник), казалось, отражало унижение педагога). Усугублению подобной ситуации способствовала и политика местных сельсоветов, когда работники образования использовались в качестве «сельисполнителей» или, как еще более жестко сказано на одном из местных съездов Советов «адъютантов председателя» сельсовета [16].

Однако полностью достичь своих целей власти не смогли. Новое учительство, которое уже не проявляло враждебности к власти, что было относительным успехом проводимой линии, не отличалось политической активностью. Оно было в этом плане довольно индифферентным. Такое отношение власти устраивать не могло, так как они видели одну из основных функций школьного работника как раз в агитационно-пропагандистской работе. Компартия прекрасно осознавала значимость учителя, который должен был стать проводником его взглядов. Глава Наркомпроса А.В. Луначарский признавал, что «учитель является огромной важности элементом в смычке с крестьянином» [17]. В силу этого нажим на учительство в таких преимущественно крестьянских регионах, каким был Коми край, с окончанием гражданской войны и особенно после введения НЭПа и провозглашения курса на союз со средним и беднейшим крестьянством усилился.

Данное обстоятельство вызвало и активизацию с середины 1920-х гг. процесса подготовки нового советского учительства. Это делалось самыми

различными способами: через педтехникумы, курсы и т.п. Заметное внимание при этом уделялось идеологическим дисциплинам. Изменялся и социальный состав учащихся: большую их часть (до 70%) в педагогических учебных заведениях составляли выходцы из рабочих и крестьян.

К концу 1920-х гг. установки центральных властей, осознавших трудность и длительность процесса политического перевоспитания учителей и пришедших к мысли, что более легким путем формирования верного учительства является его полная замена, были в основном выполнены. На І Всесоюзном съезде учителей (1925 г.) было заявлено, что «у нас есть советский учитель ... и этот советский учитель играет руководящую роль в учительской среде – на этот счет никаких сомнений быть не может» [18].

В Коми крае тоже наблюдались определенные изменения среди школьных работников. В 1925 г. на съезде коми учителей было объявлено о «полной солидарности коми учителей с коммунистической партией». На эти перемены указывал и рост до 25% партийно-комсомольской прослойки в среде коми учителей. Этот показатель был значительно выше, чем в среднем по стране (здесь он был около 10%) [19]. В школе в основном работал педагог, получивший подготовку уже в советское время. Эти кадры имели навыки пропагандистской деятельности, но их недостатком были пробелы в профессиональной подготовке.

Однако самым серьезным образом формированию учительского контингента и при НЭПе мешало малоудовлетворительное материальное положение учительства. И это происходило, несмотря на то, что власти видели тяжелое положение педагогической интеллигенции и понимали. какими последствиями это грозит. В одном из отчетов Наркомпроса прямо говорилось: «Учитель голодает...(это) разрушительно сказывается на школьной жизни вообще и часто отталкивает от нас учителя» [20]. Неудивительно, что по окончании гражданской войны большевиками были предприняты определенные шаги для того, чтобы изменить ситуацию. На X Всероссийском съезде Советов (1922 г.) была отмечена «героическая» работа учителей. Было замечено, что без решения вопросов материального положения учителей работа учреждений образования может остановиться. В силу этого проблемы улучшения жизни педагогических работников вновь обсуждались на II сессии ВЦИК XI созыва (1924 г.). На ней была сделана попытка обратить внимание партийных и советских органов на необходимость повышения жизненного уровня школьных работников. Последовали и практические меры. В 1925 г. сначала вышло Постановление СНК РСФСР о пенсионном обеспечении учителей, затем - Постановление, направленное на улучшение положения сельских педагогов. Однако в условиях ортодоксальной финансовой политики, проводившейся в период НЭПа и сопровождавшейся резким снижением финансирования социальных нужд, средства, что выделяли власти на заработную плату учительству, были

недостаточны.

Местные власти проводили ту же линию, что и центр. Так, Коми облисполком в начале 1920-х гг. принял решение о повышении заработной платы высококвалифицированным работникам просвещения, заведующим школ, увеличил продолжительность отпуска работникам образования. Даже в период НЭПа, когда практически прекратилась помощь области из центра, и финансовое положение автономии стало поистине катастрофическим и зарплата снижалась почти всем категориям трудящихся, о понижении жалованья учителям не было даже речи.

Однако в условиях жесткой экономии финансовых ресурсов положение к лучшему почти не менялось. Зарплата учителей – а именно посредством ее повышения власти намеревались решить все проблемы - оставалась чрезвычайно низкой. Школьный педагог получал в середине 1920-х гг. в 4-5 раз меньше рабочего. Несмотря на то, что в Коми крае зарплата учителя была несколько выше (она составляла 62 руб. в месяц, в целом по России менее 40 руб.), чем в среднем по стране, размер ее был все же ничтожен. Руководство Наркомпроса признавало, что ситуация по сравнению с концом гражданской войны почти не изменилась, и учителя ставят в положении «нищего», «учитель голодает» [21]. Несмотря на то, что местные власти пытались вникнуть в «повседневные нужды учительства» и не допустить ухудшения «жалкого» положения учителя (некоторые местные партийно-государственные органы в целях сохранения учительского контингента даже выплачивать дополнительное содержание школьным работникам удаленных населенных пунктов), однако НЭП неизбежно вел к сокращению расходов социальной сферы и, к еще большему обнищанию учительства [22].

Столь сложное материальное положение педагогической интеллигенции привело к еще большему оттоку квалифицированных работников из школ (во время НЭПа школы области по разным причинам покинуло до 60% учителей). Во многих деревнях жаловались на плохую подготовку школьных работников. Особую нехватку педагогов ощущали отдаленные районы Коми края. Многие учителя, не получив достаточного обеспечения по месту основной работы, начинали искать дополнительный заработок в других местах, что, естественно, резко снижало эффективность их работы в школе. Это вызывало перегруженность преподавателей, приводило к невыполнению учебных программ. Бывший Председатель Верховного Совета Коми АССР З.В.Панев, работавший в 1930-е гг. школьным педагогом, свидетельствует: «Учителей не хватало, все имели большие нагрузки – по 6 уроков в день, что было очень обременительно, особенно для молодых учителей... Каждый день на подготовку к урокам уходило по 4-5, а иногда и все 6 часов...все, в том числе и директор, имели чрезмерную нагрузку по 36 часов в неделю при норме 18» [23].Проблема нехватки учителей

обострилась к концу 1920-х — началу 1930-х гг. в связи с переходом к всеобучу и открытием целого ряда школ: во многих деревнях, несмотря на настойчивые требования населения, школы так и не были открыты из-за нехватки педагогического персонала. Даже в середине и конце 1920-х гг. в некоторых районах области учебный год не начинали вовремя по этой же причине.

Такое положение было характерно для многих регионов страны в конце 1920-х гг., хотя в целом экономическое положение относительно стабилизировалось и можно было говорить об определенном улучшении положения школ, связанного с «общим возрождением страны».

Полностью зависела Коми область от центра не только в финансовом плане, но и в сфере подготовки педагогических кадров. Сделанная в начале 1920-х гг. ставка на формирование нового учительства на основе выпускников краткосрочных курсов себя не оправдывала. В центре это отчетливо осознавали, однако изменили тактику в сфере подготовки школьных работников только в середине 1920-х гг. Упор теперь был сделан на средние педагогические учебные заведения — педтехникумы. Именно они стали ведущими по выпуску учителей для начальной школы. Это решение было продиктовано грядущим переходом к всеобучу и необходимостью обеспечить образовательные учреждения работниками, имевшими хотя бы минимальную педагогическую подготовку.

В Коми крае эта политика нашла выражение в восстановлении деятельности двух учительских семинарий, преобразованных в педтехникумы. Уже в 1925 г. они смогли пополнить школы автономии 65 педагогами. Однако недостаточное материальное и интеллектуальное обеспечение деятельности педтехникумов приводило к трудностям в их работе, невысокому качеству подготовки учителей (хотя оно все же заметно улучшилось). К тому же только педтехникумы были не в состоянии решить проблему нехватки педагогических кадров. Эти обстоятельства, наряду с непопулярностью педагогической профессии, приводили к сложностям в наборе учащихся, вызывали текучесть преподавательских кадров. Люди буквально бежали из педтехникумов. Только с осени 1932 г. по весну 1933 г. число учащихся в Усть-Сысольском педтехникуме уменьшилось с 337 до 240 чел. Эти события вызвали негативную реакцию местных властей: ушедших называли «дезертирами с культурного фронта» и считали, что «надо взгреть этих молодцов, чтобы другим неповадно было» [24].

Все эти трудности вызывали малоэффективную работу педтехникумов. Не решало проблемы и открытие в 1931 г. педтехникума на базе Усть-Вымской школы II ступени с педагогическим уклоном. Впрочем, недостаток учителей ощущался по всей стране. Журнал «Народное просвещение» в середине 1920-х гг. отмечал, что выпускается слишком небольшое количество подготовленных школьных работников. К началу 1930-х гг. нехватка учителей по-прежнему ощущалась, и ощущалась довольно остро.

Не устраивало власти и положение, сложившееся с квалификацией педагогов. Инспектора Наркомпроса, посещавшие в первой половине 1920-х гг. сельские школы автономии, указывали, что знания школьных работников даже в общеобразовательном плане, не говоря уже о специальной педагогической подготовке, недостаточны. Значительная часть учителей была не в состоянии «выделиться от грамотного крестьянина» (во многом это было обусловлено и тем, что многие педагоги были вынуждены поправлять свое материальное положение сельскохозяйственным трудом) [25]. Это заставило вновь обратиться к организации курсов. Причем требования об их открытии шли снизу, от учителей, которые осознавали недостаточность своих знаний. В 1925 г. почти 100% учителей Коми края прошло переподготовку. Однако организация курсов была делом дорогостоящим и не давала нужного эффекта.

Тем не менее, работа педтехникумов и курсов все же способствовала некоторому повышению уровня подготовки коми учителей. В 1926 г. инспектор Наркомпроса РСФСР отмечал, что положение с подготовкой учительских кадров в автономии «весьма улучшилось» [26].

Но и к концу 1920-х гг. далеко не все проблемы подготовки учителей удалось решить, слабыми оставались методические и даже общеобразовательные знания школьных работников. В Коми области до 75% учителей не имело специальной педподготовки.

Между тем, взятый с конца 1920-х гг. курс на форсированное строительство социалистического общества требовал быстрого проведения индустриализации и модернизации сельского хозяйства. И власти при осуществлении этого курса столкнулись с острой нехваткой квалифицированных рабочих. Во многом такая ситуация объяснялась неэффективной школьной политикой 1920-х гг., поиском новой, социалистической школы. Этот процесс сопровождался непродуманными педагогическими экспериментами, падением авторитета учителя. И в итоге, заметным снижением уровня знаний выпускников советских школ. В условиях модернизации и расширения экономики такое положение не могло устраивать власти. В 1930-е гг. была проведена сравнительно эффективная сталинская школьная реформа, отличавшаяся завидным прагматизмом и приведшая к серьезному улучшению знаний советских школьников. По многим направлениям она фактически означала возвращение к традициям старой, дореволюционной русской школы. Не могла она и не привести к значительным изменениям в положении учительства.

Но эти перемены не затронули идеологическую составляющую образования. Поэтому политическое давление на учительство продолжалось и в 1930-е гг., так как власти были заинтересованы в идеологической поддержке проходивших в стране процессов. Это выразилось как в усилении работы по политическому воспитанию учителей (организация курсов по

изучению истории ВКП(б), социалистическое соревнование и т.п.), так и в еще большем вовлечении школьных работников в агитационную деятельность. Для ведения работы по марксистско-ленинскому воспитанию педагогических кадров, которому власти придавали большое значение, культотдел ЦК профсоюза работников просвещения еще в конце 1920-х гг. разработал систему политического просвещения педагогических работников. Она строилась на сети партийного просвещения (совпартшколы, кружки и т.п.) и основывалась на программах партпросвещения. При совпартшколах было предусмотрено проведение консультаций для учительства.

Подобная система действовала и в Коми автономии, где власти, как и в целом по стране, одной из основных задач работы среди учителей считали повышение их идейно-политического уровня, «овладение большевизмом». Для работников райкомов ВКП(б), действующих среди школьных работников, главным было «политическое воспитание учительства», но, как считал в конце 1930-х гг. Коми обком партии, «райкомы эту задачу до сих пор не решили» [27]. О том, какое значение придавалось этой деятельности, говорил тот факт, что в характеристике школьного работника важнейшее место отводилось тому, как учитель повышает свой идейный уровень.

Однако идеологической работе среди учителей весьма препятствовал низкий общеобразовательный уровень педагогического персонала, его нежелание заниматься политикой. Например, в Коми крае большинство учителей не читало газет, журналов (в некоторых районах до 80% учителей не выписывало никакой прессы), не владело даже минимальными политическими знаниями. Некоторые учителя в середине 1930-х гг. не знали, кто такие Ленин, Сталин, Гитлер, стахановцы, не могли ответить на вопрос, где работает Молотов, Каганович, ничего не слышали о фашистах, не отличали Октябрьскую революцию от Февральской и т.п. Даже преподаватели истории, которые, казалось, должны были быть особо искушенными в политической жизни, не имели представления даже о громких международных событиях. В то время, когда во всех газетах писали о гражданской войне в Испании, на вопрос, что происходит в Испании, они отвечали: Испания воюет с Японией [28]. Эти примеры, которые были отнюдь не исключением, свидетельствовали о недопустимо низком политическом развитии педагогов. И, конечно, говорить о значительных успехах агитационной работы силами такого учительства вряд ли возможно.

Кроме того, и сами педагоги не горели желанием выступать в роли пропагандистов. Многие из них вообще старались не касаться политики. Некоторые из них так прямо и говорили: «Я преподаватель, а не педагог, мое дело читать лекции, а не воспитывать людей, я не милиционер». Причем именно учителя со стажем откровенно сторонились общественной работы. Вероятно, преподаватели, поработав, начинали понимать, что

общественные нагрузки отрицательно сказываются на профессиональной деятельности и начинали отходить от общественных дел. Впрочем, и сами местные власти, понимая, что школьные педагоги имеют чрезмерную нагрузку, старались не перегружать их общественной работой [29].

Тем не менее, безразличие к пропагандистской работе не свидетельствовало о политической нелояльности учителей (хотя именно так оно нередко оценивалось властями). В целом педагоги в 1930-е гг. не проявляли какой-либо враждебности по отношению к действиям властей.

Но власти были постоянно неудовлетворенны настроениями в учительской среде. В конце 30-х гг. в отчетах различных ведомств Коми АССР даже стали встречаться высказывания о том, что «в учительской среде большим злом является наличие политической беспечности ... имеет большое место мелкобуржуазная расхлябанность, несоблюдение твердой государственной дисциплины» [30]. Возможно, поэтому коми педагогов не обошла волна репрессий конца 1930-х гг. Из школ автономии тогда было уволено до 10% работников. Правда, надо сказать, что репрессии выразились в основном только в увольнениях, более жесткие меры не применялись. Недовольство властей отразилось прежде всего на руководящих кадрах народного образования, которые понесли во второй половине 1930-х гг. значительный урон. За 1934-1937 гг. в Коми автономии сменилось три заведующих и 24 инспектора областного ОНО, в районных отделах народного образования заведующие редко работали дольше года. Такие постоянные перестановки не способствовали стабильной деятельности образовательных структур. К тому же данные действия были ударом и по общему профессиональному уровню учительства. Власти быстро это осознали. Последнее привело к реабилитации части школьных работников: многие из них были восстановлены на работе. Партийно-государственные органы в конце 1930-х гг. заговорили о «перегибах» в отношении учителей. Так, на XV Коми областной партконференции (1938 г.) прозвучало: «В ходе большой разоблачительной работы местные партийные организации и райкомы ВКП(б) допустили большие перегибы, выразившиеся в огульном подходе к учительству, в массовом исключении и снятии учителей с учительской работы» [31]. Такой пересмотр позиции властей способствовал нормализации работы как школ, так и отделов народного образования в автономии.

В целом следует признать, что воздействие властей на учительство в идеологической области нельзя признать в полной мере успешным. Конечно, к концу 1930-х гг. учитель уже не был источником враждебного для большевиков влияния, как это было сразу после октября 1917 г. И в этом несомненная заслуга властей. Но учительская масса не стала, за некоторым исключением, и активным проводником новой идеологии. В учительской среде наблюдалась апатия к политическим вопросам, и то

участие в пропагандистской работе, которое принимали учителя, было во многом принудительным. Кроме того, основная часть школьных работников в силу недостаточности своей подготовки и не могла эффективно вести эту работу. Среди педагогов преобладали настроения политического равнодушия, а часто и полного непонимания происходящих политических событий. Это довольно выразительно проявилось в ходе обсуждения Сталинской конституции 1936 г., когда в Коми автономии значительное (порой более половины, так, в Сыктывдинском районе — около 100 чел. из 220) школьных работников-педагогов не приняло никакого участия в этом процессе. Некоторые учителя даже уходили прямо с собраний и сельских сходов, грозя вызвать неудовольствие местных властей [32].

Таким образом, учительство не стало активным проводником политической линии новой власти, по крайне мере в той степени, в какой властные структуры на это надеялись в начале 1920-х гг. И в этом относительная неудача работы Коммунистической партии среди школьных работников.

Во многом такая ситуация была результатом не только определенных недостатков работы властей в учительской среде, но и являлась следствием малоудовлетворительного материального положения работников народного образования.

Между тем объявленная культурная революция и всеобуч требовали усиленного развития народного просвещения, и значит, и учительских кадров. Это заставило руководство страны предпринять в конце 1920-х и 1930-е гг. ряд действий, направленных на улучшение положения школьных работников. Кроме того, средства, выделяемые на народное образование, заметно увеличились.

В начале 1930-х гг. власти обратили внимание на улучшение положения сельской педагогической интеллигенции. Это объяснялось кампанией всеобуча и необходимостью увеличения числа школ именно на селе. Работникам просвещения на селе был предоставлен ряд льгот: они были приравнены в снабжении промышленными товарами и продуктами питания к рабочим, им были предоставлены бесплатные квартиры с бесплатным отоплением и освещением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями. Был предусмотрен и ряд других мер, которые были направлены на улучшение материального положения учителей. Вскоре власти значительно повысили и заработную плату школьным работникам. В конце 1930-х гг. зарплата в народном образовании уже превышала ее средний уровень по промышленности. Хотя она в целом не была значительной, поэтому многие педагоги (даже института и техникумов) продолжали подрабатывать, значительно превышая нормы положенной нагрузки (порой в неделю проводя до 42 часов занятий), стремясь таким образом пополнить свой семейный бюджет. Нередко учителя в этих же целях не использовали свой отпуск (за неиспользованный отпуск полагалась компенсация).

Кроме того, нередко реализация мер по улучшению положения педагогических работников на местах была затруднена как игнорированием учительских нужд региональными властями, так и нехваткой финансовых ресурсов. Это приводило к задержкам зарплаты, невыполнению декларированных обязательств (например, в Коми автономии далеко не все учителя были обеспечены квартирами – их недоставало даже в столице). Задержка зарплаты учителям в Коми АССР весной 1937 г. составляла: за январь – 292 тыс. руб., за февраль – 437 тыс. руб., за март – 282 тыс. руб. Для республики это были весьма значительные цифры. З.В.Панев свидетельствует, что денег на зарплату учителям не хватало «по 3-4 месяца задерживалась ее выдача» [33]. Об остроте проблемы говорит и такой факт: изза несвоевременной выплаты жалованья некоторые работники народного образования даже не могли выкупить продукты питания по карточкам. И это несмотря на то, что о необходимости своевременной выплаты зарплаты учителям неоднократно говорилось в документах как центральных, так и местных государственно-партийных органов.

Конечно, это вело к недовольству педагогов, некоторые учителя порой открыто выражали неудовлетворение ситуацией в стране, даже на занятиях они говорили о том, что «в магазинах не стало ни хлеба, ни сахара, ни конфет» [34]. Порой эти факты истолковываются как наличие антисоветских настроений среди педагогов. Вряд ли это было действительно так, это были, скорее всего, сетования на обычные бытовые трудности.

Будучи не в состоянии справиться со всеми трудностями материального обеспечения педагогов, власти с конца 30-х гг. стали широко применять меры морального поощрения: награждение орденами, медалями, грамотами, снятие ограничений при приеме учителей в партию и т.п. Во многом это также отражало наметившийся в этот период переход к традициям дореволюционной школы. В Коми АССР, например, в 1939 г. целая группа учителей была награждена орденами и медалями. В частности, орденами Ленина были награждены: Н.С. Тимушева, учитель Усть-Куломской средней школы, и А.В. Другова, учитель из Сыктывкара; орденов Трудового Красного Знамени были удостоены учитель Объячевской школы А.Г. Лазарева, учитель Кирульской школы А.А. Кайдалова и педагог из Усть-Цильмы П.М. Жилина.

Однако к концу 1930-х гг. стало возможным говорить о реальном и довольно ощутимом улучшении материального положения педагогической интеллигенции. По воспоминаниям современников, школьные работники стали заметно лучше одеваться, питаться, учителя стали приобретать товары, свидетельствующие об определенной зажиточности — велосипеды, патефоны, наручные часы и т.п. Хотя, конечно, далеко не все учительские проблемы материального плана до конца были решены.

Напомним, что одним из толчков к улучшению материального поло-

жения школьных работников стала острая нехватка учителей. Проблему эту нельзя было решить без создания отлаженной системы подготовки педагогического персонала.

В начале 30-х гг. смена вектора советской образовательной политики, ориентация школы на получение учащимися общеобразовательных знаний привели к смещению акцентов в практике подготовки учителей. Большее внимание стало уделяться профессиональным знаниям.

Ведь низкая квалификация педагогических работников вела к серьезному падению авторитета школьного работника среди местного населения. Действительно, образ учителя начала 1930-х гг. был мало привлекателен. Даже в моральном плане педагог не мог быть примером для подражания: с мест нередки были жалобы на пьянство учителей, их «гуляния» с учащимися. Слабо подготовленные в профессиональном плане педагоги равнодушно смотрели на недостатки в работе школ, народном образовании в целом. Материальная необеспеченность учителей заставляла их уделять большее внимание собственному хозяйству (нельзя забывать, что подавляющее большинство коми учителей жило в деревне и имело свое хозяйство, бывшее серьезным подспорьем в материальном плане), нежели работе в школе [35]. Свою слабую педагогическую подготовку многие школьные работники возмещали силовыми методами: вели себя оскорбительно по отношению к учащимся, обзывали их, бросали в учеников мелом, книгами и т.п. По признанию руководителей отделов народного образования учителя в ряде школ были так плохи, что «просто калечили детей». Порой даже общеобразовательная подготовка преподавателей школ оставляла желать лучшего. Некоторые учителя не владели в достаточной степени русским языком, они совершали в диктантах до 70 (!) ошибок. З.В. Панев вспоминает, что когда среди учителей был проведен диктант («текст был средней трудности из рассказа Тургенева»), то педагоги сделали по 10-15, даже 25 ошибок. Ряд учителей не знал элементарных правил математики, не мог объяснить смену дня и ночи и т.п. [36].

Проблема нехватки квалифицированных учительских кадров еще более осложнилась, когда было начато проведение всеобуча. С ростом числа школ II ступени, повышением требований к уровню знаний выпускников (это было вызвано индустриализацией) остро встал вопрос об учителе с высшим образованием. Это вызвало пересмотр приоритетов в политике подготовки учителей и инициировало открытие педагогических вузов. Сеть педвузов в стране в 1930-е гг. резко выросла по сравнению с началом 1920-х гг. К концу 1930-х гг. – в 4,5 раза, а число студентов в них – в 17,8 раза. Конечно, это очень помогло в решении проблемы нехватки учительских кадров.

Не могли не коснуться эти перемены и Коми края. В 1932 г. был открыт Коми пединститут. Постепенно его деятельность стала принимать плано-

мерный характер. В 1933 г. пединститут, как и все педагогические вузы страны, перешел на четырехлетний срок учебы. Произошло обновление и расширение преподавательского состава. К 1937/38 учебному году в институте было уже 60 штатных преподавателей. Среди первых педагогов института надо назвать директора А.Ф.Богданова, профессоров А.Ю. Педдера, Я.Г. Чепигу, К.П. Архангельского, зав. кафедрой исторических наук Г.А. Старцева, зав. кафедрой языка и литературы В.Л. Лыткина, преподавателей Д.И. Шулепова, И.Л. Вахнина, В.А. Айбабина, А.С. Сидорова, И.В. Попова, М.П. Богомолова, А.С. Клочкова и др.

Власти проявляли определенную заботу о материальных нуждах преподавателей института: в 1932 г. профессорско-преподавательский состав был прикреплен к закрытым столовым и распределителям и получал улучшенный спецпаек [37]. Это было обычной практикой 1930-х гг., когда невозможность обеспечить всему населению высокий жизненный уровень приводила к созданию системы льгот для специалистов.

Одной из трудностей, с которыми столкнулся институт в первые годы, надо отметить набор студентов. Так, осенью 1933 г. на первый курс смогли принять только 67 чел. при плане 120. Причем, трудности с набором испытывал не только пединститут, но и другие педагогические учебные заведения. Во многом это было связано с непопулярностью учительской профессии. Объяснялось это, помимо других причин, и революционными настроениями, стремлением к быстрым переменам, что царила в советском обществе. Ведь профессию учителя не окружал ореол героизма, причастности к происходившим в стране переменам. Только после проведения определенных мер, направленных на повышение социального статуса учителя (широкая пропагандистская кампания, улучшение материального положения и т.п.) удалось выправить положение.

Тогда же укрепилась и материальная база института. Этому способствовала помощь центра. Центральные власти только на открытие вуза выделили 50 тыс. руб. Вскоре был построен новый учебный корпус и общежитие. Институт получил значительное количество лабораторного и учебного оборудования, количество книг в библиотеке выросло до 70 тыс. Бюджет института к концу 1930-х гг. был увеличен до 2,5 млн. руб. [38]. Улучшение материального положения Коми пединститута было связано с тем, что центральные органы власти стали обращать большее внимание на развитие высшего педагогического образования. На XVI съезде партии в 1934 г. И.В. Сталин заявил: «... педагогические ... факультеты все еще находятся у нас в загоне. Это большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства. С этим недостатком надо обязательно покончить» [39]. Естественно, после этих слов были предприняты шаги по улучшению положения педвузов. Коснулось это улучшение и КГПИ.

Развитие материальной базы Коми пединститута привело к увеличе-

нию количества студентов. К 1940 г. в КГПИ обучалось уже 800 чел. За период с 1932—1941 гг. он направил в школы автономии 400 педагогов с высшим образованием. Правда, уровень подготовки выпускников Коми пединститута нередко оставлял желать лучшего, как вследствие трудностей, связанных с начальным периодом становления института, так и потому что многие студенты в недостаточной степени владели русским языком, на котором велись занятия.

Да и сама обстановка в педагогических учебных заведениях сказывалась на подготовке учителей и тревожила власти. Не нравилось многое: что читали В.Савина, к тому времени уже репрессированного, ряд учащихся уговаривал своих товарищей не вступать в комсомол, «вели агитацию за Есенина», рассказывали политические анекдоты, прохладно относились к «общественно-полезным мероприятиям» (например, студенты одного из техникумов в 1937 г. не явились на торжественное заседание в день Красной Армии). Понятно почему, нередко настроения студентов характеризовались как «скверные». Власти объясняли «антипролетарское» поведение студенчества его «неудачным социальным составом» и слабой массово-политической работой. Но, наверное, было и вполне прозаическое объяснение - материальная неустроенность студентов. Даже питание учащихся было организовано неважно. Например, в большинстве педтехникумов в начале 1930-х гг. рацион питания составляла вода с капустой и хлеб (в лучшем случае – 500 грамм в день) [40]. И реально улучшить положение власти получили возможность только к концу 1930-х гг.

Для увеличения выпуска учителей, в 1930-е гг. в институте было организовано заочное обучение. В 1940 г. заочно обучалось около 400 учителей. Правда, явка на сессии заочников была крайне низкой (не более половины). Сложившаяся ситуация вызывала недовольство власти. В 1940 г. Наркомпрос Коми АССР оценил его как «отлынивание учительства». Но во многом такое положение объяснялось не нежеланием учиться, а невозможностью оторвать учителей (семейных людей, имеющих часто собственное хозяйство — особенно на селе) от домашних забот [41].

Кроме пединститута в автономии с 1934 г. функционировал Учительский институт, открыт рабфак. В 1939 г. создан Институт усовершенствования учителей, осуществлявший руководство переподготовкой педагогических кадров. Эти меры помогли улучшить ситуацию. В 1940 г. в автономии свыше 70% учителей имели высшее или среднее педагогическое образование. Конечно, нередко квалификация учителей еще вызывала недовольство как населения, так и властей. По-прежнему сохранялась и проблема текучести учительских кадров, даже в начале 1940-х гг. 2/3 коми учителей имели стаж работы менее пяти лет, что, конечно, не могло не сказываться на качестве их работы. Впрочем, схожая ситуация была и в других регионах страны [42]. Но все же положение, как мы видим, выправ-

лялось, прогресс в этом плане был уже налицо.

Нужно так же отметить, что власти вполне оправданно сделали ставку на подготовку учителей из местного населения: в педагогическом институте и техникумах до 90% студентов были коми. В результате, к 1940 г. в начальной школе края свыше 80% педагогов было коми, в неполной средней школе — около 80%, в средней школе — более 60% [43]. Таким образом, подавляющее большинство учителей в крае были местные. Это облегчало положение учителя в коми селе, способствовало закреплению учительских кадров, а значит, и стабильности состава педагогов.

Итак, в 1920-1930-е гг. жизнь коми учительства прошла в своем развитии три этапа. Первый – гражданская война и начало 1920-х гг., когда вследствие войны и снижения уровня жизни населения положение педагогической интеллигенции значительно ухудшилось. В этот промежуток времени власти пытались решить материальные проблемы учителей путем снабжения их продуктами питания, одеждой и т.п., что было оправданным в условиях обесценивания денег. Однако вследствие ограниченности возможностей властей, эти действия проблемы не снимали. Что касается подготовки школьных педагогов, то приоритетным направлением здесь было открытие краткосрочных курсов. Вызвано это было необходимостью как можно скорее привести в школу учителя, который поддерживал бы новую власть. Качество подготовки в этом случае было принесено в жертву быстроте. Второй – середина и конец 1920-х гг. Тогда, в силу проводимой жесткой финансовой политики, материальное положение педагогической интеллигенции оставалось весьма сложным. Власти пытались снять проблему посредством увеличения заработной платы учителей, но из-за финансовых затруднений это не дало заметных результатов. Кроме того, восстановление экономики требовало квалифицированных кадров, поэтому большое внимание обращалось и на профессиональную подготовку учителя. Она была сосредоточена в средних педагогических учебных заведениях. В целом к концу 1920-х гг. заметно пошатнувшееся материальное положение педагогов вкупе с падением уровня подготовки учителя и серьезным административным и идеологическим давлением властей на учительство привели к серьезному падению авторитета школьного работника (особенно это ощущалось на селе).

Третий – с конца 1920-х гг. В связи с всеобучем и резким увеличением числа школ II ступени и усилением внимания к качеству обучения началась массовая подготовка школьных работников с высшим образованием в пединститутах. Эта новая схема педобразования выигрывала в массовости подготовки педагогов. Она носила плановый и систематический характер. Однако качество профессиональной подготовки школьного работника хоть и улучшилось, но во многом все же не отвечало возросшим требованиям времени. Именно с конца 1920-х гг. были предприняты и решительные

действия по изменению материального положения педагогов. Это произошло вследствие усиления внимания властей к проблемам образования и улучшения финансирования школ. В этот период была не только повышена заработная плата учителям, но для них был введен целый ряд льгот материального характера. И хотя эти действия не сняли с повестки дня вопросы материального обеспечения педагогов, положение учителей, особенно в сравнении с другими слоями населения, стало относительно благополучным. Эти обстоятельства, соединенные с заметно повысившимся уровнем подготовки педагогических кадров и активной пропагандой властей, призванной поднять социальный статус педагога, привели к серьезному росту авторитета учителя среди населения.

Хотя в целом надо отметить, что вопросы, связанные с учительством: материальное положение, обеспеченность автономии учительскими кадрами – к началу 1940-х гг. во многом оставались нерешенными. Это объяснялось тем обстоятельством, что власти хоть и обращали свое внимание на проблемы народного образования и учительства в 1930-е гг., все же не могли их разрешить, оставаясь ограниченными в средствах, так как большая часть финансовых и материальных ресурсов страны шла на решение проблем индустриализации, а не на культурные и социальные нужды. И все же, несмотря на сохранение целого ряда трудностей, в 1920-е и 1930-е гг. власти сделали многое в решении вопросов интеллектуального и материального обеспечения образовательной системы страны. И это самым положительным образом сказалось на работе образовательных учреждений и жизни учительства.

Литература и источники

- 1. Мартынов В. Печорский край. СПб., 1905. С. 65, 72.
- 2. Подробнее о материальном положении учителя в дореволюционной России см.: Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история, 1995. № 1.
  - 3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 132.
  - 4. Известия ЦК РКП(б), 1921. № 34. С. 10.
- 5. Золотарев О.В. Политическая беспечность в учительской среде. Изменение политической позиции коми учительства в 1920–1930-е гг. // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. 5. С. 102.
- 6. Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссии. 1923–1924 гг. Новосибирск, 1991. С. 143.
  - 7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 366.
  - 8. Государственный архив РФ (далее ГАРФ). Ф. 5462. Оп. 1. Д. 46. Л. 19.
- 9. ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 1. Д. 46. Л. 7; Национальный архив РК (далее НАРК). Ф. 752. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
  - 10. НАРК. Ф. 752. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.
  - 11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 420.

- 12. Образование Коми Автономной области. Сборник документов. Сыктывкар, 1971. С. 47; НАРК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 6. Л. 95; Д. 98. Л. 7.
- 13. См.: ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 60. Л. 14; Народное образование в Северо-Двинской губернии. Великий Устюг, 1922. С. 119–120.
- 14. Подробнее о работе Коми ИНО см.: Золотарев О.В. Коми ИНО // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. Вып. 3. С. 274–280.
  - 15. ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 60. Л. 14.
  - 16. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 142. Л. 168; Д. 143. Л. 64.
  - 17. А.В.Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 290.
  - 18. Покровский М.Н. Избр. соч. М., 1967. Кн. 4. С. 503.
  - 19. Коми му, 1924. № 7–10. С. 91.
- 20. Народный комиссариат по просвещению. 1917 октябрь 1920. Краткий отчет. М., 1920. С. 8.
  - 21. А.В.Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 307.
- 22. Коми республиканский архив общественно-политических движений и формирований (далее КРГАОПДФ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 17; Ф. 70. Оп. 1. Д. 85. Л. 26; Ф. 353. Оп. 1. Д. 37. Л. 24.
  - 23. См.: Панев З.В. Вехи в пути. Сыктывкар, 2000. С. 259-260.
  - 24. За Новый Север, 1930. 7 окт.; НАРК. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
  - 25. НАРК. Ф. 148. Оп. 1. Д. 273. Л. 85об.
  - 26. Коми просвещенец, 1926. № 1. С. 63.
  - 27. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 64.
  - 28. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 16. Л. 10; Д. 42. Л. 3-4.
  - 29. НАРК. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 5а. Л. 3; Панев З.В. Указ соч. С. 263.
  - 30. Золотарев О.В. Политическая беспечность... С. 105.
  - 31. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Д. 64.
  - 32. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 103. Л. 11, 14.
  - 33. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 171; Панев З.В. Указ. соч. С. 277.
  - 34. НАРК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 27. Л. 120; Ф. 241. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.
- 35. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 105; Ф. 241. Оп. 1. Д. 42. Л. 3; Д. 43. Л. 43, 48; КРГАОПДФ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 508. Л. 12.
- 36. НАРК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 5. Л. 46; Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 64; За Новый Север, 1935. 16 мая; КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 164; Панев С.В. Указ. соч. С. 278.
  - 37. НАРК. Ф. 194. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
  - 38. Первенец высшей школы. Сыктывкар, 1982. С. 7, 24.
  - 39. Сталин И.В. Соч. М., 1953. Т. 13. С. 339.
- 40. НАРК. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 2. Л. 54об; Д. 1. Л. 146; Ф. 1541. Оп. 1. Д. 5а. Л. 3; КРГАОПДФ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 507. Л. 57–58.
  - 41. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 299. Л. 16; Д. 461. Л. 1–4.
- 42. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. С. 15; Культурное строительство СССР. М.; Л., 1940. С. 80.
  - 43. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 6. Л. 26об.

Р.Л.Попова

Из жизни семей служащих в годы войны

2006

На долю большинства семей в нашей Республике в годы Великой Отечественной войны выпали большие испытания. Хотя они находились в тылу, вдали от боевых действий, от фронта, не видели в лицо фашистских захватчиков и не ощутили на себе все ужасы «нового порядка», установленного немцами в оккупированных районах, им было очень нелегко. Мобилизация на войну мужчин, голод и холод, а затем потеря кормильцев и другие утраты — все это создавало не только материальные трудности, но и душевные страдания для жен, матерей, детей и стариков-родителей...

Моя одноклассница, Г.А.Бызова, пишет мне: «Многое уже забылось о

начале войны, но отчетливо помню тревожные, долгие гудки пароходов, плач женщин и детей... Казалось, что весь Сыктывкар пришел на пристань провожать мужчин на фронт. Я тогда провожала своего папу и друга Мишу Макагона. Боль и страх сжимали сердце, не давали дышать. Потом мы жили уже по-новому, по законам военного времени: очереди, карточки, скудные нормы питания, работа и работа, ожидание писем, бессонные ночи. Когда мы зимними вечерами с братом грелись на теплой печке и читали папины фронтовые письма, слезы катились по лицу, и мы их не вытирали. Отец мой вернулся с фронта совсем больным и еще дожил до дня Победы. А вот Миша не вернулся, погиб 18 августа 1943 г. под Тихвином. За две недели до гибели Миша написал мне стихотворение, которое я храню до сих пор.

«Если я не вернусь, дорогая, Нежным письмам твоим не внемля, Не подумай, что это другая ... Это значит – сырая земля!»

Участник Великой Отечественной войны, один из героев моей статьи Герман Кулаков, в 1980-е гг. написал в музей лесотехнического техникума: «Если каждый призыв молодежи в армию в мирное время был праздником, то мобилизация с первых дней войны была народным горем... Слезами провожали их родные и близкие» [1].

Автор стремится показать на примере нескольких семей города Сыктывкара тяжелую жизнь *интеллигенции и служащих* в годы войны, те трудности и лишения, которые им пришлось пережить.

1. Семья сотрудницы издательства Ю.А. Поповой

Ю.А.Попова была примечательная женщина с сильным характером. Дочь простых крестьян, она до революции успешно закончила Усть-Сысольскую женскую гимназию, работала переводчиком в редакции газеты «Вöрлэдзысь», писала рассказы и сказки для детей. В 1934 г. в семье произошла трагедия: муж бросил ее с двумя детьми и завел новую семью, Юстине Аверкиевне пришлось одной поднимать своих детей. Младшая дочь Нюта была моей одноклассницей, а сын Женя учился на три класса старше нас. Ничем особым не выделялся среди школьников, был тихим, скромным мальчиком, учился по-среднему. Он был хорошим спортсменом, сдал нормы на значок ГТО, а затем - на ворошиловского стрелка. Самостоятельно научился играть на мандолине (музыкальной школы в те годы в Сыктывкаре еще не было), своими руками смастерил маленькую балалайку и скрипку и подарил своим друзьям. По просьбе Улитина, проживавшего в соседнем доме, Женя взял шефство над его сыновьями, Володей и Стасиком, которые недавно потеряли мать. Как человек целеустремленный и организованный, он мог поставить себе задачу проснуться в определенное время, поэтому все соседи большого дома просили его разбудить в нужное для них время,

и он никому не отказывал – будил всех, кто просил. Главными чертами его характера были принципиальность и верность данному слову и долгу.

Закончив среднюю школу в 1937 г., Женя поступил на физико-математический факультет КГПИ. С первых дней он основательно увлекся математикой и у него именно тогда произошел перелом в отношении к учебе – после I курса Евгений по всем предметам учился только на отлично. В это же время он начал заниматься радиоделом, ходил в планерный кружок, изучал мотоцикл и автомашину, успешно сдал экзамены на права вождения ими.

Обучаясь на последнем курсе, Женя проходил педагогическую практику в СШ № 1 в нашем классе. Объяснял он четко и понятно, а мы с большим любопытством смотрели и слушали его, зная, что он брат нашей одноклассиины Нюты.

Перед началом войны Евгений закончил педагогический институт и его направили учителем математики и физики в Ыбскую среднюю школу Сыктывдинского района. Но работать ему почти не пришлось: 22 сентября 1941 г. его призвали в армию и после обучения в Архангельске направили в лыжный батальон, где назначили связным у командира роты.

Когда наступила весна, их подразделение сражалось в Карелии. За 12 дней до гибели Евгений написал домой коротенькое письмо на почтовой открытке, написал наспех, карандашом, чтобы успеть передать письмоносцу. И хотя прошло 62 года, все слова и буквы хорошо видны и читаются. Женя сообщил матери, что он получил автомат и сегодня ночью, наверно, они пойдут в решающий бой. При первой возможности он обещал написать домой, просил всем передавать приветы. Но больше писем от Жени не было. 3 мая 1942 г. Попов Евгений погиб в кровопролитных боях у местечка Кесьинги в Карелии.

Его сестра Анюта с отличием закончила среднюю школу и в годы войны обучалась, как и брат, на физико-математическом факультете КГПИ. Каждое лето, как и все студенты пединститута, работала на сплаве. Дома, как и везде, было холодно, приходилось топить две печки, дрова экономили, так как стоили они дорого и купить их было нелегко.

Юстина Аверкиевна не теряла связи с деревней – держала на квартире девушек, приехавших в город на учебу, а они частенько привозили из деревни картофель, грибы, ягоды, овощи, что стало большим подспорьем к продуктовым карточкам. В 1944 г. Анна Павловна Попова закончила институт и стала работать преподавателем математики в пединституте.

2. Семья фотографа Н.П. Кулакова

Семья у Н.П.Кулакова была большая: жена, пятеро детей (одна дочь умерла в середине 1930-х гг.) и мать жены Ирина Кузьмовна. Жили дружно в собственном двухэтажном доме, где на втором этаже размещались фото-

ателье и лаборатория. В начале 1930-х гг., опасаясь конфискации, Кулаков сдал свой дом государству и остался работать в фотоателье рядовым фотографом. Семья переехала на ул. Орджоникидзе в дом сестры Анны Платоновны, уехавшей с семьей в Архангельск. В августе 1937 г. Н.П.Кулаков был арестован, осужден по статье 58 п.10 и направлен в лагеря Локчимлага. В это же время были арестованы мужья его сестер (прокурор Михайлов и партийный работник Николаев), оба были расстреляны (реабилитированы посмертно). После ареста Кулакова его семья испытывала большие трудности. Жена Анна Васильевна устроилась на работу: она шила халаты для сотрудников детских садов и чехлы на решетку радиатора для автомашин. Кормильцем семьи стал старший сын Герман, который успешно закончил в 1938 г. лесотехнический техникум и работал в тресте «Комилес». Герман много лет занимался спортом, в 1937-1940 гг. был чемпионом Республики по лыжным гонкам на разных дистанциях - в его небольшой комнате все стены были увешаны дипломами и грамотами за участие в соревнованиях по разным видам спорта. Младший сын, Игорь, был моим одноклассником. Это был добрый, скромный и болезненный мальчик. После 7-го класса он оставил школу, чтобы работать, и стал профессиональным фотографом, как и его отец. Когда началась война, Герман не раз обращался в военкомат, он рвался на фронт. Но его долго не брали как сына «врага народа», и он это сильно переживал. В 1941 г. его призвали в армию и назначили инструктором по подготовке лыжников для фронта в олене-лыжном батальоне в Архангельском военном округе. 25 сентября в 1942 г., как хорошего мотоциклиста, Германа направили в танковую бригаду, во взвод разведки, в составе которой он воевал на Воронежском фронте, в Орловско-Курской битве и освобождал Украину [2]. В боях под Львовом Герман был ранен, и после лечения его демобилизовали. В Сыктывкар он вернулся в феврале 1945 г. инвалидом II группы, но несмотря на это ходил на лыжах и даже охотился на медведя. Герман был награжден двумя орденами «Красная звезда»; орденом «Боевого Красного Знамени» и медалью «За отвагу». Игорь служил на военном аэродроме под Москвой, однако вскоре его комиссовали по болезни (он болел бронхиальной астмой и не подлежал мобилизации!). Вернувшись в Сыктывкар, Игорь снова поступил на работу в одну из городских фотографий [3].

В годы войны младшая сестра Рита в период летних каникул вместе со своим классом работала на сплаве в Трехозерской запани, была бригадиром на сплотке. В 1944 г., закончив среднюю школу, она с несколькими школьными подругами поступила в Воронежский технологический институт, который временно располагался в соседнем поселке Рамонь. Вскоре к ней приехал брат Игорь. В 1943 г. освободился из заключения отец, устроился на работу фотографом в Коми филиал Академии наук. Николай Платонович, продрогший за долгие холодные зимы в лагере Локчимлага, мечтал

о юге, тепле, солнце и цветах. Вот тогда Кулаковы решили всей семьей переехать в поселок Рамонь к дочери Рите. Николай Платонович до последних дней работал фотографом в Воронежском технологическом институте, посвятив любимому делу более 40 лет. После окончания института, Рита вскоре вышла замуж за детского писателя Погодина и переехала жить в Ленинград.

3. Семья работника издательства С.С.Попова

Степан Семенович Попов всю жизнь работал в Коми издательстве. Много лет подряд он был выпускающим газет «За новый Север»; «Вöрлэдзысь», а затем «Красное знамя». В их семье были жена, Александра Павловна, трое детей и мать жены, Анна Ивановна. В 1930-е гг. муж Анны Ивановны, Клыков Павел Алексеевич, был незаконно осужден и расстрелян, сын Иван сидел в лагере «за разговоры о войне», дом был национализирован, поэтому она стала жить в семье дочери [4].

В 1941 г. С.С.Попова мобилизовали в армию, но из-за возраста (1893 года рождения) он был направлен в войска МВД, в охрану заключенных в лагере Верхний Чов. Степан Семенович - человек предприимчивый, рыбак и охотник. Он разобрал баньку в заброшенной усадьбе Синцовых и построил маленький домик вне зоны лагеря, где его могла навещать семья. В свободное от дежурства время занимался охотой и рыбной ловлей, обеспечивал семью мясом и рыбой. Около их дома был большой огород и ягодник. поэтому семья в основном была неплохо обеспечена продуктами питания. Александра Павловна работала секретарем у следователя П.Ф.Кудинова, сын и две дочери учились в средней школе № 1. В годы войны семью Поповых постигла новая беда. Их сын Леня, как и отец, любил рыбалку. Летом 1943 г. в охотничьей избушке были зарублены Леня и его товарищ Шатровский, с которым он рыбачил в Трехозерке. Трупы мальчиков преступник бросил в озеро. Мать Александра Павловна вместе с бабушкой, Шатровскими и соседями, а потом к ним присоединился и отец, разыскивали несколько дней мальчиков и тяжело переживали эту утрату. После окончания войны С.С.Попова демобилизовали, и он вернулся на работу в издательство. Дочери Тамара и Ира закончили среднюю школу, а затем исторический факультет КГПИ. Они удачно вышли замуж и жили счастливо. Александра Павловна была приветливой, хлебосольной хозяйкой, любила гостей и всегда помогала нуждающимся родственникам и подругам.

4. Семья И.В. Попова – преподавателя КГПИ

И.В.Попов — старший брат моего отца, с 1932 г. работал преподавателем химии в Коми государственном педагогическом институте. С 1940 г. он — заведующий кафедрой химии, доцент. Жена Фелицата Павловна была

преподавателем биологии в педучилище, сыновья учились в мужской средней школе № 12. С ними жила мать Ивана Васильевича, Ульяна Георгиевна. Студенты очень любили и уважали Ивана Васильевича за отличные лекции, эрудицию и доброту. Иван Васильевич в годы войны наладил в лаборатории химического факультета производство соляной кислоты из поваренной соли, кислота была нужна МТС для паяльных работ при ремонте сельскохозяйственной техники и автомашин [5]. Кроме того, со студентами они изготовляли приборы для химических кабинетов средних и семилетних школ республики. Научную деятельность кафедры химии он направил в помощь школам по разработке проблем школьной методики [6]. Иван Васильевич получал продуктовую карточку специалиста, был прикреплен к институтской столовой. Младший сын Павел занимался в кружке овощеводов на Республиканской станции юных натуралистов. Работы было много, ставили разные опыты, добивались высоких урожаев. Зато урожай овощей, выращенный на опытных делянках, осенью после выставки урожая и подведения итогов распределялся между кружковцами. Павел приносил домой более 30 килограммов различных овощей, что было подспорьем для семьи в добавок к тем овощам, заботливо выращенным в огородике у дома. Старший сын Олег, обучавшийся в мужской средней школе № 12, в годы войны вместе с одноклассниками работал на сплаве, в Лесозаводе, на строительстве и т.д.

Когда у Ивана Васильевича начали болеть спина и ноги, ему стало трудно ходить в пединститут, он приезжал на занятия на такси. Студенты встречали и провожали его, помогали спускаться и подниматься по лестницам. Но после войны ему стало хуже, он не мог уже выходить из дома, и тогда студенты, как рассказывала Дуркина Александра Ивановна, бывший директор Ухтинской школы-интерната № 1 (ныне № 5), ездили на лекции к нему домой.

В 1946 г. старший сын Олег с золотой медалью закончил среднюю школу № 12 и уехал учиться в Ленинград в оптический институт имени академика Вавилова.

5. Семья сестры отца Т.В. Поповой – Федяковой

Татьяна Васильевна — старшая сестра моего отца, вместе с сыном Борисом жили в доме нашего деда. В 1930-х гг. Татьяна Васильевна познакомилась и вышла замуж за вдовца Федякова, у которого была дочь Шура, она на несколько лет была старше нас. Федяков был каким-то крупным работником в системе Локчимлага. Теперь они жили в большом новом одноэтажном доме внутри квартала на углу улиц Советская и Куратова, жили хорошо, трудностей не испытывали. После окончания школы Шура и Борис уехали в Ленинград и поступили учиться в институты, где их застала война и блокада. Зимой 1941–1942 гг. Борис умер от исто-

щения, а дочь Федякова, Шуру, в тяжелом состоянии вывезли из Ленинграда по «дороге жизни» на большую землю и она выздоровела. Семья Федяковых оказалась совсем непрочной. Через несколько лет Федяков оставил Татьяну Васильевну и ушел к молодой женщине. Его дочь Шура не простила отца и осталась жить с мачехой, Татьяной Васильевной, которая заменила ей и родную мать, и отца. В 1950-х гг. Татьяна Васильевна с семьей дочери выехала в Казахстан на освоение целинных земель, но она не забывала родной город, несколько раз приезжала в Сыктывкар и навещала всех родственников.

6. Семья моего отца Л.В. Попова

Наша семья была небольшая: отец, мама – Анна Петровна и трое детей. В 1929 г. мы переехали из дедовского дома (ул. Кирова, 5) в дом нашей матери, который ей передали родители после смерти холостых сыновей, построивших дом рядом с родительским в местечке Кодзвиль. В 1930-е гг. комиссия по чистке советского аппарата дважды увольняла отца под разными предлогами с работы в Коми издательстве, но народный суд оба раза восстановил его. После второго увольнения и восстановления отец навсегда порвал с издательством и перешел на должность бухгалтераревизора в Управлении связи Коми АССР [7]. В канун войны, зимой 1940-1941 гг. он приезжал с ревизией в Ухту и случайно встретил на улице главного бухгалтера ГОРОНО Агнию Степановну Модянову, которую он когда-то вырастил, выпестовал из кассира-счетовода до главного бухгалтера Коми издательства. Встреча обрадовала их и они надолго сохранили теплые воспоминания о годах сотрудничества и об этой встрече. Заработная плата v отца в те годы была небольшая. Но он был хороший охотник и рыбак, поэтому семья до ухода отца на фронт не испытывала недостатка в дичи и рыбе. Кроме того, отец подрабатывал тем, что накануне революционных праздников вместе с братом Филиппом писал плакаты и лозунги, это давало в бюджет семьи дополнительно 20-25 руб. Хуже обстояло дело с промышленными товарами: бельем, одеждой и обувью. В начале 1930-х гг., когда было голодно в нашем крае, горожане лишились сенокосных участков. Родители сначала забили нашу кормилицу-корову, которую мама любовно называла «Сераюркой». Затем очередь дошла и до маминого приданного. Многие годы оно хранилось в большом нарядном сундуке, стоявшем в комнате рядом с печкой. Родители постепенно обменяли вещи на продукты питания. Сохранились только два нарядных платья, костюм, юбка и репсовый платок – такой, какие хранятся в сундуках у устьцилемок. Все эти «богатства» мама перешила сначала мне, а потом млалшей сестре. Помнится, что в старших классах школы, а потом в институте в начале войны весной и летом я ходила в парусиновых туфлях: одни из них, коричневые, были комбинированными, с кожаным носком, а вторые - черные с ремешком - я покрасила масляной краской и они выглядели как кожаные (!). Недаром говорят: «голь на выдумки хитра».

Мама, Анна Петровна, до войны не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Как активную родительницу ее избрали в общешкольный родительский комитет средней школы № 1, где она проводила большую работу и поэтому пользовалась всеобщим уважением. А мы, дети, своей учебой и поведением не подводили ее.

В декабре 1941 г., несмотря на бронь Управления связи, отца мобилизовали в армию, он воевал в составе 29-й стрелковой дивизии на Западном и Белорусском фронтах до конца войны [8]. В феврале 1942 г. он получил тяжелое ранение в ногу, после операции несколько месяцев лечился в Костромском военном госпитале. Из госпиталя он написал несколько писем, отрывки из которых представляют большой интерес: «К фронтовой обстановке быстро привык и впоследствии всякая стрельба у меня никакого страха или боязни не вызывала»...; «уметь применяться на местности имеет здесь на фронте большое значение, что у меня как охотника давно жизненно внедрилось»...; «В госпитале очень много больных с обморожениями, не имеющих никаких ранений, не могу понять, как можно обморозить руки или ноги. Я, иногда, не спавши по двое-трое суток, засыпал стоя на ходу. А поспать в 40-градусный мороз, окопавшись в снегу или около худенького огонька, бывало большим счастьем. И я никогда ничего не обморозил». И вот еще одни оптимистические строчки, в которых видна вера в победу: «В мае месяце опять буду на фронте, опять будем бить немцев. Хорошо было бы поскорее кончить с ними и вернуться домой с победой. Они, наверное, подготавливаются к новому наступлению. Но ничего, в мае уже будет тепло, не то что зимой. Если бы у нас было больше авиации, танков и минометов, то от немцев давно остались бы одни потроха. Должен сказать, что немцы против нас большие трусы» [9].

Брата Филиппа, только что закончившего 9-й класс и работавшего все лето на сплаве в Слободском рейде, призвали в армию осенью 1942 г. Вскоре пришло от него письмо и мы узнали, что он попал в морскую пехоту, находится в Мурманской области на полуострове Рыбачьем. Узнав, что новичок хорошо чертит и рисует, командование направило его в штаб, где ему приходилось не только чертить, но и быть в разведке вдоль линии фронта, чтобы нанести на карту огневые точки и опорные пункты противника, чертить карты и планы местности для предстоящих боев. Фашистские войска упорно штурмовали Рыбачий, но героическая защита полуострова войсковыми соединениями и морской пехотой сорвала их планы — фашисты не продвинулись здесь ни на шаг.

Мама устроилась продавцом в газетный киоск Управления связи. Несмотря на возраст (ей было больше 46 лет) и слабое здоровье, Горком КПСС в осеннее время несколько раз направлял ее на сплавные работы, что основательно подорвало ее здоровье.

Младшая сестра училась в школе, я занималась на историческом

факультете Коми государственного педагогического института, одновременно заведовала историческим кабинетом нашего факультета. Зимой в институте мы не раздевались, сидели в аудиториях в пальто и шубах, своим дыханием согревали чернильницы, чтобы записывать лекции. Как только весной заканчивались экзамены, всех студентов направляли на сплав, работали мы каждое лето в разных местах: в Слободском рейде (1942 г.); в Трехозерской запани (1943 г.); на Сыктывкарском лесозаводе (1944 г.); каравановке (1945 г.). 30 сентября нас отпускали домой и на следующий день, 1 октября, у нас начинались учебные занятия в институте. Так мы провели без отдыха четыре лета, трудились по 10-12 часов в сутки, вносили свой, хоть и небольшой, вклад в приближение победы над врагом.

Нашим младшим братьям и сестрам в эти годы было еще труднее. Кроме легкой работы — сбор колосков, прополка сорняка, уборка урожая овощных, им приходилось заготавливать топливо для школы. Зимой по берегу реки искали замерзшие бревна, вырубали их из льда, пилили и тащили чурбаки на санках в гору, часто со слезами на глазах, надрываясь на подъеме, перегружая их по несколько раз [10].

Дома у нас тоже было холодно, да еще и голодно — ведь нормы питания по карточкам были маленькие. Пойдешь бывало в магазин за хлебом, несешь небольшую часть буханки черного хлеба и думаешь только, как бы съесть хоть небольшой кусочек. Да нельзя..., дома ждут такие же полуголодные мама и сестра. Всю войну я мечтала о том времени, когда можно будет поесть досыта хлеба! Вспоминается мне такой случай. Однажды моя преподавательница истории средних веков Михайлова Клавдия Георгиевна пригласила меня на ужин, сказав, что у нее сегодня будут котлеты из картофельных очистков, которые ей дали в институтской столовой. Я, конечно, пошла к ней, мы ели котлеты вместе с ее детьми и похваливали. Представьте, котлеты из очистков были очень вкусные!

Наш дом постепенно наполнялся людьми, депортированными из Польши и Прибалтики: жили две семьи, одинокий художник и еще одна русская женщина, эвакуированная из западных районов. Все они, кроме художника, устроились и питались хорошо. А мы с мамой и сестрой разделали целину во дворе, посадили картофель глазками и как-то прожили трудные годы. Похудевшие, но радостные, веселые встретили День Победы — 9 мая!

Это был замечательный, солнечный день, когда весь город вышел на улицы, и он запомнился на всю жизнь! Вскоре вернулся домой отец, а брата демобилизовали только в 1947 г. Он устроился учителем черчения и рисования в родную школу № 1 и одновременно заканчивал 10-й класс в школе рабочей молодежи. Началась мирная жизнь. Через год после войны (1946 г.) я закончила пединститут и поехала учителем истории в Усть-Цилемскую среднюю школу, где и началась моя преподавательская деятельность.

Можно подвести итог в небольшой таблице, отразив в ней по составу

семей и участие в войне.

Все эти семьи выдержали тяжелые испытания и трудности военного времени. Хотя они нередко голодали, мерзли зимой в холодных, плохо натопленных домах, летом по 10-12 часов работали на сплаве и сплотке древесины — они верили в победу нашего народа над фашистами и

, T.				)			
пр	Вопросы для сравнения	Ю.А.По-	Н.П.Ку- лаков	С.С.По-	И.В.По- пов	Т.В. По- пова- Федякова	Л.В.По- пов
	Родители	1	rumepam	2.	~~очники~~ .	2	2
	Дети Музеи У Г	~~)Л, фо~~ нд 1	.Н.Қулак	ова. _З Авто	биотрафи	я. 2	3
	Бабушки же.	_	1	1	1_	_	
	~~Дети~~ Архива Род. I	Іоповой. І	Іисьмо М	.Н.Кулак	вой-Пого	диной, ян	арь 2005 г
	л4нПоповаиРиЛ	. «Р ұ кой	показал -	- ведут н	а ракстр	ел» /∠ Крас	евед ∉ ние н
Pe	сиубликеВЮми.	Сыктывкар	, 2004. C	116-120	[		
	Вэрерарына Р.Л.	Поповой. 1	Воспомин	ания_докт	ора <u>с</u> ельс	кохозяйств	енных науг
И.	вфранте _{вой}	•			_		
	Из них ранены	. Догиб за	OTHA B	этвете» /	Вечени	~~ій Сыктыв~~	кар. ¹ 1991
12	Служили в марта охране МВД	_	_	1	- 1	1	-
	Погиоли вка Ком	ии издател	ьства №	167 от се	нтября 19	84 г.	
	г8ло Са правка Вос	нкомата г	Сыктывн	apa,− №	4/96 ⁻ от 2	3.01.1 ⁹ 90 г	_
	РЯбоАфиива Р.Л.Г	Іоповой –	письма от	ца от 194	2 г.		3
	сфФавРассказ бы	вшей учит	ельницы и	стории С	Ш № 3	Е.А.Худя	вой.
	Репрекциоовании.	Н.Кулаков	ой-Пфгод	иной рас	сказы АР.Р	Р. Поновой е	САОВ АМ Б ДЯ
но	войстредяны	-	2	1	судим в 1	918, 1919, 19	23 гг.

Повседневная жизнь Коми края

2006 Вып. 1

Фронтовые письма Великой Отечественной войны (по материалам Национального музея Республики Коми)

Фронтовые письма Великой Отечественной войны находятся во многих районных и городских музеях республики, частных коллекциях, уникальной коллекцией писем располагает Национальный музей Республики Коми.

Как отмечает И.Ю.Моисеева, «большая часть указанных писем музейного собрания была обработана, подготовлена к публикации Э.В.Роттэ и вошла в сборник «Фронтовые письма» [1]. Значение этого сборника [2], на наш взгляд, трудно переоценить, так как были расширены возможности анализа и осмысления содержания писем исследователями. Содержание писем использовалось историками для раскрытия таких вопросов, как образ войны, фронтовой быт, ратные подвиги воинов Коми АССР [3]. На наш взгляд, определенный интерес представляет не только содержание писем, но и их внешнее (художественное оформление), которое и является предПисьма с фронта писались на почтовых карточках (открытках), на листах бумаги, специально оформленных, и просто на бумаге. Большое распространение получили обыкновенные почтовые карточки, не содержащие каких-либо изображений, на одной стороне писались адреса получателя и отправителя, на другой — само содержание письма. Примерно такого же формата использовались почтовые карточки и в годы Первой мировой войны.

Особый интерес вызывают открытки, которые были художественно оформлены. В.В.Шлеев и Э.Б.Файнштейн отмечали, что «новым, своеобразным этапом развития советской художественной открытки был период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Открыток выходило очень много, потребность в них была большая, и, если в связи с военными условиями значительно снизилось полиграфическое качество исполнения, то зато каждую открытку тех лет характеризовало яркое патриотическое содержание» [4].

В годы войны некоторые иллюстрированные открытки были подготовлены государственным издательством «Искусство». Так, например, открытка, автором которой был художник Д.Мочальский, была отпечатана тиражом 200 тыс. экземпляров в Москве в первой образцовой типографии треста «Полиграфкнига». На ней были изображены всадники, мчащиеся вперед с поднятыми саблями, и трупы немцев. Надпись на карточке гласила: «Никакой пощады немецким оккупантам». К этому же ряду следует отнести и почтовую карточку с изображением небольшой группы людей на конях; возможно, это разведчики (автор — художник В.Курдов, отпечатана в полиграфмастерской Ленинградского Союза советских художников).

На почтовых карточках, отправляемых фронтовиками домой накануне Нового года, была надпись «Новогодний привет с фронта». В оформлении открыток в 1944 г., наряду с изображениями воинов, боевой техники появляются надписи «Смерть немецким оккупантам» и «Вперед к победе».

В годы войны уделялось внимание и оформлению бумаги, предназначенной для написания писем. Оформление было разным, лист для воинского письма мог содержать только лозунги и призывы, лозунги и рисунки, связанные с очередной годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции, годовщиной Красной армии, встречей Нового года и Первого мая.

В годы Великой Отечественной войны огромную вдохновляющую роль сыграло учреждение орденов в честь великих русских военноначальников — А.Невского, А.Суворова, М.Кутузова (июль 1942 г.), позднее — ордена Б.Хмельницкого (октябрь 1943 г.), орденов и медалей Ф.Ушакова и П.Нахимова (март 1944 г.). Изображения этих военноначальников и других

исторических лиц, связанных с защитой Отечества, появились на листах для писем. Обычно под изображенными портретами приводились слова Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова».

Как и в годы Первой мировой войны, востребованным оказался образ казака, если тогда «казаки стали главными фигурами, воплощавшими народный патриотизм, ...в газетах и дешевой литературе без конца повторялись истории о подвигах казаков» [5], то в оформлении фронтовых писем Великой Отечественной войны они были представлены наряду с представителями других родов войск.

Иногда на бумаге для фронтовых писем были изображения самолетов, танков, воинов, идущих в бой. Приводились стихи, в которых звучал призыв убить захватчика-врага, отомстить за смерть близких и говорилось о неизбежной победе.

Мы понимаем, что нам удалось выявить лишь небольшую часть той многочисленной и разнообразной продукции, которая была выпущена в годы войны массовыми тиражами и использовалась фронтовиками для написания писем, но и она позволяет получить определенное представление о влиянии войны на все стороны жизни воюющих стран, в том числе и на их культуру.

Одна из задач идеологического воздействия на население страны в годы Великой Отечественной войны заключалась в укреплении патриотизма, воздействие осуществлялось с помощью рисунка, слова, лозунга. В ходе войны был сформирован заказ на тематику оформления фронтовых писем. На почтовых карточках и листах для писем были представлены фактически все виды войск — танкисты, пехота, летчики, казаки, разведчики и разнообразная боевая техника, отражен союз тыла и фронта, показана преемственность защиты Отечества в прошлом и в годы Великой Отечественной войны.

Художественное оформление почтовых карточек и листов для писем способствовало развитию патриотизма советского народа, в определенной степени вдохновляло воинов на боевые подвиги, укрепляло веру в неизбежную победу.

Литература и источники

- 1. Моисеева И.Ю. «Человек на войне» в солдатских письмах (по материалам фронтовых писем 1941–1945 гг.) // Человек и война XX век: Проблемы изучения и преподавания в курсах Отечественной истории. Омск, 2002. С. 36.
  - 2. Фронтовые письма 1941-1945. Сыктывкар, 1995.
- 3. Моисеева И.Ю. «Человек на войне» в солдатских письмах (по материалам фронтовых писем 1941–1945 гг.) // Человек и война XX век: Проблемы изучения и преподавания в курсах Отечественной истории. Омск, 2002; Она же. Человек

на войне: к вопросу о гендере в маргинальных средах // Гендерная теория и историческое значение. Сыктывкар, 2004; Бондаренко О.Б., Хорунжая Т.М. Фронтовой быт (по материалам сборника «Фронтовые письма 1941–1945 гг.) // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (ХІ – начало ХХ века). Сыктывкар, 2005. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 3); Турубанов А.Н., Митюшев Е.Е. Ратные подвиги воинов Коми АССР // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 444.

- 4. Шлеев В.В. и Файнштейн Э.Б. Художественные открытки и их собирание. М., 1960. С. 16.
- 5. Коновалов В.С., Кирьянов Ю.И. Рецензия на работу Х.Яана «Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны» // Отечественная история, 1998. № 4. С. 187.

Выт. 1 2006

«Экономические примечания к Генеральному межеванию» о жизни крестьян и рабочих Коми края

Публикуемые фрагменты «Экономических примечаний к Генеральному межеванию», проведенному в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии в 1784 г., в Орловском уезде Вятской губернии — в 1853 г., содержат интересные сведения об устройстве сысольских чугунолитейных и железоделательных заводов, о существовавших населенных пунктах и их местоположении, занятиях крестьян, природных условиях края.

1. Сысольские заводы в 1784 году.

«Нювчимский железной завод, владение санктпетербургских купцов и заводчиков Архипа и Гаврилы Михайловых детей Грибановых..., положение имеет по обе стороны речки Нювчемы против устья впадающего в оную речки Денгели, ис коих и составляется немалой обширности пруд. В том заводе церковь деревянная во имя святого страстотерпца Димитрия..., дом для приказщиков и приезжающих разных чинов людей». «...Домна для переплавки из руды чугуна кирпичная одна, в ней горн и труба из белого камня. И во время деланья чугуна выплавливается неравно, потому, есть ли в наличности... достаточно руды, ...то может выплавлять до шестидесяти тысяч пудов в год. И каждый пуд у онаго завода обходится штыковой на передел в железо и в разных литых... вещах, а равно для корабельного грузу боласт (балласт - Авт.) от тридцати и до тридцати одной копейки, с коего платится в государственную казну по 4 с пуда каждый год...» «Молотовых фабрик по деланию из чугуна железа деревянных две. В них горнов кирпичных десять, вододействуемых молотов шесть, при действии которых выковывается из чугуна железо разных сортов неравномерно от девяти и до десяти тысяч пуд. Ценою оное обходится заводу от шестидесяти трех и до шестидесяти осьми копеек пуд. В продаже производится при заводе и при Архангельском порте от семидесяти пяти и до девяноста копеек, боласт от сорока пяти до пятидесяти и шестидесяти копеек каждый пуд, которое отправляют к означенному порту вешним временем водою от состоящей от заводу в 4 верстах... на реке Сысолы пристани барками». «На реке Нювчемке близ молотовых фабрик построена мукомольная мельница..., действие имеет не во весь год, а в некоторое оного время переработанною от фабрик водою, на которой смелится в год разного для употребления хлеба четвертей тысяч до трех». «Работа производится разными мастеровыми, как собственными заводчиков Грибановых людьми, так и вольнонаемными... При действии домны, фабрик, при рубки и зжении уголья, при добычи руд бывает человек до двухсот и более, коими... заводу всякие материалы заготавливаются добровольно. Ценами за сделания из чугуна железа платится работникам по шести копеек с половиною, от якорей по тридцати копеек с пуда, а за протчие работы от восьми и до двенадцати копеек в день каждому человеку». «В показанных речках ловится рыба: щуки, налимы, харьюсы, плотва, уклеи, пискари, ерши... В них вода для употребления людям и скоту здорова...» «Лес растет строевой и дровяной... Находящиеся же при том заводе разные мастеровые люди довольствуются хлебом и съясными припасами из города Усть-Сысольска, а равно покупают и на заводе у хозяев из могозеев по сходной цене».

«Нючпанский железной завод с пятью рудными местами, владение заводчиков великоустюжских купцов Ивана Яковлева сына Курочкина и Олександра Федорова сына Юринского, ...положение свое имеет по обе стороны реки Нючпаса. В нем господской дом и для мастеровых людей построенные казармы деревянные. На означенной речке запружен пруд, при котором стоит кирпичная домна для переплавки из руд чугуна со одним горном, в коей выплавляется из руд чугуна в год до семидесяти тысяч пудов. В горне во время действия уголья употребляются до тридцати тысяч четвертей. В нем вододействующая молотовая фабрика деревянная, в коей два горна, работаются разных сортов железо, ...а действие бывает не во все годовое время, а только во время разлития полой воды апреля от 20-го по июль месяц». «Чугун обходится хозяевам от тритцати пети и до сорока копеек, железо от пятидесяти и до шестидесяти копеек пуд. Чугун переплавляется в железо весь, и оной отправляется к Кажемскому железному заводу, где по переделке в железо из оного отправляится принадлежащей к тому особо отмежеванной пристани, а от оной опускаится в барках водною камуникацию ко Архангельскому порту. С чугуна платится казне по четыре копейки с пуда каждый год, с домны по сту рублей. Руда переплавливается против прочих мест рудных выгодней. А чугун переделываится в железо наемными мастеровыми, коим платится с пуда по шести копеек. А для добычи руды, съжения уголья, рубки дров и возки оных... бывает из близлежащих селений иногда человек до ста, которым производится плата в день от десяти и до двенадцати копеек». «А дачи (владения – И.Ж.) простираются по обе стороны реки Лопьи, речки Нючпас и двух безымянных ручьев, ...в них ловится рыба: щуки, окуни, харьюсы, плотва, налимы и ерши... Лес растет дровяной: еловой, сосновой, пихтовой, березовой и осиновой. В нем набегом бывают звери: зайцы, лисицы и белки; птицы: тетерева, рябки и протчих родов. Сено скашивается наемными людьми для

имеющих в заводе хозяйских лошадей. Бывающие на заводе работники для пищи... съестные припасы покупают из хозяйского могазейна по сходственной цене».

«Кажимский железный завод, владение великоустюжских купцов и заводчиков Ивана Яковлева сына Курочкина и Олександра Федорова сына Юринского. ... Завод положение имеет по обе стороны реки Кажемы... и по обе стороны большой дороги, лежащей из города Великого Устюга в Кай город. В реке... вода для употребления людям и скоту здорова... Церковь деревянная во имя святого Димитрия... Дом господской для приезду разного звания людей и для приимщиков конторы. Деревянных несколько казарм для живущих в том заводе разных мастеровых людей и протчих работников. На означенной реке запружен пруд, две молотовые вододействующие фабрики по правую сторону, ...а по левую мукомольная мельница. А домны не имеется, ...чугун привозится из Нючпасского завода. В оных фабриках для разварки из чугуна в железо семь горнов, и вододействующих молотов семь, коими выковываится разных сортов железа в год до пятидесяти тысяч пуд и более. Во оные горны во время действия употребляится уголья в девять тысяч и более коробов». «То железо обходится хозяевам на заводе по пятидесяти по пети и до шестидесяти копеек, а продается на месте для мастеровых устьсысольской округи разных волостей ценою по осьмидесяти копеек пуд, а протчие отпущаются воденою камуникацию ко архангельскому порту и продается от девяноста копеек и до одного рубля пуд. Пилная мелница о дву рамах распиливает в год лесу до тысячи дерев, и тесу бывает до четырех тысяч досок, которой употребляится для судоваго строения и для заводских надобностей. Мукомольная об одном постава, в ней смелится разного рода хлеба четвертей более ста. Действие имеют, кроме полой воды и повреждения во весь год. кузница о пяти горнов, на которой работают для заводных надобностей кузнечною и слесарною работу». «На означенном заводе находится разных... для переплавки из чегуна в железо и протчих работ человек до семидесяти, коим плата производится за выкованное железо... с каждого пуда по шести копеек с половиною. Для возки уголья, дров и укрепленья плотин и протчих работ из близлежащих селений бывает человек до двухсот и болие, коми производится плата в день по двенатцати копеек. И оные... мастера и приесжие работники съесными припасами и протчими потребными для них обувью, холстом и хлебом довольствуются их хозяйсткого магазеина, покупая по добровольным ценам. Собственных заводчиков людей не имеется, а нахолится приписных из разных волостей дватцать девять луш». «В той реке ловится рыба: щуки, лещи, харьюсы, язи, налимы, окуни, плотва, ерши... Лес растет дровяной: сосновой, еловой, березовой. В нем звери: зайцы, белки; птицы: рябки, тетерева. Сенные покосы скашиваются для хозяйского скота наемными людьми. Пристань для судового хода и нагрузки железа, что на реке Сысоле... Оная пристань положение имеет по обе стороны реки Сысолы, Кажемы, при которой для нагрузки железа состоит два анбара, где и делаются суда, коих в год срабатывается от шести и до осьми барок, ...во оных как то боласт (балласт – И.Ж.) и железо в разлития полой вешней воды отправляются водяной кумуникациею ко архангельскому порту». (Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 177).

2. Слудская волость в 1853 году.

«Положение имеет село Слудское по обоим сторонам большой столбовой дороги, лежащей из города Слободского в город Лальск, и речки Еластихи. Во оном селе церковь каменная во имя Николая Чудотворца с приделом архангела Михаила и при ней колокольня каменная ж, где бывают в те самые дни торги, на которые съезжаются близлежащих селений жители с разною деревянною рухледью. Деревня Черемуховская по обеим сторонам вышеписанной столбовой дороги и лога безымянного и в недальнем расстоянии от реки Моломы; выселок Мутницкий на суходоле и по обе стороны вышеписанной большой дороги; Талицкая по обеим сторонам большой дороги и речки Талицы; Королевская по обеим сторонам двух логов сухих и большой дороги; Березовская по обеим сторонам речки Большой Березовки, спрудной воды и большой дороги; выселок Гурьевский по обеим сторонам лога сухого и большой дороги; Слутской промежду речки Моломы и ключа Тупики; выселок Слизовской, Кулижской, Субаевской, починок Бушковской на суходолах и ровных местах».

«Речка Молома в ыное жаркое время шириною бывает в 30 сажен, глубиною от одного аршина и до полуторы сажени; в ней рыба щуки, окуни, язи, лещи, сороги, ...ерши и пискари. Речка Черемуховка против оной шириною бывает в 5 сажен, глубиною от одной четверти и до двух аршин. В ней рыба щуки, окуни и сорога, которая ловится ближайших селений жителями для своего употребления. А прочие речки и ключи течение имеют малое, а потому и рыбы в них не бывает. На речке Мутнице стоит мукомольная мельница об одном амбаре и поставе, которая действие имеет в летнее и осеннее время, на коей вымалывается разного хлеба до 26 четвертей; на речке Большой Березовке об одном амбаре на двух поставах, коя действие имеет во все годовое время, на коей вымалывается хлеба до 40 четвертей, которые состоят во владении оной волости у крестьян. Жители водой довольствуются из вышеписанных речек, а на суходолах их вырытых колодезей, которая ко употреблению людям и скоту здорова. Земля грунт имеет сероглинистой с песком, на коей из посеянного хлеба лутше родится рожь, овес, пшеница, ячмень, из семян горох, лен и конопля. Сенные покосы ...местами хороши... Лес ростет строевой сосновой, еловой, пихтовой, осиновой, вышиною от 6 до 8 сажен и толщиною в отрубе от 4 и до 6 вершков; дровяной тех же родов да березовой, черемуховой,

ивовой, таловой, рябиновой и ельховой, который для поташа неспособен. В нем звери: медведи, волки, зайцы, лисицы, куницы, олени, белки и горностаи; птицы: тетереви, рябчики, чижи, щеглы, синицы, зяблицы, овсянки, малиновки, пеночки, дрозды, скворцы, соловьи, кокушки, снигири, в полях перепелки, жаворонки и голуби, при водах дикие утки и разных родов кулики. Крестьяне промысел имеют хлебопашеством и скотоводством, звероловлею, а некоторые нанимаются под извоз от городов Вятки и Орлова до Ношульской пристани с хлебом. Женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, посконь и овечью шерсть, ткут холсты и сермяжные сукна для своего употребления, а частью и на продажу. Зажитком средственны, а некоторые и неимущи...»

«...Слутской волости из деревни Слудской починок над речкой Федоровкой...» «Положение имеют деревня Прокопьевская по обеим сторонам большой дороги, лежащей из города Слободского в город Лальск, и речки Прокопьевки; выселки Ивановской, Вавиловской, Лавринской, на суходолах, Ведевской на возвышенном месте, Прошкинской на суходоле, Куклинской на горе, Епишевской на большой дороге, лежащей из города Слободского в город Лальск, и речки Летки, которая в летнее время шириной бывает в 20 сажен, глубиною от полутора аршин и до полутора сажени, в ней рыба щуки, окуни, язи, лещи, сорога, ...ерши и пискари, которая ловится ближайших селений жителями для своего употребления; речек Прокопьевки, нижней Потаповки и Большой Березовки и многих логов и ключей безымянных, которые течение имеют в самое летнее жаркое время весьма малое, в оных рыбы не бывает. Жители водою довольствуются из близлежащих речек, а большою частью из вырытых колодезей, которая для употребления людям и скоту здорова. Земля грунт имеет серопещаной... Лутше родится хлеб рожь, овес и прочие, семена средственны; сенные покосы на поемных местах хороши, на возвышенном месте средственны. Лес ростет строевой сосновой, еловой, пихтовой, осиновой вышиною от 7 и до 9 сажен, толщиною в отрубе от 5 и до 8 вершков; дровяной тех же родов да рябиновой, черемуховой, ивовой, таловой, ельховой, который для поташа неспособен. В нем звери: медведи, волки, зайцы, лисицы, куницы, олени, белки, горностаи; птицы: тетереви, рябчики, чижи, щеглы, синицы, зяблицы, овсянки, малиновки, пеночки, дрозды, скворцы, соловьи, кокушки, снигири; в полях перепелки, жаворонки, голуби, при водах дикие утки, разных родов кулики. Крестьяне промысел имеют хлебопашеством и скотоводством, и звериною ловлею, некоторые нанимаются под извоз от городов Вятки и Орлова до Ношульской пристани с хлебом. Женшины сверх полевой работы упражняются в домашних рукодельях, прядут лен и овечью шерсть, ткут холсты и сермяжные сукна для своего употребления, частию и на продажу; зажитком средственны, а некоторые неимущи. Положение имеет выселок Булатовской на ровном месте по обе стороны большой дороги, лежащей из города Слободского в город Лальск, и по обеим сторонам речки Булатовки, да по обеим сторонам вышеписанной речки...» «Положение имеют выселок Зимний в четырех местах, в коих два на суходолах, третий ключа безымянного по обеим сторонам и четвертой ключа Молешора по течению оного на правой стороне...» «Положение имеют деревня Заимская на суходоле и возвышенном месте...» (Российский государственный архив древних актов. Ф.1355. On.1. Д.347. Л.286–299).

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ
Мацук М.А. Торговля как реалия повседневной жизни населения
южной части Коми края в первой половине XIX столетия
Рогачев М.Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске
(XIX – начало XX века)
Хайдуров М.В. К вопросу о быте духовенства Коми края в XIX веке:
«жилищный вопрос»
Титков О.Н. «Вологодские губернские ведомости»
о нравственных чертах коми крестьянства середины XIX века 40
Якоб В.В. Питание крестьянской семьи в 1920-е годы
Попова К.А. Двадцатые годы хх века. Странички моего детства 52
Таскаев М.В. В последний раз Усть-Сысольск, или столица Коми
области в 1929 году
Золотарев О.В. Коми учительство в 1920–1930-х годах
Попова Р.Л. Из жизни семей служащих в годы войны
Галева М.А., Бондаренко О.Е. Фронтовые письма Великой
Отечественной войны (по материалам Национального музея
Республики Коми)
«Экономические примечания к Генеральному межеванию» –
о жизни крестьян и рабочих Коми края

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ

Выпуск 1.

Научное издание.

Оригинал-макет – Н.К.Забоева.

Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 7,5. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 200 экз. Заказ № 55.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН. 167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.